

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378 (470+571)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы структурных преобразований высшего образования в нашей стране в контексте мировых глобализационных процессов.

Ключевые слова: глобализация, высшая школа, модернизация, интеграция, Болонский процесс, факторы глобализации.

Higher Education Reformation in Modern Russia as a Means of Globalization Needs Realization

I.G. Malinsky

The article deals with the problems of structural of higher education in the this country in the context of world globalization processes.

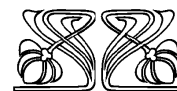
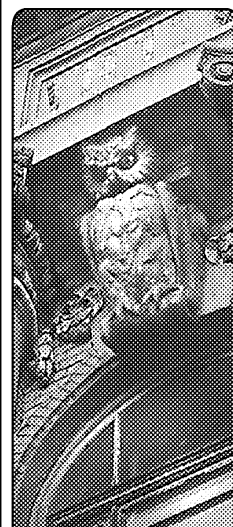
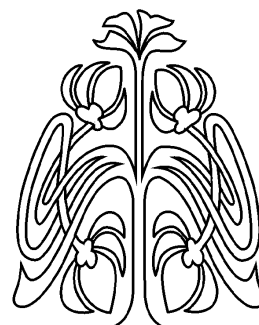
Key words: globalization, higher education, modernization, integration Bologne process, globalization factors.

Глобализация представляет собой объективный, охватывающий все страны мира и все сферы жизнедеятельности отдельных государств процесс все возрастающего воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность в отдельных странах, все более усиливающего влияния и воздействия общечеловеческих, мировых процессов на судьбы отдельных стран и народов, а также всего человечества в целом.

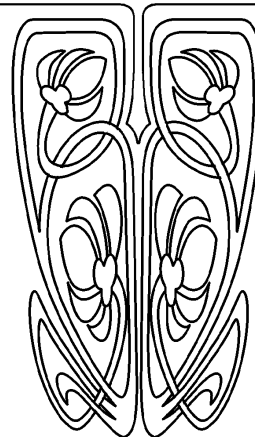
Возникли глобальные проблемы человечества, которые можно классифицировать следующим образом:

- социально-политические проблемы (предотвращение ядерной катастрофы, всеобщее разоружение, упрочнение системы всеобщей безопасности и др.);
- социально-экономические проблемы (преодоление нищеты и бедности, обеспечение возрастающей эффективности производства, поиск путей решения энергетического, сырьевого, продовольственного и др. кризиса);
- социально-экологические процессы (рациональное использование природной среды, сохранение равновесия между человеком и природой, сбережение растительного и животного мира и т.п.);
- гуманитарные проблемы (оптимизация демографической ситуации, ликвидация голода, эпидемий, алкоголизма, наркомании, соблюдение прав и свобод граждан и т.д.). Разрешение этих и других проблем требует совместных усилий всех стран и народов¹.

Естественно, что, охватывая все сферы жизни национальных государств, глобализация не может оставаться в стороне от такой области человеческой жизни, как система образования, которая давно стала одной из ведущих сторон жизнедеятельности общества. Заметим при этом, что, несмотря на всю актуальность проблемы, работ об образовании в контексте глобальных проблем не так уж и много².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Остановимся на некоторых аспектах взаимосвязи и взаимовлияния проблем глобализации и высшего образования в современной России.

Как известно самым мощным фактором глобализации является экономический, проявляющийся во многих своих качествах. Образование выступает одной из ведущих отраслей экономики. В самом деле, в экономике России функционирует около 70 тысяч государственных общеобразовательных школ, более 10 тысяч средних специальных учреждений и училищ, сотни вузов, в которых обучалось более 26 млн человек и занято 6 млн работников. Высшая школа сосредоточила в себе значительные трудовые, материальные и финансовые структуры и по численности занятых находится на уровне трудоемких отраслей промышленности, причем по удельному весу квалифицированных работников превосходит любую отрасль материального производства³.

В 90-е гг. прошлого столетия, в первое десятилетие XXI в. система высшего образования в стране, как экономика и общество в целом, переживала не лучшие времена, усугубившиеся мировым кризисом 2008–2009 гг., последствия которого не преодолены до сих пор.

В современных условиях высшая школа должна стать генератором новых идей и технологий и обеспечить формирование высокообразованного человеческого ресурса, необходимого для развития новых направлений науки, образования и бизнеса. Высшее профессиональное образование становится решающим фактором различия между динамично развивающейся экономикой и экономикой, остающейся на обочине прогресса. Модернизация высшего образования должна быть частью более широкой программы реформирования российской экономики.

Движущей силой современной мировой экономики являются знания в форме идей, современных технологий и инноваций. Высшее образование играет важную роль для приспособления к этим радикальным изменениям. Создание федеральных и научных исследовательских университетов в нашей стране открывает новую страницу в воздействии высшей школы на преобразование отечественной экономики.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, став в 2010 г. научным исследовательским университетом, нацелен на решение важнейших задач, способствующих развитию не только самого вуза, но и экономики региона. Качество образования сегодня становится важнейшей характеристикой, определяющей конкурентоспособность учреждений и национальных систем образования. Должны быть созданы и реализованы образовательные программы,

востребованные работодателями и обществом в целом. Это возможно лишь на основе создания инновационных образовательных программ⁴.

Воздействие глобализации на высшее образование проявляется и в изменении роли высшей школы в преобразовании социальной структуры общества, в совершенствовании политических отношений, в расширении социокультурного воздействия на молодое поколение.

Нельзя особо не сказать о Болонском процессе как важнейшем проявлении глобализации в сфере высшего образования. В нашей стране созданы государственные образовательные стандарты, нацеленные на двухуровневую систему подготовки в высшей школе, идет активное освоение всех элементов этого сложного процесса. В этом же направлении движется и Саратовский госуниверситет.

Вместе с тем нельзя игнорировать имеющиеся в обществе оценки проводимых мероприятий. На уровне высших государственных органов Российской Федерации, различных вузов страны, преподавателей и студентов порой раздаются голоса, что нельзя слепо следовать в фарватере Болонского процесса. Это может привести к потере многих лучших отечественных традиций в сфере образования и воспитания и подрыву позиций России на мировом рынке образовательных услуг⁵.

Другими словами, глобализационные процессы в области высшей школы весьма многообразны, сложны и неоднозначны и требуют пристального внимания к себе, учета всех факторов, обстоятельств и условий их реализации.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990; *Лейбин В.М.* Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии. М., 1991; Моисеев Н.Н. Человек и неосфера. М., 1990; *Иванов Д.В.* Эволюция концепции глобализации // *Телескоп.* 2002. № 4; *Халиков М.С.* Исторические корни глобализации // *Глобализация и социальные изменения в современной России: Тез. докл. и выступл. Всерос. социол. конгресса.* 3–5 октября 2006 г., Москва. М., 2006. Т. 11.
- ² См. в частности: *Глобализация и образование. Болонский процесс (материалы к круглому столу).* М., 2004; *Добреньков В.И.* Глобализация и Россия. Социологический анализ. М., 2006.
- ³ См.: *Социальная статистика.* М., 1997. С. 302.
- ⁴ См.: *Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета: итоги и перспективы.* Сб. науч. тр. Саратов, 2009.
- ⁵ См.: *Добреньков В.И.* Указ. соч. С. 382.

УДК 316.334.3

РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ СГУ (по результатам социологического опроса)

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье анализируются результаты социологического опроса студентов СГУ, которые демонстрируют роль СМИ как источника политического информирования учащейся молодежи, выявляется влияние гендера и профиля обучения на степень доверия и интереса студенчества к различным социально-политическим передачам.

Ключевые слова: студенчество, политическая информированность, СМИ, политическая культура.

The Role of Mass-Media in Field of Political Knowledge of the Students of Saratov State University (According to the Results of Sociological Polls)

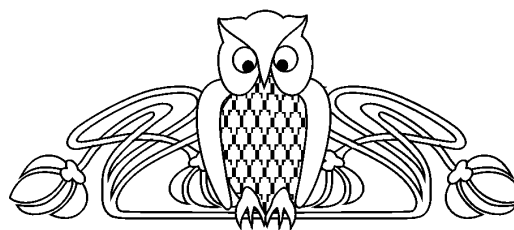
I.A. Beginina

The article analysis the results of the sociological polls the students of SSU, which reflect the role of mass-media as a source of their political information; the influence of gender and the field of study on the level of students' interest and trust to various socio-political programs is shown as well.

Key words: students, political knowledge, mass-media, political culture.

В постиндустриальном обществе роль знаний и информации становится решающей в управлении обществом. Сегодня тот, кто владеет информацией, – владеет властью. Непосредственными распространителями информации являются СМИ, проникающие во все сферы общественной деятельности, в том числе и политику, которая в большей мере нуждается в специальных средствах связи между государством и гражданами. В свою очередь целенаправленные контакты между людьми, обменивающимися и потребляющими разнообразные сведения, знания и сообщения, соединяют разные уровни политической системы, дают возможность институтам власти выполнять свои специфические функции по управлению государством и обществом. В своем реальном, повседневном выражении политика всегда представляет собой совокупность различного рода действий и взаимодействий конкретных субъектов во властной сфере.

Любая политическая информация, поступающая по каналам СМИ, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе многократно повторяемые сформированные политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей. СМИ обладают

большими возможностями влияния на разум и чувства людей, на их образ мысли, способности и критерии оценок, стиль и конкретную мотивацию политического поведения. Ведь без радио, телевидения, газет и журналов даже хорошо образованный человек не сможет правильно ориентироваться в сложной мозаике противоречивых политических процессов, принимать ответственные решения. Информирова, СМИ позволяют ему выйти за узкие рамки непосредственного индивидуального опыта, делают обозримым весь мир политики, но через призму своего собственного видения политической реальности. СМИ являются мощным средством воздействия и на личность, и на социальные группы, в т.ч. студенческую молодежь. Сегодня российское общество находится на этапе выстраивания жесткой вертикали власти, и деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние как на жизнь общества в целом, так и на политические и ценностные ориентации современного студенчества, и потому данный процесс требует постоянного социологического мониторинга.

Социологический опрос методом анкетирования студенческих групп третьего курса нескольких факультетов Саратовского госуниверситета по специальностям: социология (20,7%), геология и геохимия горючих ископаемых (15,3%), информатика и математика (12,0%), геофизика (11,3%), математика (10,0%), ОРМ (8,0%), гидрогеология (6,7%), регионоведение (4,7%) показал, что только 43,3% из них читают газеты, что свидетельствует о низкой степени интереса студенчества к печатным источникам информации. Среди читающих газеты студентов ежедневные общероссийские общественно-политические газеты читают 42,7%; еженедельные общероссийские газеты общественно-политического типа – 36,0; развлекательные еженедельные и ежемесячные газеты новостей, сенсаций, скандалов – 30,7; газеты рекламных объявлений – 17,3; местные развлекательные газеты новостей и скандалов – 10,7, как и местные газеты рекламных объявлений; местные ежедневные или еженедельные газеты общественно-политического характера – 9,3; спортивные газеты – 5,3; эротические газеты – 4,0; затруднились ответить 5,3%.

При этом каждый день политическую информацию в газетах читают 4,2% респондентов, 3–4 раза в неделю – 16,9, 1–2 раза в неделю – 35,2, 1 раз в 2–3 недели – 15,5, 1 раз в месяц – 8,5, 1 раз

в несколько месяцев – 9,9, вообще не читают политическую информацию – 9,9% опрошенных. Медианное значение – 1–2 раза в неделю, т.е. хотя бы раз в неделю политическую информацию в газетах читают 55,3% респондентов, что свидетельствует о наличии интереса у них к политике и тому как политические события освещаются в прессе. Таким образом, читающие студенты интересуются в основном общественно-политической, а не развлекательной информацией, т.е. с помощью прессы студенты узнают о политических событиях, происходящих в стране и мире. Большим интересом пользуются газеты: «Аргументы и Факты», «Коммерсантъ», «Известия».

Абсолютное большинство студентов смотрят телевидение, преимущественно – кинофильмы. Общественно-политические передачи интересуют их меньше всего. Каждый день эти передачи смотрят 12,9%, 3–4 раза в неделю 18,0, 1–2 раза в неделю 23,0, 1 раз в 2–3 недели 17,3, 1 раз в месяц – 11,5, 1 раз в несколько месяцев 9,4, вообще не смотрят 7,9%. Медианное значение – 1–2 раза в неделю. Таким образом, хотя бы раз в неделю общественно-политические передачи смотрят 53,9% респондентов, что свидетельствует о наличии интереса у них к политическим событиям и их освещению на ТВ.

Больше половины студентов хотя бы раз в неделю смотрят информационные передачи, в которых освещаются политические события, что свидетельствует о наличии интереса у них к политическим событиям и их освещению на ТВ. «Время», «Новости» на Первом канале вызывают интерес и доверие у 70,6% студентов. Программа «Сегодня» на НТВ – у 38,2%. Программа «Специальный корреспондент» вызывает интерес у 37,5%, «Вести», «Вести недели» российского канала – 22,8%, «Человек и закон», «К барьеру» – получили по 22,1% читателей, «Однако» – 11,8%. На порядок меньше популярность местных телепередач – 11,0%. Другие передачи («Времена», «Пусть говорят», «Неделя с Марианой Максимовской», «Воскресный вечер», «Три угла», «События», «События. 25-й час», «Парламентский час») пользуются еще меньшей популярностью среди студентов. Большое доверие и популярность главных центральных каналов – Первый и НТВ, а также информационных передач («Время» и «Сегодня») во многом связаны с тем, что телевидение, синтезируя звук и изображение, обеспечивает более широкие коммуникативные возможности, в органическом единстве находятся звуко- и видеоряд и задействованы оба важнейших типа рецепторов человека, что обеспечивает создание более прочных связей с аудиторией.

При этом в существование свободы печати верит менее 1/6 студентов, в абсолютную объективность СМИ – менее 1/10, что демонстрирует скептическое отношение учащихся к информации, поступающей из СМИ. Они полагают, что коли-

чество политической информации в печати за последние 1–2 года не изменилось, в Интернете и на телевидении – увеличилось, однако однозначно оценить ее разнообразие не смогли. Однообразие политической информации, по мнению опрошенных, свидетельствует о высокой степени контроля над ТВ и прессой. За последнее время, по мнению трети опрошенных, возможностей оппозиции высказывать свою точку зрения стало меньше. 3/4 студентов считают, что информация в СМИ искажается.

Интерес студентов к ситуации в мире выше, чем к событиям в стране и регионе, и они мало анализируют причинно-следственные связи происходящих политических событий. Их мнение во многом определяется не столько информацией, передаваемой СМИ, сколько мнением близкого социального окружения – членов семьи, близких друзей и коллег. Было установлено, что чем чаще студенты СГУ пользуются СМИ (телевидение и печать) для потребления политической информации, тем выше становится степень их доверия к ней.

Большинство студентов участвовало в последних избирательных кампаниях, однако свое участие в выборах они не считают проявлением политической активности. Студенческая молодежь в большинстве своем не придерживается никакой конкретной идеологии, это говорит о ее низкой политической активности.

Политическую обстановку в России студенты оценивают как спокойную. В их представлениях только Президент РФ (персонифицированная фигура) отстаивает интересы государства, все остальные органы заняты отстаиванием интересов элиты, т.е. студенты не верят, что государственная машина работает в первую очередь на благо граждан и государства.

По данным опроса, по мнению студентов, развитие экономики продолжается; материальное положение основной части населения в основном изменилось мало. Они не увидели никаких серьезных изменений в различных сферах жизнедеятельности общества под влиянием кризиса 2008 года. В будущее смотрят оптимистично большинство респондентов, вероятно, это связано с возрастными особенностями молодежи.

На политическую информированность студентов влияют различные факторы, в том числе образовательное направление. Доля читающих социологов выше, чем студентов-геологов и математиков; больше половины геологов читают газеты 1–2 раза в неделю, математики читают газеты реже остальных; больше всего доверяющих политической информации в газетах среди студентов механико-математического факультета, меньше всего – геологического. Геологи смотрят телевизор реже социологов и математиков. Только четверть социологов, седьмая часть математиков и восьмая часть геологов участвуют в политической деятельности, абсолютное большинство

которых принимает участие в выборах, а самое главное – является действительно политически активной группой. Занятие общественной деятельностью, как способ проведения досуга, отметила только пятнадцатая доля опрошенных (половина из них – социологи). В объективность СМИ больше верят математики. Для студентов СМИ – информаторы общества, особенно в этом уверены студенты-социологи, однако они меньше остальных видят пользу СМИ в выражении общественного мнения. Для геологов влияние семьи на их политические воззрения главенствует, влияние ТВ они поставили на 2-е место. Большинство математиков и социологов считают, что их решение самостоятельно.

Гендерная принадлежность также влияет на политическую информированность студентов СГУ. Среди студентов, читающих газеты, значительно преобладают девушки, однако студентки читают политическую информацию в газетах, смотрят общественно-политические передачи на ТВ реже студентов и в большей степени затрудняются в оценках доверия к ней. Девушки в 2 раза ниже оценивают деятельность СМИ как выразите-

ля общественного мнения. Студенты-юноши чаще не доверяют политической информации в газетах и в 2 раза чаще ориентируются на мнение своей семьи, друзей по политическим вопросам. И это несмотря на то, что большинство студентов подчеркивают самостоятельность выработки своих политических ориентаций.

Полученные данные демонстрируют неустойчивый характер политической информированности студенчества, их скептицизм и несколько завышенные оценки степени самостоятельности выработки собственных политических ориентаций. Это во многом предопределяет низкий уровень их политической культуры и политической активности и ставит перед преподавателями-обществоведами проблему необходимости обучения студентов аналитическим навыкам и умениям обнаруживать причинно-следственные связи в политической сфере, организации дискуссионных клубов, обсуждений, круглых столов для диагностики политического информирования СМИ и оказания помощи студентам в выработке их собственных адекватных политических воззрений.

УДК 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИОЛОГА С ЗАКАЗЧИКОМ

Н.Е. Аймаутова

Российский университет дружбы народов
E-mail: aimautova@mail.ru

В статье рассматриваются психологические факторы, способствующие установлению контакта и повышению уровня доверия заказчика к социологу. Анализируется процесс взаимного психологического влияния, осуществляемый в процессе их общения.

Ключевые слова: социолог, заказчик, психологические факторы, взаимодействие.

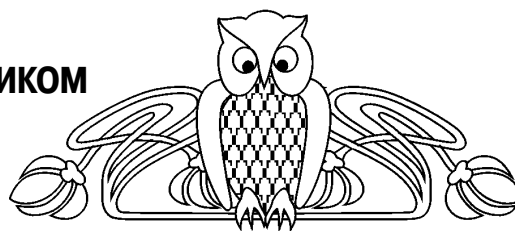
The Psychological Basis of the Sociologist–Client Interaction

N.E. Aymautova

The article reviews the main psychological factors that help sociologist to get in touch with his client and assure him of one's trustworthiness. The author analyzes the mutual psychological impact of such communication.

Key words: sociologist, client, psychological factors, interaction.

Выстраивая взаимодействие с заказчиком, следует в поле внимания удерживать как дело, так и человека. Это как бы два слоя, в каждом из которых параллельно выстраиваются отношения с заказчиком. С одной стороны, необходимо продумать и правильно осуществить все, что касается содержания заказа, а с другой – наладить психо-

логический контакт и психологически верно построить деловое общение с заказчиком.

Фокус нашего внимания будет сосредоточен на так называемом человеческом факторе, определяющем характер взаимодействия, поэтому обсуждаться будут психологические аспекты взаимодействия и делового общения.

В реальном взаимодействии мы имеем дело с людьми, которые думают, чувствуют и переживают. Игнорируя аспекты взаимодействия, которые относятся к области отношений людей или области психологических отношений, мы сильно рискуем затруднить и ход самого дела. И наоборот, умение выстроить контакт с людьми помогает успешно разрешать трудные, запутанные деловые ситуации.

Не случайно деловые люди во всем мире тратят уйму времени, устанавливая личные отношения со своими партнерами: играют в гольф, вместе обедают, просто встречаются; когда же дело доходит до переговоров, то важнейшие вопросы оказываются уже выясненными. Не случайно устраиваются деловые завтраки, обеды или ужины, на которых в соответствии с неписаным деловым этикетом половина времени отводится

которых принимает участие в выборах, а самое главное – является действительно политически активной группой. Занятие общественной деятельностью, как способ проведения досуга, отметила только пятнадцатая доля опрошенных (половина из них – социологи). В объективность СМИ больше верят математики. Для студентов СМИ – информаторы общества, особенно в этом уверены студенты-социологи, однако они меньше остальных видят пользу СМИ в выражении общественного мнения. Для геологов влияние семьи на их политические воззрения главенствует, влияние ТВ они поставили на 2-е место. Большинство математиков и социологов считают, что их решение самостоятельно.

Гендерная принадлежность также влияет на политическую информированность студентов СГУ. Среди студентов, читающих газеты, значительно преобладают девушки, однако студентки читают политическую информацию в газетах, смотрят общественно-политические передачи на ТВ реже студентов и в большей степени затрудняются в оценках доверия к ней. Девушки в 2 раза ниже оценивают деятельность СМИ как выразите-

ля общественного мнения. Студенты-юноши чаще не доверяют политической информации в газетах и в 2 раза чаще ориентируются на мнение своей семьи, друзей по политическим вопросам. И это несмотря на то, что большинство студентов подчеркивают самостоятельность выработки своих политических ориентаций.

Полученные данные демонстрируют неустойчивый характер политической информированности студенчества, их скептицизм и несколько завышенные оценки степени самостоятельности выработки собственных политических ориентаций. Это во многом предопределяет низкий уровень их политической культуры и политической активности и ставит перед преподавателями-обществоведами проблему необходимости обучения студентов аналитическим навыкам и умениям обнаруживать причинно-следственные связи в политической сфере, организации дискуссионных клубов, обсуждений, круглых столов для диагностики политического информирования СМИ и оказания помощи студентам в выработке их собственных адекватных политических воззрений.

УДК 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИОЛОГА С ЗАКАЗЧИКОМ

Н.Е. Аймаутова

Российский университет дружбы народов
E-mail: aimautova@mail.ru

В статье рассматриваются психологические факторы, способствующие установлению контакта и повышению уровня доверия заказчика к социологу. Анализируется процесс взаимного психологического влияния, осуществляемый в процессе их общения.

Ключевые слова: социолог, заказчик, психологические факторы, взаимодействие.

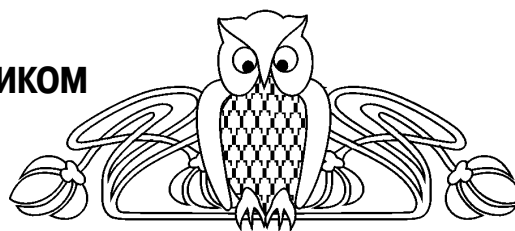
The Psychological Basis of the Sociologist–Client Interaction

N.E. Aymautova

The article reviews the main psychological factors that help sociologist to get in touch with his client and assure him of one's trustworthiness. The author analyzes the mutual psychological impact of such communication.

Key words: sociologist, client, psychological factors, interaction.

Выстраивая взаимодействие с заказчиком, следует в поле внимания удерживать как дело, так и человека. Это как бы два слоя, в каждом из которых параллельно выстраиваются отношения с заказчиком. С одной стороны, необходимо продумать и правильно осуществить все, что касается содержания заказа, а с другой – наладить психо-

логический контакт и психологически верно построить деловое общение с заказчиком.

Фокус нашего внимания будет сосредоточен на так называемом человеческом факторе, определяющем характер взаимодействия, поэтому обсуждаться будут психологические аспекты взаимодействия и делового общения.

В реальном взаимодействии мы имеем дело с людьми, которые думают, чувствуют и переживают. Игнорируя аспекты взаимодействия, которые относятся к области отношений людей или области психологических отношений, мы сильно рискуем затруднить и ход самого дела. И наоборот, умение выстроить контакт с людьми помогает успешно разрешать трудные, запутанные деловые ситуации.

Не случайно деловые люди во всем мире тратят уйму времени, устанавливая личные отношения со своими партнерами: играют в гольф, вместе обедают, просто встречаются; когда же дело доходит до переговоров, то важнейшие вопросы оказываются уже выясненными. Не случайно устраиваются деловые завтраки, обеды или ужины, на которых в соответствии с неписаным деловым этикетом половина времени отводится

светской беседе и лишь половина деловому разговору и т.д.

Современный социолог должен иметь хорошую социально-психологическую практическую подготовку в области делового общения, обладать так называемой коммуникативной компетентностью.

Под коммуникативной компетентностью обычно понимается способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. В состав компетентности включают некоторую совокупность знаний и умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса. Существенное значение имеет состав тех внутренних когнитивных средств, которые используются для ориентировки в коммуникативной ситуации, ее анализа и оценки, а также собственно внешние – поведенческие, экспрессивные и речевые средства¹.

Принято выделять деловое и личное общение. Применительно к ситуации взаимодействия социолога с заказчиком нас будет интересовать деловое общение, т.е. обслуживающее деловые цели, интересы, взаимодействие по поводу содержания потенциального заказа.

Современное социально-психологическое знание позволяет выделять и фиксировать в деловом общении проблемы, пути их решения, а также принципиальные идеи с позиций разных современных теоретических ориентаций.

Так, в рамках гуманистической психологии разрабатывалась идея об открытой организации и открытом общении, общении «реальных Я» в противовес общению на уровне «масок». Рольевому подходу к деловому общению противопоставляется такой, где значимым становится ориентация на другого, как на другое «Я», задана идея конгруэнтности общения. Разработанные в рамках этого подхода техники слушания, понимания эмоционального состояния, эмпатического сопереживания и другие прочно вошли в арсенал общеизвестных техник делового общения, как и некоторые ценности (например, спонтанного, индивидуально-специфичного реагирования в значимых деловых ситуациях, ценности партнерских отношений), но этого нельзя сказать о базовых принципах гуманистического подхода в целом.

Интеракционистский подход обогатил представления о деловом общении прежде всего рольевым подходом, позволил описывать те или иные коммуникативные ситуации на языке ролей участников коммуникации, поведенческого репертуара, соответствующего этим ролям. Важным также оказалось понятие самопроявления (самопрезентации), как отражающего меру успешности исполнения роли с целью произвести желаемое впечатление на другого². О силе влияния данного направления свидетельствует власть идеи имиджа, идеи создания имиджа для успешности делового общения (в том числе посредством рекламы).

Идеи теорий когнитивистской ориентации в социальной психологии направлены преимущественно на анализ сознания партнеров по коммуникации и выработку средств воздействия на партнера в соответствии со сложившимся пониманием. Это позволяет, к примеру, строить когнитивное моделирование переговорного процесса³ или конфликта и выработать соответствующую тактику действия, рассматривать когнитивные аспекты установления контакта, влияния на аудиторию (например, рекламы), принятия делового решения и т.д.

Бихевиористская ориентация способствовала развитию программ тренинга поведенческих техник делового общения применительно к различным трудным ситуациям (например, связанным с критикой со стороны партнера, переживанием напряжения в трудной ситуации, отдельных стадий переговоров или деловой беседы и т.д.).

Социолог должен уметь адекватно оценивать себя как участника делового общения. Важной является также способность адекватной психологической оценки партнера по общению.

Специальные отечественные исследования показали, что собирательный портрет субъекта затрудненного общения дает представление о человеке, раздираемом противоречиями, защищающемся от себя и окружающего мира, испытывающем постоянные внутренние конфликты, тревожном, неконгруэнтном, либо, наоборот, самодостаточном, агрессивном, стремящемся к личностному превосходству. Такой человек создает коммуникативные, социально-перцептивные, смысловые, интерактивные и другие барьеры, вызывает у партнера состояние эмоционального напряжения, тревоги и т.д. Известно, что человек, являющийся субъектом затрудненного общения, может этого и не осознавать, даже когда последствия его действий получают ценностно-смысловую оценку со стороны партнеров и сочетание его особенностей объективно ведет к затруднениям в общении⁴.

Таким образом, в целом для социолога необходима социально-психологическая подготовка к деловым контактам.

1. Психологические факторы, способствующие установлению контакта и повышению уровня доверия заказчика к социологу

Деловая жизнь вообще и взаимодействие социолога с заказчиком, в частности, реализуется конкретными людьми. Психологическая подготовка к общению и взаимодействию в настоящее время включается в курсы подготовки людей разных профессий и специальностей. Особенно это касается будущих и уже работающих менеджеров. Поэтому социолог в лице своего заказчика может встретиться с достаточно подготовленным и искусным в психологическом плане партнером, и

с таким партнером социологу, скорее всего, будет приятно и легко вести дела, поскольку он умеет понимать собеседника и делает все, что с психологической стороны помогает строить эффективные отношения. Но подготовленный партнер может использовать свои знания и умения с манипулятивными целями, ведя сложную игру и пытаясь достичь односторонне выгодных целей. В этом случае психологическая подготовка социолога должна способствовать тому, чтобы эти ситуации опознавать и уметь противостоять манипуляции, а также переводить такие отношения в конструктивное русло.

Прежде чем начать деловую беседу или переговоры с потенциальным заказчиком или любым деловым партнером, необходимо наладить с ним психологический контакт, сделав это по возможности эффективно. Установление контакта есть первая фаза любого акта общения, и далее в ходе общения характеристики контакта либо сохраняются и наращиваются, либо угасают. Если психологический контакт есть, это помогает продвигаться в содержании делового вопроса и разрешать его эффективно, если контакта нет, это служит помехой, затрудняет решение вопроса по существу. Поэтому социологу, начинающему деловые контакты с потенциальным заказчиком, а также впоследствии при взаимодействии с людьми, относящимися к «полю» или «объекту» работы, необходимо правильно применять психологические приемы установления контакта.

Любой добьется в деловом общении большего, если понравится своему партнеру. Людям приятно иметь дело с тем, кто нравится. Кроме того, легче уступить тем, кто нам кажется порядочным, открытым, дружелюбным. Речь идет не о том, чтобы мы обманывали и притворялись, а о том, как мы проявляем себя и свои лучшие намерения при знакомстве.

Существуют разные приемы, помогающие установить психологический контакт с партнером. Во-первых, большое значение имеет сама установка, ориентация на определенный тип делового общения. Настрой на партнерство, а не на «победу» во взаимодействии является важным фактором установления контакта и завязывания деловых отношений с перспективой долгосрочного сотрудничества. Такая установка будет прочитываться «между строк» и благоприятствовать расположению к нам заказчика.

Люди, которые впервые встретились, сначала присматриваются друг к другу и их разделяет психологическая дистанция. По мере знакомства и благоприятного развития отношений дистанция сокращается, что проявляется в росте доверия, дружелюбия, заинтересованности, взаимопонимания, ощущении совместности действий и симпатии. Деловые партнеры должны установить оптимальную психологическую дистанцию так, чтобы это помогало осуществлять задачу взаимодействия. Дистанция не должна быть слишком

близкой, поскольку это характерно для дружеских и личных отношений, и не должна быть слишком большой, так как это будет ощущаться (по крайней мере, одним из партнеров) как отчужденность, отгороженность, давление, что, в свою очередь, будет порождать также тревожность, недоверие, опасение и т.п. Таким образом, выстраивая деловой контакт, социологу необходимо заботиться о том, чтобы создать оптимальную психологическую дистанцию для делового общения.

Устанавливая контакт с партнером, мы должны «двигаться навстречу» ему, причем быстрее, чем он навстречу нам. В этом одна из главных психологических предпосылок успеха. Другими словами, мы должны позаботиться о том, чтобы «сломать лед», показать, что нас вдохновляет возможность сотрудничества с партнером. Коммуникативными действиями, реализующими «движение навстречу партнеру», являются следующие: естественность поведения, демонстрация партнеру лучших свойств Я, позитивный, оптимистичный настрой, проявление интереса к собеседнику, умение слушать партнера, подчеркивание моментов общности, выражение искреннего одобрения и т.д.⁵

Естественность поведения помогает завоевать расположение собеседника. Имидж должен основываться на нашем Я. Это не означает, что надо выпячивать недостатки. Лучше всего опираться на те личностные ресурсы, которыми каждый из нас располагает, на действительные качества своего ума и своей личности. Большей естественности поведения удастся достичь, если выработать спокойное отношение к исходу деловой беседы или переговоров.

Лучшие свойства Я, проявляющиеся в общении, могут, к примеру, касаться способности быть уважаемым, авторитетным, профессионалом, душой компании, человеком с хорошим чувством юмора и т.п. Понятно, что эти стороны Я должны быть близки нашей сути. Это позволит одновременно занимать открытую, а не закрытую позицию в общении.

Восприятие позиции партнера как открытой – фактор, повышающий доверие к нему. Самораскрытие в общении является одним из приемов, демонстрирующих открытую позицию⁶. Самораскрытие означает, что мы позволяем собеседнику узнать себя как человека, как личность. Сильные свойства нашего Я мы более всего открываем, рассказывая что-то о себе, о своем жизненном опыте, взглядах и предпочтениях. Сам рассказ из личной, персонифицированной («моя позиция в этом вопросе», «я чувствую»), а не из отстраненной позиции («многие считают», «говорят») означает психологическую открытость собеседника и порождает симпатию, готовность идти навстречу, доверительность, ответную открытость и сокращает психологическую дистанцию.

Оптимистичность настроя как коммуникативное действие, способствующее налаживанию

психологического контакта, предполагает «излучение» силы, энергии, уверенности в себе. Партнеры предпочитают иметь дело с уверенным удачливым человеком, которому сопутствует успех. И такая манера поведения – общий знаменатель удачи многих процветающих людей. Проявление нерешительности, слабости, страха перед возможным провалом гарантирует неудачу, особенно в ситуации знакомства, первых контактов с партнером.

Проявляя искренний интерес к партнеру, мы используем лучший способ, помогающий нам вызвать ответный интерес к себе. Надо говорить в первую очередь о том, что интересует собеседника, а лишь потом о том, что интересует нас. Американскому бизнесмену Х. Маккею после ряда безуспешных визитов к потенциальному партнеру наконец улыбнулась удача, когда он, увидев фотографию последнего на фоне яхты, вспомнил все, что знал о парусных судах, и сумел поддерживать разговор с хозяином кабинета в течение полутора часов, после чего получил согласие на сотрудничество и реальный контракт⁷.

Демонстрация позитивного отношения к возможности взаимодействия с конкретным партнером и содержанию взаимодействия с ним способствует росту его доверия и желания иметь с нами дело.

Настрой на слушание, понимание собеседника также способствует налаживанию и поддержанию контакта. Рекомендуется проверять точность понимания партнера. Для этого, в частности, можно повторять, резюмировать его высказывания, фиксировать их на бумаге. В свою очередь собеседник, видя интерес к себе, невольно постарается более четко формулировать свои мысли. Он также обязательно вознаградит нас своим вниманием.

Рекомендуется с первых минут избегать конфронтации. Лучше попытаться найти общие интересы, продемонстрировать свое уважение и лишь затем обсудить то, на что собеседник смотрит иначе.

Наконец, прекрасным средством установления контакта является одобрение, похвала. Лучше выразить собеседнику свое положительное отношение, восхищение его заслугами, способностями, достижениями и т.д., а не умолчать об этом. Важно, чтобы это было искренне и чтобы это не говорилось в ситуации, когда для собеседника слишком очевидно, что похвала преследует корыстные цели.

Следует сразу запомнить имя собеседника и чаще обращаться к нему по имени. Если в начале беседы нам удастся получить три утвердительных ответа от партнера (даже на дежурные вопросы), это также будет вкладом в установление контакта и создание атмосферы понимания. Можно использовать прием высказывания «трех истин» о себе и о партнере по общению. Все это благоприятствует созданию «ауры» согласия, позитивного фона для последующего взаимодействия.

Контакт необходимо устанавливать с первых мгновений общения. Первое впечатление о человеке может значительно повлиять на характер дальнейших отношений. И мы сами с первых мгновений знакомства способны повлиять на то впечатление, которое сложится о нас. Факторами, которые могут оказать влияние на формирование позитивного первого впечатления о социологе у заказчика, являются следующие: физическая привлекательность, стиль одежды, психологическая установка на социолога, созданная отзывами о нем другими людьми, сходство этнокультурного, социального и профессионального планов и др.

Важнейшим каналом установления контакта является невербальный канал общения, подразумевающий использование неречевых знаковых систем. Так, например, улыбка хоть и не является обязанностью человека, но без нее гораздо труднее расположить человека к себе. Необходимо с первых мгновений очного знакомства установить визуальный контакт, то есть посмотреть на лицо, в глаза собеседнику (но конечно, не «есть» его взглядом). Теплое, крепкое (но без сдавливания до боли) рукопожатие также вносит вклад в создание атмосферы психологического контакта. Подавать руку надо ладонью вверх, это – жест доверия. Более низкий тон голоса вызывает больше доверия. Рекомендуется использовать жесты открытости, например, «открытые руки», «расстегнутый пиджак», которые демонстрируют желание идти навстречу и установить контакт.

Следует также помнить о факторах организации пространства общения как работающих на создание контакта. Существует правило: чем больше партнеры заинтересованы друг в друге, тем ближе они находятся по отношению друг к другу в физическом пространстве. Так, расстояние 0,5–1,2 м оптимально для разговора друзей, знакомых, неформального общения коллег, а расстояние 1,2–3,7 м целесообразно для социальных, деловых отношений. При этом верхний предел соответствует формальным отношениям. Эти правила могут несколько варьировать в зависимости от пола, возраста, национально-культурной принадлежности собеседника. Расположение партнеров на одном горизонтальном уровне (важно, чтобы глаза были на одном уровне) подчеркивает равенство их психологических позиций и благоприятствует установлению контакта. В ходе беседы располагаться лучше лицом к лицу.

Первые контакты могут осуществляться непосредственно и опосредствованно через письма, рекламную продукцию, по телефону. Каждая из этих форм предполагает действие своих факторов установления контакта. Так, при разговоре по телефону особенно важны характеристики голоса, улыбка должна «звучать» в голосе. При письменном обращении (обычно более жестко заданном существующими правилами деловой переписки) важно найти средства, передающие

момент личной обращенности к собеседнику, заинтересованности именно в нем.

Если же говорить не о первых, а о последующих контактах, то развитию доверительных рабочих отношений заказчика и социолога будет способствовать удачная презентация итогов первых этапов работы, постоянное информирование о ходе работы.

2. Общение социолога с заказчиком как процесс взаимного психологического влияния

Психологическое влияние предполагает воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека. И мы осознанно и бессознательно влияем на других, и этим проникнут каждый акт человеческого общения. При взаимодействии социолога с заказчиком у каждого может возникнуть задача – повлиять на партнера с определенной целью: убедить его в чем-то, расположить к себе, смягчить его позицию, заставить поверить в успех рискованного предприятия и т.д. Взаимодействие социолога с заказчиком можно рассмотреть в свете взаимного влияния. Взаимное влияние – это столкновение двух или нескольких волей, сознательная или бессознательная борьба человека за уподобление других людей себе, своим планам, замыслам, желаниям.

В данном случае речь идет об исключительно психологических средствах и видах влияния. При классификации видов психологического влияния выделяют следующие: аргументация – высказывание и обсуждение доводов в пользу определенного решения или позиции с целью формирования или изменения отношения собеседника к данному решению или позиции; самопродвижение – объявление своих целей и предъявление свидетельств своей компетентности и квалификации для того, чтобы быть оцененным по достоинству и благодаря этому получить преимущества на выборах, при назначении на должность и др.; манипуляция – скрытое побуждение адресата к переживанию определенных состояний, принятию решений и/или выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей; формирование благосклонности – привлечение к себе непроизвольного внимания адресата путем проявления инициатором собственной незаурядности и привлекательности, высказывания благоприятных суждений об адресате, подражания ему или оказания ему услуги; нападение – внезапная атака на чужую психику, совершаемая с сознательным намерением или без и являющаяся формой разрядки эмоционального напряжения (посредством высказывания пренебрежения, оскорблений, грубого, агрессивного осмеяния, безапелляционного навязывания своих советов и т.д.); принуждение – человек при этом не по своей воле, а под влиянием угроз выполняет определенные действия. Принуждение, несомненно,

является постоянным элементом деловой жизни. Мы принуждены следовать условиям договора, принятого решения, инструкции. Однако во всех этих случаях мы добровольно на это согласились. По-настоящему принуждает тот запрет, ограничение или наказание, которые не были согласованы с нами заранее и не имеют статуса определенного договора. Возможны и другие виды влияния: внушение, заражение, просьба, игнорирование и т.д.

Виды влияния можно различать по степени цивилизованности или, наоборот, варварства. В качестве операциональных критериев цивилизованного влияния предлагается выделять три. Цивилизованное влияние способствует сохранению и развитию, во-первых, дела, во-вторых, деловых отношений и, в-третьих, личностной целостности. К психологическим средствам цивилизованного влияния относятся прежде всего слова, речь, текст. Такое влияние адресовано тем возможностям человека, которые ответственны за работу с этими средствами – разуму, интеллекту. К истинно цивилизованным видам влияния можно отнести аргументацию, контраргументацию, самопродвижение и конструктивную критику. В зависимости от конкретных условий цивилизованными могут быть и некоторые спорные виды влияния, например: просьба, пробуждение импульса к подражанию, внушение, заражение, игнорирование (не человека, а какой-то части его высказывания или реакций) и т.д.

К варварским видам влияния относятся нападение (во всех его разновидностях) и принуждение. Даже если в краткосрочной перспективе эти методы влияния иногда повышают эффективность работы, они неминуемо нарушают и разрушают деловые отношения и, главное, личностную целостность участников (заставляют страдать, вызывают нарушение душевного равновесия и т.д.).

Манипуляция как вид влияния является переходной ступенью от варварства к цивилизации. Основными критериями выделения манипуляции являются следующие: 1) психологическое воздействие, 2) отношение манипулятора к другому, как средству достижения своих целей, 3) стремление получить односторонний выигрыш, 4) скрытый характер воздействия, 5) использование психологической силы, игра на слабостях⁸. Она нацелена на то, чтобы принудить человека чувствовать, думать и действовать так, как это выгодно манипулятору, но при этом так, чтобы человеку не казалось, что его принудили. Этого удастся добиться, затронув значимые «струны души» или мотивы адресата. Манипулятор тем тоньше и искусней, чем большее количество струн в чужой душе может распознать и затронуть. Такими «струнами» могут быть любопытство, зависть, стремление к независимости, стремление получить побольше денег (или поменьше потерять), властность, желание быть привлекательным для противоположного пола и т.д. Для манипулятора другие люди – это орудия, препятствия или добыча, так же как и для

варвара. Однако он учитывает, что они люди, и использует это.

К манипуляции относят широко распространенные в сфере бизнеса действия – обман, лесть, уловки и закулисные интриги, игру на чувствах, использование в целях влияния психологических слабостей и недостатков других лиц. Манипулированием считают факты применения недобросовестной рекламы и пропаганды, заключение сделок, наносящих ущерб одной из сторон, случаи мошеннических операций и т.д. У всех этих действий есть общее – они осуществляются путем обходных, косвенных способов влияния, с помощью которых людей побуждают принимать невыгодные для них решения и реализовывать действия, наносящие им ущерб. При этом оказывается, что в сознании объекта этих действий навязанные извне действия выглядят как естественные и добровольные⁹.

Предлагается выделять два типа приемов манипулирования в деловом общении: позиционные (усиливающие собственную и ослабляющие позицию противника) и деловые (непосредственно направленные на извлечение практических выгод).

Примерами приемов манипулирования, позволяющих достигать позиционного выигрыша и через это – делового, могут быть следующие: наступление – может выражаться в противодействии целям объекта, навязывании обсуждения выгодных субъекту тем, применении фиктивных угроз и т.д.; ослабление позиции оппонентов – может осуществляться за счет получения преимущества путем нейтрализации руководителя или главного «козыря» другой стороны, сеяния раздора между соперниками, организации мнимой конкуренции, персональных выпадов и т.п.; нанесение удара по слабому месту – путем предостережений, угроз, извлечения выгод из нужд, трудностей, сложного положения противника, шантажа; варьирование временем деловой беседы – может заключаться в использовании лимита времени, например, когда добиваются уступки в конце переговоров, в намеренном затягивании дела, заставляющем оппонента зря тратить время, в добывании информации о крайнем для партнера сроке, но несообщение ему о своем, в умышленном откладывании переговоров, чтобы проверить, насколько партнеру необходима сделка.

Примерами приемов делового манипулирования являются следующие: использование ложной информации – делается с целью ввести в заблуждение; различные уловки, ложь, клевета, намеренная утечка информации в свою пользу, распространение выгодных слухов; уступки – жертва малым ради получения большего выигрыша или преподносится незначительный дар, демонстрируется благосклонность ради получения значительного выигрыша; логические уловки – могут осуществляться через подмену доказательств другими, не теми, которые были объявлены, разбивание сделки на части и заключе-

ние ее по частям, опора на выгодные прецеденты и т.д.; использование третьих лиц для получения преимущества – означает обращение к помощи людей из окружения партнера для оказания на него влияния, обращение к третьему лицу или арбитражу разрешения спорных вопросов с использованием в этой роли человека, усиливающего собственную позицию, заключение союза с другими людьми, для которых объект тоже является противником; признание очевидного – в этом случае критика используется для укрепления собственной позиции, лучше сознаться в недостатках, если их нельзя скрыть, продемонстрировать нежелательные последствия, предоставляя возможность объекту свыкнуться с неприятными мыслями. Конечно, представленный список приемов манипулирования далеко не полный.

Как и в любом деловом общении, манипуляция может иметь место при общении социолога с заказчиком и в ситуации заключения сделки, и в ходе работы с «объектом». Важно уметь выделять манипуляцию и обладать приемами противостояния возможной манипуляции. Выделению манипуляции способствует восстановление целей тех, с кем приходится иметь дело в процессе заключения и выполнения договора – кому и для чего нужны данные социологического исследования или другая форма работы социолога, может ли в манипулятивных целях использоваться статус социолога как эксперта, кто испытывает опасения за возможные результаты, на что и на кого в данной организации они могут повлиять и т.д. Известно, что в настоящее время практика использования социологических данных в манипулятивных целях (в том числе манипулирования общественным мнением) весьма распространена.

Приемы контрвлияния и противостояния манипуляции требуют специального освоения. На эту тему есть специальная литература, есть и специальные тренинги¹⁰. Приведем лишь отдельные примеры. Так, можно применять следующие меры контрманипулирования.

Упреждающее информирование – предполагает доведение до объекта что и как может применить против него деловой партнер.

Составление плана – требуется для того, чтобы быть психологически готовым к быстрой и спокойной реакции в случае нештатной ситуации, а главное – чтобы в ходе переговоров были обсуждены все намеченные вопросы. В план включаются главные идеи, мысли, фразы. В нем могут выделяются также такие элементы, как обращение к партнерам, коммерческие намерения, аргументация своей позиции, приемы нейтрализации возможных замечаний, варианты решений, подведение итогов беседы. В случае подготовки переговоров, исход которых имеет большое значение для одной из сторон, желательно включать отработку реакций в ответ на применение типичных манипулятивных приемов.

Логическое противостояние – как прием контрманипулирования означает наработку опыта полемики в ситуациях различных форм делового общения.

Конструктивная критика – это подкрепленное фактами обсуждение целей, средств и действий инициатора воздействия и обоснование их несоответствия целям, условиям и требованиям адресата. Может использоваться жесткое противодействие – пресечение попыток манипулирования через грубый отпор, заставляющий другую сторону отказаться от манипулятивной тактики.

Используются психологические «уходы»: в случае, когда манипулятор пытается добиться быстрой, однозначной реакции «на месте», бывает важно «сделать паузу», прервать контакт, чтобы собрать дополнительную информацию и сделать окончательный вывод в пользу конкретного решения.

Отсутствие эмоционального реагирования как прием состоит в проявлении выдержки, сдерживании импульсивных реакций, на которое рассчитывает партнер, продолжение деловой беседы в конструктивном ключе.

Можно также создать у партнера впечатление о принятии манипулятивных уловок с целью выяснения его конечных целей, степени его осведомленности о вашем положении. Можно «мягко» намекнуть манипулятору, что его уловки разгаданы, наконец можно использовать против манипулятора его же собственное оружие – встречное манипулирование.

3. Первые контакты социолога с заказчиком как ситуация найма социолога

Социолог, выполняющий работу по заказам, должен себя этими заказами обеспечивать, причем, как правило, в ситуации конкуренции. Для этого используются реклама, маркетинг. Но их предметом чаще является фирма или организация, оказывающая социологические услуги. Имя известного специалиста, выполняющего заказ, помогает получить заказ. Но как быть социологу, который не имеет публичной известности? Заказчик должен довериться конкретному исполнителю, согласиться с ним работать. Хорошо, если фирма, в которой он работает, имеет достойную репутацию и конкретный исполнитель может «греться в лучах» ее славы. Хорошо, если фирма рекламирует, представляет своих сотрудников потенциальным заказчикам, например, рассказывая им об их опыте, достижениях, заслугах.

Но для социолога значимой может также выступать задача самопрезентации (самопредъявления)¹¹. Под самопрезентацией в психологии понимаются различные стратегии и тактики, которые человек использует с целью произвести определенное впечатление на другого. Социологу необходимо произвести благоприятное впечатле-

ние на заказчика, причем это особенно важно в ситуации первых контактов.

Эта ситуация сродни ситуации найма на работу, когда работодатель должен оценить потенциального кандидата и решить, хочет ли он его принять или нет. При этом на решение влияет и впечатление о профессиональных характеристиках кандидата и о его личных качествах. Кандидат в ходе беседы с работодателем должен суметь предъявить все то, что необходимо для успешного выполнения работы, и просто создать положительное впечатление о себе как о человеке. Многие современные менеджеры в той или иной степени владеют навыками подбора и оценки персонала, и таковыми с большой вероятностью могут быть конкретные заказчики. Тем более, рекомендуется тщательно готовиться к встрече с заказчиком как потенциальным работодателем¹².

Конечно, социолог как бы занимается на временную работу и заказчик формально не является его начальником (кроме случаев, когда социолог является постоянным сотрудником организации, выполняя ее заказы) – это накладывает свои требования на те профессиональные и личные качества, которые могут интересовать заказчика и оцениваться им на этапе принятия решения о заключении договора, да и в последующем ходе совместной работы.

Важными для заказчика могут оказаться не только профессиональные знания и опыт работы социолога, но также заинтересованность в предлагаемой работе и проблеме, наличие необходимого ресурса для ее решения (в том числе опыта, помощников, программного обеспечения), целеустремленность, готовность работать с максимальной отдачей, ответственность, способность творчески подходить к решению проблем, честность и порядочность, возможно, также обаяние, харизма, психологическая притягательность как индивидуальное качество.

Что конкретно может интересовать заказчика при выборе социолога (или социологов), которые будут исполнителями заказа, и что он соответственно может попытаться узнать о нем?

1. Общие сведения – анкетные данные, включая фамилию, имя, отчество, возраст, образование, национальность и др.
2. Профессиональная подготовка, опыт, квалификация – стаж работы, в том числе в конкретной фирме, где учился, с какими фирмами и организациями работал, какие имеет отзывы и результаты, работал ли в команде с известными специалистами, область специализации, ориентированность на новизну, прогресс, отношение к работе вообще и наличие личного интереса к содержанию предлагаемой работы, в частности, степень ответственности.
3. Организаторские способности и способность к самоорганизации, целеустремленность, степень независимости.
4. Отношения с людьми – насколько быстро сходится с людьми, насколько корректен, может правильно сориентироваться в отношениях,

сложившихся в коллективе, с которым предстоит работа, умет ли оставаться «над схваткой», не втягиваясь в производственные конфликты, насколько умеет понимать собеседника.

Потенциальным заказчиком могут также оцениваться самооценка, стремление к творчеству, моральные качества, наличие актуальных проблем, слабостей у человека, с которым заключается договор, особенно если речь идет о долгосрочных отношениях.

Конечно, те или иные профессиональные и личные характеристики приобретают разную значимость в зависимости от типа планируемых работ и других особенностей ситуации заказа. Социологу важно понимать, насколько значим в конкретном случае фактор благоприятного впечатления о нем как профессионале и человеке, какие именно качества хочет видеть заказчик в социологе.

Средствами, которыми пользуется заказчик для формирования впечатления о социологе, могут быть документы (рекомендации, отзывы о нем и фирме, в которой он работает, публикации, представленное резюме, где должен быть отражен опыт работы), информация в интернет-сайте, отзывы знакомых и коллег, а также непосредственное впечатление, складывающееся на основании поведения в ситуации встречи, ответов на поставленные вопросы.

Социолог, со своей стороны, должен владеть средствами управления производимым впечатлением или средствами самопрезентации. Понятно, что задача состоит в том, чтобы у заказчика сложилось впечатление, что мы обладаем всеми требуемыми качествами. Мы действительно можем всеми ими обладать (или почти всеми), но заказчик должен это «увидеть» и надо этому способствовать.

Какие средства самопредъявления можно использовать? Одной из основных стратегий самопрезентации, необходимых для формирования благосклонности целевой персоны (заказчика), является самопродвижение¹³. Самопродвижение состоит в предъявлении свидетельств своей компетентности и квалификации для того, чтобы быть оцененным по достоинству и благодаря этому получить преимущества (в том числе на выборах, при назначении на должность). Основным методом самопродвижения является наглядная демонстрация своих возможностей в удовлетворении потребностей целевой персоны. Условием эффективности самопродвижения является реальная демонстрация своих возможностей или возможностей продукта (предпочтительно предъявление соответствующих сертификатов, дипломов, патентов, рекомендаций и др.). Может оказаться эффективной демонстрация расчетов и графиков. При продаже своей рабочей силы или проекта (в таком ключе можно рассматривать ситуацию взаимодействия социолога с заказчиком) важно сформулировать свои цели, запросы, условия. Парадокс самопродвижения заключается в том, что действительно компетентные люди

характеризуются сниженной потребностью заявлять о своей компетентности. Самопродвижение нуждается в энергии, в том, чтобы его специально развивали и усиливали. Помимо энергетике, самопродвижение требует умения проявить свою компетентность и, следовательно, знать и помнить, в чем эта компетентность заключается. Между тем, как заметил Бернард Шоу, умный человек не замечает своего ума, как человек, привыкший хорошо одеваться, не замечает своего костюма.

Примером другой стратегии самопрезентации, которая может использоваться с целью влияния на потенциального заказчика, является самоуважение. Условиями эффективности стратегии самопрезентации являются привлекательность (результаты исследований показывают, что люди автоматически приписывают индивидам, имеющим приятную внешность, такие положительные качества, как талант, доброта, сердечность, ум, им легче склонить оппонентов на свою сторону), вызывающая доверие внешность, обаяние, способность к внушению, уверенность.

Еще возможная стратегия – примероносительство. Она заключается в ссылках на людей, являющихся примерами и образцами для целевой персоны. Условием эффективности стратегии является выбор подходящего примера – им может быть только человек, авторитетный именно для данной целевой персоны, то есть заказчика.

Запугивание как стратегия самопредъявления тоже может принести свои плоды, если предостережение основано на объективном взвешивании рисков и преимуществ, а не на лобовой атаке типа: «Если вы не сделаете этого, то будете сожалеть». Методами реализации этой стратегии могут быть предупреждения о том, что в случае отклонения предложения могут быть упущены определенные возможности и заказчик проиграет в деньгах, силе, престиже.

Негативное впечатление на заказчика могут произвести самые разные факторы: вялое рукопожатие, жалкий внешний вид, неряшливость, нежелание смотреть в глаза собеседнику, неумение говорить (слабый голос, плохая дикция, ошибки в ударении и произношении), стремление показывать свое превосходство, отсутствие представления об организации, с которой человек собирается сотрудничать, отсутствие интереса к предстоящей работе, нетерпимость инакомыслия, неумение ценить время, плохое состояние финансовых дел, неспособность воспринимать критику, радикальные взгляды, авторитарность, стремление оказывать давление на собеседника, неопределенность ответов на вопросы, недостаток энтузиазма, плохое понимание собеседника.

Завершая рассмотрение взаимодействия социолога с заказчиком, еще раз подчеркнем, что социолог всю свою профессиональную практическую работу строит, находясь в контексте взаимодействия с заказчиком.

Это и определяет необходимость выделения сферы взаимодействия с заказчиком, как требующей понимания и освоения. Такое освоение предполагает интеграцию знаний из различных областей, которые задают и представление о сути взаимодействия с заказчиком, о средствах и приемах выстраивания социологом стратегий успешного взаимодействия.

Взаимодействие с заказчиком предполагает учет множества факторов, имеет разные этапы, на каждом из которых решаются свои задачи. Оно является также областью профессиональной самореализации и личного действия социолога.

В настоящее время роль социологии как прикладной дисциплины возросла, расширился круг заказчиков и типов услуг социолога в условиях современного складывающегося рынка. Социолог работает в условиях меняющегося общества и сам может способствовать его изменению.

Взаимодействие с заказчиком является одной из основных областей, в которых социолог должен хорошо разбираться и постоянно совершенствовать свои знания.

Примечания

¹ См.: Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяни-ков П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении: Практ. пособие. М., 1991. 96 с.

УДК 316.334.52

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Н.В. Шахматова, С.В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: SchmatovaNV@info.sgu.ru, skareva@yandex.ru

В статье даются описание и анализ основных тенденций трансформации ценностных ориентаций массового сознания на примере Саратовского региона. Алгоритм анализа апробировался на изучении особенностей изменения семейных ценностных установок и ориентаций, в результате чего получен социально-экономический портрет среднестатистической семьи Саратовского региона. Обозначены направления возможных изменений семейных ориентаций населения в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, трансформация ценностных ориентаций.

The Family as Object of Features of Values Transforming in the Public Mind

N.V. Schahmatova, S.V. Sitnikova

In the article the description and analysis is given of the main tendencies of values transforming in the public mind of Saratov region popu-

² См.: Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность, общение, групповые процессы. Современные немарксистские концепции. М., 1991. С. 37–74.

³ См.: Когнитивное моделирование переговорного процесса: Тез. докл. Всерос. конф. Москва, 17–18 декабря 1997 г. М., 1998.

⁴ См.: Лабунская В.А., Менжинская Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001. 288 с.

⁵ См.: Митрошенков О.А. Эффективные переговоры: Практическое пособие для деловых людей. М., 2000. 280 с.

⁶ См.: Амяга Н.В. Указ. соч.

⁷ См.: Маккей Х. Как плавать среди акул и не быть съеденным заживо. М., 2008. 256 с.

⁸ См.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 1996.

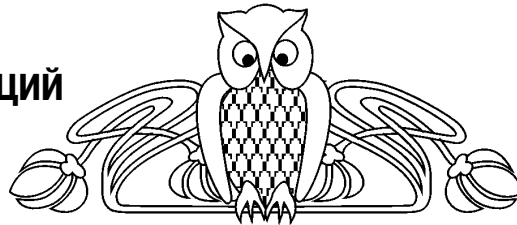
⁹ См.: Психология делового преуспевания. М., 2001, 304 с.

¹⁰ См.: Доценко Е.Л. Указ. соч.; Психология делового преуспевания. М., 2001; Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб., 2001. 256 с.

¹¹ См.: Амяга Н.В. Указ. соч.

¹² См.: Jons E.E. Interpersonal Perception. N. Y., 1990. 201 p.; Психология делового преуспевания. М., 2001.

¹³ См.: Сидоренко Е.В. Указ. соч.; Jons E.E. Op. cit.

lation. The method of analysis is approved through the investigation of values peculiarities in the family field, its attitudes and orientations. As the result, the author presents the social-economical portrait of average statistical Saratov region family. The directions of possible changers in family orientations in medium-term perspective were determined.

Key words: family, family fields, transformation of family orientations.

Проблема ценностных ориентаций массового сознания далеко не нова. Многие авторы обращаются прежде всего к вопросам развития культуры конкретного общества. Человек – это существо, руководствующееся правилами, а от животных его более всего отличает именно то, что он обладает культурой, блоком правил, определяющих внешние границы для его собственной индивидуальной активности¹.

В социологию понятие ценностей ввел М. Вебер в работе «Хозяйство и общество»², отождествлявший их с наиболее значимыми ценностными ориентациями, что послужило началом развития

Это и определяет необходимость выделения сферы взаимодействия с заказчиком, как требующей понимания и освоения. Такое освоение предполагает интеграцию знаний из различных областей, которые задают и представление о сути взаимодействия с заказчиком, о средствах и приемах выстраивания социологом стратегий успешного взаимодействия.

Взаимодействие с заказчиком предполагает учет множества факторов, имеет разные этапы, на каждом из которых решаются свои задачи. Оно является также областью профессиональной самореализации и личного действия социолога.

В настоящее время роль социологии как прикладной дисциплины возросла, расширился круг заказчиков и типов услуг социолога в условиях современного складывающегося рынка. Социолог работает в условиях меняющегося общества и сам может способствовать его изменению.

Взаимодействие с заказчиком является одной из основных областей, в которых социолог должен хорошо разбираться и постоянно совершенствовать свои знания.

Примечания

¹ См.: Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяни-ков П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении: Практик. пособие. М., 1991. 96 с.

УДК 316.334.52

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Н.В. Шахматова, С.В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: SchmatovaNV@info.sgu.ru, skareva@yandex.ru

В статье даются описание и анализ основных тенденций трансформации ценностных ориентаций массового сознания на примере Саратовского региона. Алгоритм анализа апробировался на изучении особенностей изменения семейных ценностных установок и ориентаций, в результате чего получен социально-экономический портрет среднестатистической семьи Саратовского региона. Обозначены направления возможных изменений семейных ориентаций населения в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, трансформация ценностных ориентаций.

The Family as Object of Features of Values Transforming in the Public Mind

N.V. Schahmatova, S.V. Sitnikova

In the article the description and analysis is given of the main tendencies of values transforming in the public mind of Saratov region popu-

² См.: Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность, общение, групповые процессы. Современные немарксистские концепции. М., 1991. С. 37–74.

³ См.: Когнитивное моделирование переговорного процесса: Тез. докл. Всерос. конф. Москва, 17–18 декабря 1997 г. М., 1998.

⁴ См.: Лабунская В.А., Менжинская Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001. 288 с.

⁵ См.: Митрошенков О.А. Эффективные переговоры: Практическое пособие для деловых людей. М., 2000. 280 с.

⁶ См.: Амяга Н.В. Указ. соч.

⁷ См.: Маккей Х. Как плавать среди акул и не быть съеденным заживо. М., 2008. 256 с.

⁸ См.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 1996.

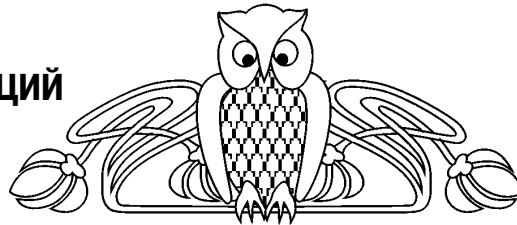
⁹ См.: Психология делового преуспевания. М., 2001, 304 с.

¹⁰ См.: Доценко Е.Л. Указ. соч.; Психология делового преуспевания. М., 2001; Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб., 2001. 256 с.

¹¹ См.: Амяга Н.В. Указ. соч.

¹² См.: Jons E.E. Interpersonal Perception. N. Y., 1990. 201 p.; Психология делового преуспевания. М., 2001.

¹³ См.: Сидоренко Е.В. Указ. соч.; Jons E.E. Op. cit.

lation. The method of analysis is approved through the investigation of values peculiarities in the family field, its attitudes and orientations. As the result, the author presents the social-economical portrait of average statistical Saratov region family. The directions of possible changers in family orientations in medium-term perspective were determined.

Key words: family, family fields, transformation of family orientations.

Проблема ценностных ориентаций массового сознания далеко не нова. Многие авторы обращаются прежде всего к вопросам развития культуры конкретного общества. Человек – это существо, руководствующееся правилами, а от животных его более всего отличает именно то, что он обладает культурой, блоком правил, определяющих внешние границы для его собственной индивидуальной активности¹.

В социологию понятие ценностей ввел М. Вебер в работе «Хозяйство и общество»², отождествлявший их с наиболее значимыми ценностными ориентациями, что послужило началом развития

аксиологического направления (от греч. *axia logos* – учение о ценностях). Наиболее крупный вклад в их изучение внесли У. Томас и Ф. Значецкий, вкладывавшие в них символический смысл, определяющий групповые стандарты поведения³. В рамках структурно-функционального подхода Т. Парсонс и Р. Мертон акцентировали внимание на интегративной и иной функциональности ценностей, сводя их к наиболее общезначимым социальным нормам⁴.

Исследование ценностных ориентаций имеет в России длительную традицию, начиная со ставшего классическим труда ленинградских социологов под редакцией В.А. Ядова «Человек и его работа» (1967). Эта проблематика связывает воедино комплекс материально-технических, финансово-экономических, социокультурных, общественно-политических, моральных и других факторов, оказывающих непосредственное воздействие на становление духовного мира человека, его фиксированные установки, а вместе с тем и на его поведение⁵.

На сегодняшний день существует достаточное количество определений понятия «ценность», синтезирующих вышеозначенные аспекты. Нашей позиции отвечает определение, предложенное Н.И. Лапиным⁶. Ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде, как самоценном субъекте, и обществе, как социокультурной системе.

Решение поставленных задач требует не только вторичного анализа результатов многочисленных социологических исследований в рамках изучаемой проблемы, но и получения данных сегодняшнего дня. В связи с этим был проведен опрос населения г. Саратова. Опрос проводился методом личного глубинного интервью. В ходе исследования было опрошено 25 человек, из которых 14 женщин и 11 мужчин. Возраст опрошенных респондентов составил диапазон от 16 до 67 лет. Опрос проводился в июне 2006 года. Опрос состоял из нескольких вопросов. Нас в данном случае интересовала развернутая аргументация вариантов ответов.

Первый вопрос по проблеме ориентировал респондентов на определение главного из того, что они имеют на сегодняшний день, что для них представляет ценность. Абсолютным

большинством (независимо от пола, возраста, уровня дохода и рода деятельности) респонденты определяли семью. Опрошенные, не имеющие своих собственных семей, упоминали родителей. Аргументы высокой значимости семьи свелись к ответным вопросам: «А что может быть важнее?» или таким вариантам, как «Ответить на вопрос, почему для Вас семья самое важное, это то же самое, что отвечать на вопрос “Зачем Вы едите?”» Респонденты определяют смысл своего существования через призму существования своей семьи.

Несомненно, важной, базовой в рейтинге значимости ценностей современного российского общества является ценность семьи и соответствующие установки, определяющие окололичностное пространство. Результаты массового опроса, проведенного Центром региональных социологических исследований СГУ при участии авторов⁷, показали наличие значимых связей, где одним из факторов оказалось семейное положение.

Итак, среди опрошенных респондентов большинство (почти 52%) имеют семью, из них 47% состоят в браке и 5% проживают совместно без регистрации. Косвенным образом это свидетельствует о том, что до сегодняшнего дня наиболее приемлемой формой совместного проживания является зарегистрированный брак. 48% респондентов не состоят в браке: это 31% неженатых, 8% разведенных, 1% официально состоящих в браке, а фактически нет и чуть более 8% вдовых.

Распределение по поколениям⁸ показало, что, на наш взгляд, вполне логично и соответствует параметрам генеральной совокупности, что среди групп женатых, формально женатых, разведенных и вдовых больше всего представителей средней генерации. Большую часть холостых и проживающих в незарегистрированном браке составляют представители младшей генерации. Таким образом, сожитительство является наиболее приемлемой формой брака для младшего поколения. Происходящие изменения внутри ценности «семья» свидетельствуют о распространности и приемлемости альтернативных форм брака в долгосрочной перспективе.

Из числа опрошенных 63% имеют детей, из них: 30% – одного ребенка, 26% – двоих детей, 4% – троих и около 3% – четверых. У холостых чаще всего нет детей, однако 5% указали на наличие одного ребенка, 2% – двоих детей и 0,5% имеют троих детей. У тех, кто состоит в браке, чаще всего два ребенка, у женатых, но проживающих отдельно, значительно больше тех, кто имеет лишь одного ребенка, у проживающих в незарегистрированном браке чаще всего детей нет, однако 24% имеют одного ребенка и 15% – двух. Люди, состоящие в разводе, а также вдовы чаще имеют одного ребенка.

Срез информации описательного характера позволил определить группы с различной степенью разброса (дисперсии), т.е. представлен-

ностью, в нашем случае по варианту количества детей. Группы с наибольшим разбросом составили женатые и вдовы. Только среди этих двух групп опрошенных оказались респонденты, имеющие от одного до четырех детей и более. Группу с меньшим разбросом составили холостые и разведенные. Группу по наименьшему разбросу определили те, кто официально состоит в браке, фактически не проживающие вместе и те, кто состоит в незарегистрированном браке. Проведенный дисперсионный анализ позволил сделать вывод: высокая степень формализации семейных отношений (наличие полной семьи, официально зарегистрированной) выступает одним из факторов многодетности.

Анализ материального положения опрошенных показал, что большинство населения идентифицировало себя с группой (по уровню жизни), для которой доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится брать заем, кредит. Исключение составила группа вдовых, среди них в равной сте-

пени представлены группы (по уровню жизни) 2 и 3 (таблица). В ходе анализа процентного соотношения по группе дохода выявлено, что две группы, определяющие самый высокий уровень дохода, характеризующиеся отсутствием каких-либо материальных затруднений, представлены только респондентами, состоящими в браке. Можно сделать вывод, что одним из факторов расширения возможностей увеличить благосостояние является кооперация, основанная на семейно-родственных отношениях, официально зарегистрированных и предполагающих совместное проживание и ведение общего хозяйства.

Дальнейший анализ результатов исследования выявил зависимость субъективного определения уровня материального благосостояния семьи от количества детей. Так, оказалось, чем меньше детей в семье, тем выше респонденты определяют уровень материального благосостояния. Самые большие группы по процентному соотношению, представляющие высокий уровень благосостояния, – это группа населения не имеющих детей.

Уровень материального положения населения Саратовского региона

Группа	Показатель	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Холост/ не замужем	Частота	7	23	99	39	35	4		207
	%	3,38	11,11	47,83	18,84	16,91	1,93	0	100,00
Женат/ замужем	Частота	14	86	173	29	23	8	2	335
	%	4,18	25,67	51,64	8,66	6,87	2,39	0,60	100,00
Женат/замужем, но живем отдельно	Частота	1		5	1	1	0	0	8
	%	12,5		62,5	12,5	12,5	0	0	100
Живем в незареги- стрированном браке	Частота	2	6	18	2	4	0	0	32
	%	6,25	18,75	56,25	6,25	12,5	0	0	100
Разведен/ разведена	Частота	3	17	32	1	0	0	0	53
	%	5,66	32,08	60,38	1,89	0	0	0	100,00
Вдовец/вдова	Частота	6	24	24	0	0	0	0	54
	%	11,11	44,44	44,44	0	0	0	0	100,00

Примечание.

1. Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на питание.
2. Денег хватает только на питание, но покупка одежды вызывает затруднения.
3. Доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится брать заем, кредит.
4. Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования.
5. Затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например автомобиля.
6. Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, купить машину.
7. Мы можем позволить себе все, что пожелаем. У нас нет материальных затруднений.

Динамика уровня материального положения по сравнению с 2000 г. определена положительной тенденцией. Большинство опрошенных отметили улучшение, исключение составила группа вдовых. Что касается ожидаемых изменений материального положения в ближайшие пять лет, большинство ориентированы на улучшение. Об инерционности в большей степени свидетельствуют ответы группы разведенных и вдовых. Именно эти категории,

на наш взгляд, являются наиболее уязвимыми и нестабильными.

Мы попытались выявить, как изменились статьи расходов граждан, имеющих детей. Большинство опрошенных указывают на увеличение затрат почти по всем статьям расходов. Исключение составили затраты на хобби, путешествия и крупные покупки. В данном случае большинство указывали на отсутствие изменений. Увеличение

расходов по основным статьям затрат чаще всего выделяют респонденты, имеющие детей. Большое число респондентов, не имеющих детей, чаще чем детные, указывают на увеличение расходов на хобби, путешествия и крупные покупки. На наш взгляд, это вполне логично и обоснованно. Выявление наиболее значимых статей расходов респондентов, имеющих детей, позволило выстроить рейтинговый список: увеличение расходов на выплату коммунальных платежей – 92% упоминаний, на питание – 75, образование детей, выплату налогов – 71, на медицину – 66, мелкие покупки – 48, крупные покупки – 31, путешествия – 21, хобби, увлечения – 17% упоминаний.

С одной стороны, увеличение затрат по указанным статьям сопряжено с увеличением оплаты данных услуг, что в большей степени отразилось на коммунальных услугах, росте цен на продукты и т.д., с другой стороны, оказались выделены большинством самые необходимые статьи расходов. Оплата коммунальных платежей и выплата налогов свидетельствует о достаточно высокой степени ответственности граждан перед государством (налоговые отчисления и коммунальные платежи напрямую сопряжены с государственными институтами). Питание является физиологически необходимой статьей расходов. На третьем месте оказалось образование детей. Это свидетельствует не только о повышении финансовых затрат на оплату данного вида услуги, но и росте значимости профессионального образования, что на сегодняшний день и определяет главную стратегию родителей в рамках процесса социализации ребенка. Чуть менее значимы расходы на медицину и лекарства, что тоже объясняется физиологической необходимостью каждого человека.

Интересными оказались результаты среза ожиданий изменения материального положения в контексте отражения государственных реформ.

Если в вышеописанной ситуации большинство респондентов испытывают надежды и ориентируются на улучшение, контекст государственного участия определяет менее оптимистичные настроения. Большинство опрошенных, независимо от семейного положения, высказываются в пользу инертности уровня жизни, независимо от реформ. На наш взгляд, это, с одной стороны, проявление высокой степени недоверия институтам государственной власти, а с другой – проявление большей уверенности в собственных силах, на что, вероятнее всего, и делает расчет большинство российского населения. Вновь получено доказательство роста значимости «окололичного пространства» в ценностных ориентациях населения.

Выявление удовлетворенности населения своим материальным положением свидетельствует о его низком уровне. Большинство из числа опрошенных групп проявили неудовлетворенность. Группы наименее удовлетворенных составили вдовы и разведенные. Это свидетельствует

о неэффективности, а зачастую и отсутствии адресной государственной поддержки населения. Именно эти группы населения требуют особого внимания при формировании и разработке программ социальной поддержки в рамках семейной политики.

Неудовлетворенность человека чаще всего является мощным стимулом к изменению положения. Ответы на вопрос о планах на ближайшие пять лет с целью улучшить свое материальное положение достаточно разнообразны, что косвенным образом свидетельствует о реальных ориентациях. Так, оказалось, что наибольшие показатели расчета коэффициентов корреляции (в частности, был использован коэффициент Крамера, выявляющий силу связи между номинальными переменными) с высокой значимостью определили влияние переменной «семейное положение» на ориентации: получить дополнительное образование ($V=0,37$), начать свое дело ($V=0,26$).

Что касается распределений и направления влияния. Получить дополнительное образование готовы 47% холостых респондентов, 26% опрошенных, проживающих в незарегистрированном браке, 25% формально женатых, но реально проживающих отдельно, всего 16% женатых и лишь 10% разведенных, среди вдовых желающих получить дополнительное образование не оказалось. Это свидетельствует о том, что лишь наличие реальной свободы (в нашем случае речь идет об отсутствии ответственности за другого человека) позволяет свободно распоряжаться временными и финансовыми ресурсами, чего, безусловно, требует качественное образование, и именно поэтому, на наш взгляд, качественное образование детей как сильная ориентационная стратегия родителей выражена в современной России в значительной степени.

Начать свое дело также чаще готовы респонденты, обладающие большей степенью свободы: проживающие в незарегистрированном браке – 29%, холостые – 24, женатые, но проживающие отдельно – 12 и женатые – 8,5%. Группы проживающих в незарегистрированном браке и холостых, как показал ранее описательный анализ, составляют большинство представителей младшего поколения (респонденты до 30 лет). Прослеживается ценностная ориентация на самоопределенность, то есть максимальное использование возможностей реализоваться, что, безусловно, требует огромных затрат «времени, сил и денег», как базиса для последующих социальных надстроек. В данном случае установка на самореализацию выступает одновременно и как цель – достижение и как инструмент.

Таким образом, формируя социально-экономический портрет современной российской семьи, можно утверждать: российская семья представляет союз, официально зарегистрированный органами государственных служб, нескольких человек, двое из которых представляют

возрастную категорию старше 25 лет, совместно проживающих на одной территории, ведущих общее хозяйство, имеющих одного, реже двух детей. Главной стратегией родителей в контексте социализации детей является ориентация на качественное профессиональное образование.

Уровень жизни определен доходом, которого хватает на питание и одежду, однако на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится брать заем, кредит. Однако динамика уровня материального положения определена тенденцией улучшения как фиксированного (по сравнению с 2000 г.), так и ожидаемого, причем ожидания связаны с расчетом на свои собственные силы, поскольку уровень доверия государственным структурам, как и ожидания результатов реформ, очень низок. Несмотря на это, проявлена высокая степень ответственности семей перед государством. Основными статьями расходов являются выплата коммунальных платежей, питание, образование детей и медицина. По всем статьям расходов отмечается увеличение затрат за последние несколько лет.

Несмотря на положительную динамику и надежды, российские семьи не удовлетворены своим материальным положением. Стратегии реализации действий по изменению положения носят ограниченный характер и жестко детерминированы временными и финансовыми возможностями. В частности, очень мало возможностей для получения дополнительного образования или организации собственного предприятия, поэтому гораздо большие надежды связаны с увеличением усилий по месту работы, ожиданием повышения профессионально-трудового статуса.

Что касается понимания современной российской семьи как фактора, выявлено, что именно кооперация, основанная на семейно-родственных отношениях, официально зарегистрированных и предполагающих совместное проживание и ведение общего хозяйства, является одним из факторов расширения возможностей увеличить благосостояние. Кроме того, высокая степень формализации семейных отношений (наличие полной семьи, официально зарегистрированной) выступает одним из факторов многодетности.

Прогнозы возможных изменений связаны прежде всего с увеличением приемлемости альтернативных форм брака, таких как незарегистрированное сожительство или, наоборот, зарегистрированный брак, не обязывающий к совместному проживанию и ведению общего хозяйства.

Обеспечение возможности для ребенка получения высшего образования, как основная родительская стратегия, будет увеличивать значимость.

Ориентацию «детности» будет определять желание и представление идеального количества

детей в семье – двоих. Возраст вступления в брак, как для мужчин, так и для женщин, ориентирует на «идеальный» период 21–22 года, причем соответствующий завершению периода первичной социальной адаптации посредством наличия законченного профессионального образования и возможности иметь работу.

Формирование и существование благополучных российских семей молодые граждане страны связывают с поддержкой со стороны Российского государства. Многие российские семьи нуждаются в адресной поддержке. Именно поэтому современная российская семья должна стать главным объектом изучения трансформационных общественных процессов, что было бы основой разработки и реализации программ государственной социальной политики.

Примечания

- 1 См.: *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 271.
- 2 См.: *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 628–630.
- 3 Подробнее см.: *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 335–357; *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998. С. 390–392.
- 4 См.: *Парсонс Т.* Социальное взаимодействие. М., 1998; *Он же.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. Тексты... С. 448–464; *Он же.* Система современных обществ / Пер. с англ. М., 1998; *Он же.* Понятие общества. Компоненты и их взаимоотношения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1993. № 3–4; *Он же.* Социология и мировоззрение // Социс. 1991. № 7; *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты... С. 393–461; *Он же.* Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в социологии. Вып. 1–3. М., 1968; *Он же.* Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966; *Он же.* Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 3–4; *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью / Ред. С.А. Белановский. М., 1991.
- 5 Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М., 2000. С. 8.
- 6 См.: Динамика ценностей реформируемой России / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляева. М., 1996. С. 47.
- 7 «Будущее России: Социологический проект». 2008 г.
- 8 Анализ проводился по общепринятым распределениям возрастных интервалов: к младшей генерации отнесены респонденты до 30 лет, средней – 31–60, старшей – 61 и старше.

УДК 336:331.108.2

КАДРОВЫЙ МЕНЕДЖЕР В КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье анализируются качества и функции, которые должны быть присущи менеджеру по персоналу в коммерческом банке.

Ключевые слова: коммерческий банк, менеджер по кадрам, свойства, функции, требования к менеджеру.

Huff Manager at a Commercial Bank

A.A. Voronov

The article deals with the analysis of qualifications and functions which are needed by a staff manager at a commercial bank.

Key words: commercial bank, staff manager, qualifications, functions, demands to a manager.

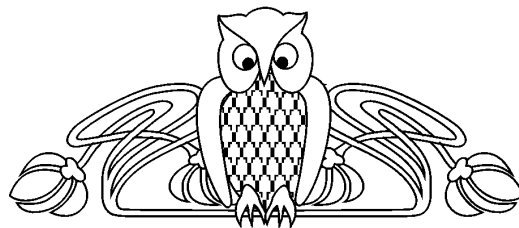
Эффективное функционирование любого современного предприятия и учреждения, в том числе и коммерческого банка, невозможно без участия менеджера по персоналу. Данная профессия вызвана к жизни объективными условиями, новыми факторами и обстоятельствами развития современного российского общества.

Обострившаяся на рынке труда конкуренция привела руководителей банков к осознанию важности и ценности человеческого капитала. Управление персоналом стало частью организационной стратегии в работе с клиентами и в значительной мере определяет успех работы банка в целом.

Следует отметить, что вузами станы и нашего региона, в частности, готовится достаточное число специалистов по управлению персоналом, хотя менеджеров, которых можно назвать настоящими профессионалами в этой области, не так уж и много.

Весьма распространенным заблуждением среди людей, желающих начать свою карьеру в качестве менеджера по персоналу, является представление о том, что для этого достаточно «уметь общаться с людьми» и «находить с ними общий язык». Как показывает практика, почти каждый второй соискатель считает себя специалистом по управлению персоналом.

Деятельность по управлению персоналом настолько многогранна, что предъявляет весьма широкие требования к человеку, избравшему ее своей профессией¹. Существует убеждение, что данный специалист обязательно должен иметь психологическое образование. Это не совсем так, поскольку все-таки ключевым словом в сочетании «управление персоналом» является слово «управление». Менеджер по персоналу должен строить работу прежде всего исходя из потреб-

ностей своего банка, а не конкретных сотрудников. Его основная задача – создание условий для использования человеческого потенциала таким образом, чтобы эффективность деятельности была максимальной.

Конечно, наличие психологических знаний для менеджера по персоналу необходимо, но знание одной психологии не позволит ему успешно выполнять стоящие перед ним задачи. Он должен, помимо прочего, быть хорошим управленцем, иметь экономические знания, представлять специфику деятельности различных компаний и динамику развития рынка труда. Также менеджер по персоналу должен ориентироваться в трудовом законодательстве, уметь вести кадровое делопроизводство.

На личностном уровне работа по управлению человеческими ресурсами предполагает наличие таких качеств, как коммуникабельность, самодисциплина, способность к самомотивации, целеустремленность, умение убеждать и т.д. Менеджер по персоналу должен уметь практически осуществлять планирование человеческих ресурсов, анализ рабочего процесса и технологических операций, используемых в практической деятельности банка; эффективно подбирать персонал и осуществлять экономически обоснованную политику в области труда, заработной платы и мотивации персонала; эффективно взаимодействовать с основными службами банка по решению проблем управления персоналом; анализировать и оценивать эффективность деятельности сотрудников банка; анализировать уровень компетенции сотрудников для занимаемых должностей; разрабатывать должностные инструкции, технологические карты в соответствии с реальными производственными процессами банка; управлять мотивационной сферой персонала, направляя его на достижение высокого качества производства работ, нацеленности на конечный результат через развитие новых технологий и процедур форм и методов; формировать и поддерживать у персонала банка потребности в непрерывных организационных изменениях и улучшениях отделов и служб; активизировать стремление к совершенствованию знаний и навыков специалистов управления персоналом в области технологических процессов управления персоналом; осуществлять постоянное повышение экономической компетенции сотрудников управления персоналом; обеспечивать

высокую правовую компетентность в области трудовых отношений специалистов по управлению персоналом².

Изложенное выше позволяет сформулировать функции и задачи менеджера по персоналу в банке.

1. Планирование потребности в персонале, при этом потребность планируется как по общей численности, так и по категориям (специальностям) на основе методики оценки затрат по трудоемкости и плановым показателям. Можно планировать и по другим показателям, например по прибыли до уплаты налогов.

2. Вербовка или набор персонала. Разрабатывается специальная программа, в которой выбирается наиболее эффективный способ вербовки и осуществляется анализ кандидатур.

3. Отбор.

4. Определение структуры заработной платы и льгот. Основная цель состоит в сохранении нужных кадров и привлечении дополнительных кадров.

5. Профессиональная ориентация и адаптация – разъяснение и развитие у работников понимания того, что ждет от них банк и какой труд в нем ценится.

6. Обучение – разработка программы повышения квалификации.

7. Планирование карьеры.

8. Оценка результативности труда – разработка методик оценки результативности труда и доведение ее до всех исполнителей.

9. Кадровые перемещения (перевод на другую работу, решение задач увольнения, понижения в должности и т.д.).

Исходя из этого попытаемся определить ключевые роли для профессии менеджера по персоналу.

1. **«Кадровый стратег»** – член управленческой команды, отвечающий за разработку и реализацию кадровой стратегии, а также организационные механизмы ее обеспечения, системы управления и руководства службами, осуществляющими функции кадрового менеджмента.
2. **«Руководитель службы управления персоналом»** – организатор работы кадровых подразделений.
3. **«Кадровый технолог»** – разработчик и реализатор творческих подходов в специфиче-

ских для менеджера по персоналу областях деятельности, компетентный в специальных и технологических знаниях, способный привлекать разнообразные внутренние и внешние ресурсы и эффективно их использовать с учетом деловых перспектив банка.

4. **«Кадровый инноватор»** – руководитель, лидер-разработчик экспериментальных, инициативных или пилотажных проектов, требующих большого внимания и тщательной проработки, прежде чем они получают широкое распространение в практике кадрового менеджмента.

5. **«Исполнитель»** – специалист, осуществляющий оперативную кадровую политику.

6. **«Кадровый консультант»** – профессионал, использующий панорамное видение перспектив банка, практические знания в области управления человеческими ресурсами и навыки эксперта для определения потребностей, возможностей и путей решения проблем, связанных с развитием организационно-кадрового потенциала³.

Можно предположить приблизительную структуру затрат времени менеджера по персоналу:

33% времени – на решение штатных проблем (ориентация, оценка результативности, набор);

28 – мотивация, социальная поддержка, компенсации;

11 – вопросы, связанные с повышением квалификации, обучением;

10 – трудовые, межличностные отношения;

18% – широкий спектр разных вопросов: взаимодействие с кадровыми структурами других банков (конкурентов), агентствами по трудоустройству, участие в переговорах и другие стратегические и тактические вопросы.

Примечания

¹ См.: Мескон М. и др. Основы менеджмента / Пер. с англ. М., 1992.

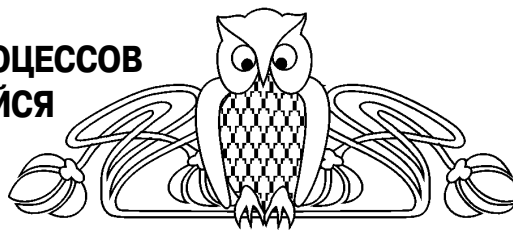
² См.: Травин В.В., Дятлов В.А. Менеджмент персонала предприятия. М., 2000.

³ См.: Маусов Н. Менеджмент персонала – ключевое звено внутрифирменного управления // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 6.

УДК 316.37 (470+571)

ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: BegininilA@info.sgu.ru

В статье рассматривается человеческий потенциал хозяйственных организаций России, обосновывается необходимость смены модели развития человеческого потенциала при переходе к обучающей организации, представляются пути модернизации системы регулирования процессов развития человеческого потенциала.

Ключевые слова: хозяйственная организация, человеческий потенциал, механизмы развития человеческого потенциала, управление развитием человеческого потенциала.

Regulation of Human Potential Development in Russian Business Organizations

U.G. Bychenko, T.M. Balandina

Human potential in Russian business organizations is considered, necessity of changing human potential model while moving to learning organization is based, ways of system process regulation of human potential are based.

Key words: learning organization, human potential, mechanism of human potential development, management of human potential development.

В современной России преобладают классические хозяйственные организации с традиционными ценностями дисциплины и порядка, жестко установленными ролями в структуре управленческой власти. В организациях традиционно наблюдается низкая производительность труда, отсутствуют инициатива и трудовое новаторство работников. Работники классической хозяйственной организации не ориентированы на социокультурное образовательное саморазвитие, социальную ответственность, самообучающийся стиль трудового поведения. В классических организациях центральное место в управлении отводится жесткому управленческому планированию, дисциплине труда, стабильности, постоянству и неизблемости формальных трудовых норм.

Человеческий потенциал в условиях классической организации играет роль обслуживающего дополнительного компонента, взятого из внешней среды, по отношению к внутрифирменной структуре организации. Здесь организационная культура не рассматривается как фактор развития человеческого потенциала. В перспективе объективно наступает этап, когда уже продолжающееся увеличение доли материального накопления в продукте не сопровождается больше соответствующим

приростом конечного продукта. Формируется стойкая тенденция роста фондоемкости производства. Сохранение опережающего накопления физического капитала представляет собой свидетельство его падающей эффективности. Каждая дополнительная единица капитальных вложений в материально-техническую сферу дает все меньший прирост конечного выпуска. Чем больше экономическая система предприятия ориентирована на рост капиталовложений, тем менее ощутимы и значимы эффекты научно-технических вливаний в производительный потенциал организации.

Современный тип социально-экономического развития предусматривает ориентацию не на темпы и не на количественные объемы, а на структурные сдвиги в организации, на вовлечение научно-технических и образовательных нововведений, повышающих производительность труда, качество технологий и выпускаемых видов изделий, а в конечном итоге повышающих степень и качество выпускаемой продукции без количественного роста привлекаемых материальных ресурсов. При этом постоянное обновление и реконструкция производственного аппарата не должны связываться с расширением производственных фондов. Высвобождающиеся средства труда заменяются принципиально новыми, а качественные характеристики растут быстрее стоимостного объема материального капитала. Возможность снижения нормы материального накопления, понижение темпов роста основного физического капитала определяется параметрами вовлечения в производительных целях результатов деятельности научно-образовательной системы организации.

Постепенно формируется новый тип «обучающейся хозяйственной организации» как сложной социально-экономической системы, важнейшими факторами которой являются образовательное целевое развитие и саморазвитие работников (в том числе в процессе реализации трудового процесса). Важнейшие особенности управления персоналом в обучающейся хозяйственной организации следующие: наличие управленческого механизма профессионального развития и саморазвития работников, совершенствование потребностей в труде, творчестве, управлении; целевое формирование мотивационной направленности работников на постоянный поиск, систематизацию и внедрение новых профессиональных

знаний; расширенное понимание человеческого потенциала (как объекта управления). В данной системе человеческий потенциал включает в себя как потенциал непосредственных работников, так и человеческий потенциал населения, который может быть привлечен из внешней социальной среды организации.

Новая модель управления персоналом в условиях зарождения «обучающейся хозяйственной организации» характеризуется трансформацией стратегических целей и задач. В рамках данной организации важнейшими промежуточными управленческими целями являются поиск, создание, обработка, преобразование и профессиональное накопление нового знания работниками и населением, являющимися резервом человеческих ресурсов организации. Одна из общих управленческих целей – развитие реально задействованного человеческого потенциала, совершенствование потенциала работоспособного населения (трудоспособного возраста), проживающего в районах действия хозяйственной организации.

Управление персоналом обучающейся хозяйственной организации приобретает новые черты, такие как демократизация управленческой системы, самоуправление работников; организационное создание условий активного участия работников в управленческой деятельности, внедрение комплексных проектов совершенствования трудовой деятельности, развитие потребностей в творческом образовательном и инновационном труде; «образовательный стиль трудового поведения работников, постоянное повышение профессионализма, готовность работников к самообучению в процессе трудовой деятельности; толерантность к новым или противоположным видам трудовой деятельности; относительные консерватизм и зависимость образовательного развития от используемых технологий и материальных факторов организации; образовательная адаптивность персонала, прежде всего к внутренним изменениям организационной системы и частично – к изменениям во внешней среде организации»¹.

Таким образом, новый тип хозяйственной обучающейся организации характеризуется динамичным инновационным развитием на основе накопления человеческого потенциала. Новая обучающаяся хозяйственная организация отличается инновационной организационной культурой, ограничением управленческих формальных правил и процедур, децентрализацией управленческих полномочий, относительно низкой степенью управленческой специализации.

Формирование инновационных ценностей, норм, принципов поведения работников позволяет создавать инициативного работника-новатора лидерского типа и тем самым обеспечить условия перехода к обучающейся модели организации. Организационная культура, в основе которой преобладают инновационные культурные ценности

и убеждения работников, в современных условиях должна стать управленческим двигателем механизма, трансформирующего социальные, экономические, материальные и духовные прогрессивные изменения в организации. Управленческое обеспечение роста культурного уровня работников – это объективная необходимость, условие и составная часть ускорения развития отдельных организаций и общества в целом. Повышение культурного уровня работников организаций различных форм собственности является важнейшим условием формирования инновационного трудового потенциала человека, социального накопления интеллектуального человеческого капитала на уровне общества, региона, каждой хозяйственной организации.

При данном подходе производительные силы хозяйственной обучающейся организации выступают не просто как совокупность материального и человеческого фактора производства, а как система ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных социально-экономических сфер, где постоянно создаются основные интеллектуально-образовательные элементы производительных сил. При этом каждая из сфер единого комплекса организации является относительно самостоятельной и имеет соответствующий уровень управления.

Новая модель хозяйственной обучающейся организации в качестве опорного и определяющего элемента производительных сил выделяет человеческий потенциал и ориентируется прежде всего на образовательное производство человеческого потенциала как основы ресурсного обеспечения инновационного накопления. Создание и совершенствование человеческого потенциала происходит здесь в относительно открытой внешней и внутренней среде организации. Данное положение позволяет достичь конкурентных преимуществ в трех направлениях:

1) максимально приблизить и подчинить производительному потреблению ряд научных и образовательных структур;

2) оперативно достичь соответствия формируемого человеческого потенциала производительно потребностям организации;

3) создать условия зависимости всех научно-образовательных структур хозяйственной обучающейся организации от конечных результатов функционирования последней, что предусматривает уменьшение потерь от инвестирования в создание экономически невостребованного человеческого потенциала.

В рамках хозяйственной обучающейся организации формируется новая модель расширенного управления развитием человеческого потенциала хозяйственных организаций. «Наблюдается постепенный отказ от замкнутой внутри-организационной модели управления персоналом, переход к рассмотрению человеческих ресурсов в широком социальном контексте, куда включаются

как непосредственные работники организации, так и факторы внешней социальной среды организации – носители потенциального человеческого капитала. Население здесь рассматривается как стабильный социальный инновационный фактор развития организации»².

В новых условиях управление развитием человеческого потенциала осуществляется преимущественно в форме комплексной социальной политики хозяйственной организации. Здесь разрабатываются и внедряются социально-культурные и образовательные программы развития человеческого потенциала как работников организации, так и населения, проживающего в районах действия организации.

Главным направлением внутриорганизационного обучения является периодическая подготовка персонала, планируемая на базе прогноза развития производства. Систематическое повышение образовательно-квалификационного уровня человеческих производительных сил осуществляется по принципу перехода от менее к более сложным профессиям, от узкой специализации к многопрофильности. Развитие процесса непрерывной подготовки позволяет обеспечивать обновление профессий, известная часть которых в связи с объективными изменениями в средствах производства подвержена амортизации. Кроме того, достигаемый высокий уровень поливалентности человеческого потенциала (способного к эффективной трудовой кооперации) крайне важен для внедрения новых форм коллективной организации труда в условиях наличия безработицы.

Мы находим подтверждение данным теоретическим выводам в результате анализа практик функционирования хозяйственных организаций России. Так, на унитарном муниципальном предприятии «Водоканал» г. Тамбова система управления персоналом постепенно трансформируется, разрабатывается и реализуется программа внешнего и внутреннего развития образовательного потенциала работников организации.

Оценив организационную культуру исследуемого предприятия, мы можем констатировать, что в данной организации действует смешанная система управления персоналом, при которой размыты отношения власти. Система управления не основывается на четких социально-экономических методах управления и мотивирующих стимулах, она однобоко опирается на командно-административные рычаги и не способствует становлению и развитию образовательной организационной культуры. Формируемые ценностные ориентиры работников не определяют раскрепощенного творчества и новаторской инициативы, работники отчуждены от собственности и от управленческой инициативы. Поэтому накопление трудового профессионального и личностного потенциала в форме человеческого капитала в данной организации низкое. Стремление к власти, личные контакты

и связи становятся главным условием для того, чтобы стать руководителем того или иного звена.

В то же время на предприятии разработана и начала внедряться программа развития организационной культуры. По сути, данная программа определяет планирование стратегии развития организационной культуры образовательного типа. Разрабатывается новая структурная сетевая организационная модель образовательного типа.

Одновременно ведется контроль правомерности проводимого изменения отдельных ступеней иерархии. Программа развития организационной культуры предполагает разграничение уровня менеджмента в общей системе управления мероприятиями, направленными на развитие образовательных профессиональных ценностей и предпочтений. Каждый уровень организации здесь имеет свою специфику, свой набор правил, свои взаимосвязи с различными ветвями управления. Исходя из данного подхода и реализуется планирование преобразований на муниципальном предприятии «Водоканал».

В рамках реализации социокультурной программы менеджеры всех звеньев участвуют в мониторинге в виде экспертов и аналитиков, они разрабатывают конкретные планы культурных преобразований в организации в целом и ее отдельных структурных подразделениях.

Конкретизированы и разграничены полномочия управленцев, расположенных на одной горизонтали (диапазоны делегированных прав коллег). Внедряется новый тип должностных инструкций руководителей различного уровня, система стимулирования образовательных инициатив. Последнее призвано определить ответственность каждого управляющего, занимающего ту или другую должность в новой модели управления персоналом организации.

Целый ряд российских хозяйственных организаций внедряют программы перехода к образовательному организационному типу. Так, ОАО «Газпром» последние десять лет активизировал внешние образовательные программы. Каждый год открываются новые образовательные проекты, активизируется внешняя научно-образовательная социальная политика предприятия. Модель управления персоналом ОАО «Газпром» предполагает достижение внешней социальной цели – образовательное развитие человеческого потенциала населения как трудового резерва предприятия.

Факты подтверждают переход данного предприятия на принципы образовательной хозяйственной организации: проявилась внешняя направленность деятельности ОАО «Газпром» на развитие отечественной науки и образования; активно поддерживаются Высший инженерный совет Российской Федерации, Неправительственный экологический фонд им. В.И. Вернадского, образовательный фонд «Глобальная энергия», Фонд поддержки социального образовательного проекта РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

ОАО «Газпром» разрабатывает и ежегодно внедряет проекты поддержки системных вузов России в совершенствовании учебно-материальной базы. Ежегодно осуществляются совместные социально-образовательные проекты, направленные на переподготовку собственных кадров в различных вузах г. Москвы³.

С.А. Медведева, анализируя деятельность нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», представляет данные, характеризующие внешнюю социальную политику, направленную на образовательное развитие населения внешней социальной среды предприятия. Последние годы компания «ЛУКОЙЛ» активно внедряет проекты образовательного развития человеческого потенциала населения России, осуществляет профессиональную переподготовку молодых специалистов для всей российской нефтяной отрасли.

Начиная с 2005 г. в компании «ЛУКОЙЛ» разработан и внедряется проект образовательного сотрудничества с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Высшей школой экономики, Финансовой академией при Правительстве РФ. «Разработан и реализуется ряд социальных образовательных проектов, направленных на поддержку ряда высших учебных заведений: Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, Азербайджанской государственной нефтяной академии, Санкт-Петербургского государственного горного института, Пермского государственного технического университета, Ухтинского государственного технического университета, Тюменского государственного нефтегазового университета, Уфимского государственного нефтяного технического университета, Волгоградского государственного технического университета, Самарского государственного технического университета, Архангельского государственного технического университета»⁴.

По официальным данным, компания «ЛУКОЙЛ» начиная с 2002 г. в различных регионах России проводит конкурс социальных и культурных проектов, который представляет собой уникальную площадку по развитию социальных инициатив населения различных регионов России.

Деятельность проекта поддержки данного конкурса усиливается. За 6 лет (2002–2008 гг.) на конкурс поступило более 4,5 тысячи работ. 800 работ были признаны победителями. Поддержаны проекты, прежде всего ориентирующиеся на повышение качества жизни на территориях Пермского края; неформальное образовательное развитие человеческого потенциала, проживающего в зонах деятельности компании «ЛУКОЙЛ»; поддержку культуры, здравоохранения. «Количество участников и уровень работ растут с каждым годом. За шесть лет грантовый фонд конкурса вырос в 14 раз. География проекта расширилась с 13 до 26 районов. В 2007 году на шестом конкурсе гранты получили около 200 проектов, тщательно отобранных из 1100 заявок»⁵.

В 2007 г. компания «ЛУКОЙЛ» расширяет образовательную внешнюю политику, направленную на целевое развитие человеческого потенциала населения: 1) внедряется социальный проект комплексной поддержки подростков начиная со средней школы; 2) проект мониторинга образовательной программы подготовки человеческих ресурсов; 3) проект ежемесячной поддержки студентов нефтяных, технических и экономических вузов России; 4) проект материальной поддержки наиболее одаренных студентов российских вузов; 5) проект по корпоративным именным стипендиям «ЛУКОЙЛ»; 6) образовательный проект поддержки молодых преподавателей; 7) социальная образовательная программа нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», направленная на инвестиционную поддержку средних школ России.

В 2007 г. модернизируется социальный проект сотрудничества «ЛУКОЙЛ» с ведущими вузами нефтеперерабатывающей отрасли по совершенствованию учебного процесса. «В рамках данного проекта осуществляется помощь компании «ЛУКОЙЛ» в обеспечении российских вузовских библиотек и лично студентов современной учебной и научной литературой. Только в 2006 и 2007 гг. спонсированы издания новых учебников и научных монографий для РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина и Тюменского государственного нефтегазового университета. Начиная с 2008 г. число вузов и объем помощи студентам будут резко возрастать»⁶.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что крупные предприятия России постепенно внедряют принципы образовательной хозяйственной организации. Становление современной обучающейся хозяйственной организации связано с трансформацией ее организационно-управленческой системы. Важнейшая промежуточная управленческая цель развития данной организации связана с поиском, созданием, обработкой, преобразованием и профессиональным накоплением человеческого потенциала работников. В организации внедряется образовательный механизм профессионального развития и саморазвития работников, включающий не только внутренние, но и внешние компоненты научной, образовательной и консультативной систем; самих работников как носителей саморазвивающегося человеческого капитала.

В хозяйственной организации обучающегося типа сама трудовая деятельность становится фактором саморазвития человеческого потенциала, условия труда определяют совершенствование творческой инициативы, постоянное повышение профессионализма. Формируется мотивация к инновационной деятельности, готовности работников к самообучению в процессе трудовой деятельности.

Главной отличительной чертой функционирования образовательной организации является наличие управленческой реализации внутри-

организационного и внешнеорганизационного производства человеческого потенциала, создание условий его саморазвития. Обучение и самообучение в обучающейся хозяйственной организации играют позитивную роль, создают предпосылку накопления человеческого потенциала, демократизации трудовых отношений, привлечения к творческой инновационной деятельности работников. Демократизируется вся система управления хозяйственной организации. Происходит следующее: отказ от излишней централизации управленческой власти, переход к демократизации управленческих отношений, перестройка системы формального социального контроля за процессами в структурных единицах организации, введение системы неформального социального самоконтроля, внедрение механизма инновационного саморазвития и профессионального накопления интеллектуально-образовательного потенциала членов организации. Создается объективная необходимость отказа от классических форм организационной культуры и перехода к целевому формированию ее инновационных параметров. Для активного осуществления управления в системе материального и духовного производства создается механизм обеспечения необходимых условий труда и поощрений за проявление творчества, образовательное повышение профессионализма, результатов труда.

При этом сохраняется важнейшее условие стабильности функционирования обучающейся хозяйственной организации: обеспечение пропорций в развитии материального, технологического и человеческого потенциала организации. Внедряется внешняя и внутренняя организационная система управления развитием человеческого потенциала.

В то же время необходимо отметить, что механизм управления развитием человеческого потенциала в хозяйственных организациях России только формируется. В перспективе он должен быть максимально приспособлен к специфическим условиям каждой обучающейся хозяйственной организации, а производительный труд должен быть наполнен активным сознательным участием работника в профессиональном переобучении, в управлении, в планировании деятельности хозяйственной организации, в распределении результатов труда.

Инвестиции, направляемые на внутриорганизационное развитие человеческого потенциала в системе материального и духовного производства, будут достигать своей цели только в случае

системной спланированности, подчинения их стратегическим целям управления. Важно внедрить в управленческую практику непрерывную аттестацию рабочих мест и связанное с ней совершенствование переподготовки работников на основе индивидуальных планов обучения, разработку мероприятий по достижению роста применяемого человеческого потенциала на основе анализа аттестационной деятельности.

В перспективе важно оптимизировать процессы развития человеческого потенциала работников. Эффективность обучающейся хозяйственной организации определяется соответствием характеристик производства человеческого потенциала совокупным производительным потребностям предприятия. Важнейшее условие экономической эффективности – максимальная приближенность результатов внутриорганизационного формирования человеческого потенциала к необходимым параметрам их производственного накопления.

В рамках обучающейся организации внутриорганизационное производство человеческого потенциала должно быть связано с совокупным доходом, который хозяйственная организация стремится и может получить в результате последнего. Чем выше конечный доход дает рост человеческого потенциала, тем больше инвестиций хозяйственная организация будет направлять на программное целевое производство человеческого потенциала работников.

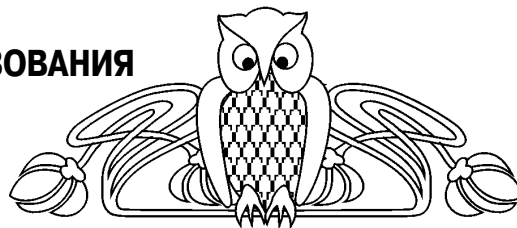
Примечания

- 1 Митюкова Е.В. Социальное проектирование обучающейся организации // Российское общество в контексте реализации приоритетных национальных проектов. Саратов: Науч. книга, 2007. С. 229.
- 2 Медведева С.А. Формирование открытой социальной модели управления человеческими ресурсами организации // Вестн. Поволж. академии гос. службы. 2008. № 13. С. 122.
- 3 См.: Официальный сайт ОАО «Газпром» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gazprom.ru> (дата обращения: 02.06.09).
- 4 Медведева С.А. Важнейшие социальные программы комплексной социальной политики современной хозяйственной организации // Системы в управлении. Саратов: Науч. книга, 2008. С. 48.
- 5 Официальный сайт компании ЛУКОЙЛ: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lukoil.ru> (дата обращения: 02.06.09).
- 6 Медведева С.А. Важнейшие социальные программы... С. 49.

УДК 316(09)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ

Т.А. Калугина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье с социологической точки зрения анализируются особенности формирования и изменения образования в процессе создания виртуальных социумов.

Ключевые слова: социальные сети, гуманитарное образование, информационно-коммуникационные технологии.

Transformation of Humanitarian Education in the Context of Virtual Society Formation

T.A. Kalugina

The paper analyzes, from a sociological viewpoint, peculiarities of the formation and changes of education in the process of forming virtual societies.

Key words: social networks, humanitarian education, information and communication technologies.

Новый мир – глобализованный сетевой мир – изменяет социальные отношения и порождает гибридные культурные миры, созданные смешением основных культурных потоков и местных традиций. Этот факт выдвигает новые требования к гуманитарному образованию и к пониманию механизма возникновения этих требований. Технологическая причина глобализации – компьютерные сети, которые порождены развитием новых систем вооружения, требующих децентрализованного управления в условиях войн и катастроф. Почти уже за сорок лет развития компьютерных сетей произошло распространение сетевых структур на все сферы жизнедеятельности. Сетевой подход начинает доминировать в решении различных проблем, что ведет к разработке инструментария сетевого влияния. Современное гуманитарное образование должно загружаться не только в компьютерные сети, но и социальные, образовательные и культурные сети.

Сетевое воздействие, их практика, их стратегия, их тактика, их методология основаны на серьезном философском понимании процессов, протекающих в современном мире. Термин «социальная сеть (social network)» был введен в середине 1950-х гг. американским социологом Барнесом для описания взаимоотношений между людьми в реальном мире¹. С развитием сетевых информационно-коммуникационных технологий этот термин стал преимущественно применяться к виртуальным социумам. Идея образовывать социумы посредством средств коммуникаций до-

статочно старая². Термин «виртуальный социум» ввел в употребление в 1993 г. Говард Рейнгольд³. В киберпространстве произошло становление новой формы существования человека – виртуальный социум. Виртуальный социум представляет собой социум, в котором взаимодействие между его членами осуществляется преимущественно и посредством телекоммуникационных сетей, и является технологическим продолжением длительного перехода к социумам, организованным скорее по совместным интересам, чем по совместному размещению (соседи или деревня) или общему происхождению (родня). Виртуальные социумы стали формироваться сразу же после появления сетевых сервисов. На первых этапах эти социумы формировались преимущественно из специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. Развитие этих технологий в конце XX в. привело к созданию виртуальных сообществ среди всех социальных и профессиональных слоёв общества. Для людей появилась новая среда обитания и удовлетворения как профессионального интереса, так и чисто человеческого любопытства – киберпространство, и новая форма социальной организации и поведения в нем – виртуальный социум⁴. Как и в реальном мире, мотивы людей, создающих виртуальные социумы, могут быть сложными. Это и желание быть полезным, и желание быть замеченным. Члены виртуальных социумов считают само собой разумеющимся, что компьютерные сети являются также социальными сетями, охватывающими большие расстояния. Как и в реальной жизни, виртуальные социумы формируются на основе личных интересов, политических взглядов и т.д. Но что их различает, так это скорость, с которой происходит обмен информацией. Все возрастающая мощь компьютерных сетей делает виртуальные социумы значительно более динамичными. Коммуникативная среда воздействует на способы взаимодействия людей и на то, как они развиваются. Например, медленная среда порождает длительные отсрочки в ответах и, следовательно, сокращает объем социальных обменов. Как и во всех обособленных сообществах в виртуальных социумах формируется особая культура со своим набором ценностей, стандартов и символов. Личность адаптируется к групповым нормам и в дальнейшем не может без них обойтись.

В сетевых образовательных проектах также предпринимались и предпринимаются меры для создания образовательных виртуальных со-

циумов. Но эти преднамеренно создаваемые социумы не заняли должного места в образовании. Однако без создания эффективных коммуникаций невозможно выстроить учебный процесс. Известно, что система образования функционирует в рамках триады: культура – общество – индивид. В современных условиях культура и образование составляют части самого реального базиса общества совместно с государством, экономикой, идеологией. Образование является составляющей культуры и не может развиваться вне ее гуманитарного контекста. При этом особенности мышления теоретиков и практиков образования соотносятся с культурным слоем эпохи, ее гуманитарной доминантой. У каждой культуры существует своя логика и свое представление о мире, которое проявляется в соответствующей коммуникационной среде.

В таком случае новые культурные ценности будут создавать и новые социально-личностные запросы и потребности, которые, в свою очередь, будут реализованы в новых образовательных ценностях, что будет означать появление другого гуманитарного образования. Мы преднамеренно рассматриваем крайние направления развития процесса трансформации гуманитарного образования, причем делаем это в рамках безоценочной констатации. Это необходимо для того чтобы, во-первых, признать вероятностную возможность таких направлений флуктуации процесса, а во-вторых, чтобы обозначить границы развития, в рамках которых мы проводим исследование источников появления новых образовательных целей. Естественно, прежде всего гуманитарных образовательных целей. Социальная система определяла и приоритеты специализации высшей школы, так в 1960-е гг. наибольшей популярностью пользовались математические и физические факультеты университетов, дилемма «физиков» и «лириков» однозначно решалась в пользу первых, к тому же милитаризованная экономика требовала именно эти профессии. Но к 1990-м гг. ситуация разительно изменилась, закончилась холодная война и былая воинственность сменилась поиском общечеловеческих ценностей. Соответственно проявился дефицит таких «вечных» профессий, как юристы и экономисты, финансисты и менеджеры, а наибольшей популярностью стали пользоваться вузы и факультеты университетов, готовящие специалистов этого профиля. Новая система общественных отношений, новая культура производственных отношений, новая структура экономики и профессиональной занятости требуют от высшей школы нового понимания целей и задач обучения студента. Формирование новой мотивационной системы ценностных ориентаций образования и профессии в современной жизни – это неотъемлемый и очень важный элемент процесса модернизации высшего образования.

Гуманитарная составляющая образования ориентирована на воспитательные цели. Для

человека воспитательные цели являются смыслообразующими, а для общества – воспроизводящими его в границах неразрушения. Такой целью может являться только создание целостного образа мира и своего образа в этом мире. В рамках этого целеполагания может осуществляться связь общественных и личных ценностей. Развитие компьютерных технологий является материальной предпосылкой для таких перемен. Потенциал их таков, что они могут при рациональном и грамотном применении обеспечить ряд преимуществ по сравнению с традиционными способами обучения. Следует подчеркнуть – именно могут дать, поскольку при неумелом интегрировании их в живую ткань образовательного процесса сложившиеся традиции могут оказаться очень жестким фильтром на пути нововведений.

Гуманитарное образование неразрывно связано с исследованием картины мира, глубоко укорененной в сознании людей. Культурное разнообразие не что-то такое, что исчезнет завтра. Само по себе это влияние таит богатства, изучение которых может принести неизмеримую пользу не только тем, что расширит кругозор, но и тем, что повысит эффективность стратегий деловой деятельности. То, что значимо для представителей одной культуры, является совсем несущественным для представителей другой.

Культура осуществляет различные формы познания, в культуре осуществляется художественное познание, религиозное, нравственное и т. д. Основным результатом познавательного отношения к миру в культуре является установление смысла и значения содержания артефактов или явлений природы, которые стали объектом культуры. Смыслообразующая функция культуры осуществляется с помощью различных творческих приемов, особых для каждого вида духовной деятельности, языков и знаков, специфического набора символов и образов, понятий и идей. Продуцируя и репродуцируя духовные ценности, культура создает определенную систему коммуникаций, которая должна обеспечить обмен и взаимодействие участников культурного процесса. Культура обеспечивает взаимодействие людей через ценности, интегрирует общество, поддерживает и развивает его целостность. Осуществляя эту работу, культура осуществляет социализацию человека, постоянно предлагая ему нормы, образцы и алгоритмы жизнедеятельности. Частью культуры является искусство и, по мнению американского биолога М. Ичаса, искусство не имеет очевидной «утилитарной» ценности, и его первая основа неизвестна⁵. Потребность в художественном осмыслении и познании мира является неотъемлемой частью обществ любого типа, включая архаические общества. Значительная часть гуманитарных образовательных проектов посвящена переносу в новую информационно-коммуникационную среду художественного наследия. Во всех ведущих странах мира реализуют-

ся масштабные проекты по оцифровке библиотек, музеев, архивов.

В таком контексте культурное наследие выполняет роль общественной памяти, средства сохранения и накопления опыта духовной деятельности человека. Благодаря этой роли культуры становится возможным формирование глубинных подсознательно действующих алгоритмов культурного поведения человека, то есть формирование архетипов, которые закрепляют поведенческие образцы или модели на психофизиологическом уровне.

Гуманитарное образование и культура также имеют прагматический аспект. Речь идет об истоках и смыслах организационной культуры. Многочисленные исследования на Западе, начало которым положил Макс Вебер, подтвердили важность исследования проблем национальной организационной культуры. Наиболее интересные результаты по данной проблеме были получены в 70–80-е гг. прошлого столетия голландским ученым Гиртом Хофстедом (Geert Hofstede). Его исследования проводились в 1967–1980-е годы. Объектом исследования были граждане 50 стран мира, работающие в компании IBM⁶. Хофстед определяет культуру как коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности восприятия мира нами, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающую нас от представителей других наций, регионов и групп. Любое социальное разделение ролей является в той или иной мере следствием культурных традиций. В современной науке модель Хофстеда считается одной из наиболее перспективных для анализа организационной культуры предприятия. Она помогает выявить не только внешние особенности той или иной организационной культуры, но и глубинные, психологические связи, возникающие

между членами организации и влияющие на производительность и эффективность предприятия самым непосредственным и сильным образом. К тому же правильная оценка организационной культуры помогает выработать подходящую для данной модели политику по управлению организационной культурой.

Понимание этой функциональности культуры позволяет создавать жизнеспособные образовательные проекты в области гуманитарного образования с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом необходимо учитывать потенциал этих технологий в создании плотной структуры социальных взаимодействий в современном мире, что может способствовать адаптации людей к быстро изменяющемуся миру в условиях глобализации.

Примечания

- ¹ См.: Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
- ² См.: Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Дом интеллект. кн., 2000. 309 с.; Webber M. Order in Diversity – Community without Propinquity, in Cities and Space / Ed. L. Wingo. Baltimore: John Hopkins Press, 1963.
- ³ См.: Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- ⁴ См.: Мельникова Н.И. Киберпространство terra incognita // Теоретические проблемы информатики: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Сытника. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 83–86.
- ⁵ Ичас М. О природе живого: механизмы и смысл. М.: Мир, 1994. 464 с.
- ⁶ См.: Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.

УДК 316+929

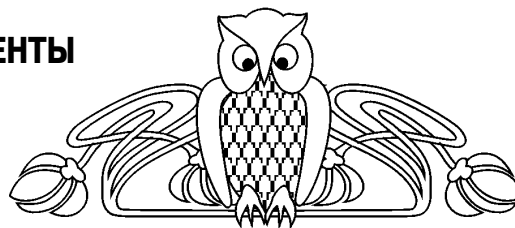
«НОВЫЕ ЛЮДИ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО КАК АГЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются характерные черты нового социального слоя и его возможности в предстоящем изменении политического и социального устройства России в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «новые люди», модернизация, великие реформы Александра II.

«New People» of Chernyshevsky as Agents of Russian Society Modernization

Y.A. Nikiforov

In article characteristic features of a new social stratum and its possibility in forthcoming change of the political and social structure of Russia in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special

ся масштабные проекты по оцифровке библиотек, музеев, архивов.

В таком контексте культурное наследие выполняет роль общественной памяти, средства сохранения и накопления опыта духовной деятельности человека. Благодаря этой роли культуры становится возможным формирование глубинных подсознательно действующих алгоритмов культурного поведения человека, то есть формирование архетипов, которые закрепляют поведенческие образцы или модели на психофизиологическом уровне.

Гуманитарное образование и культура также имеют прагматический аспект. Речь идет об истоках и смыслах организационной культуры. Многочисленные исследования на Западе, начало которым положил Макс Вебер, подтвердили важность исследования проблем национальной организационной культуры. Наиболее интересные результаты по данной проблеме были получены в 70–80-е гг. прошлого столетия голландским ученым Гиртом Хофстедом (Geert Hofstede). Его исследования проводились в 1967–1980-е годы. Объектом исследования были граждане 50 стран мира, работающие в компании IBM⁶. Хофстед определяет культуру как коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности восприятия мира нами, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающую нас от представителей других наций, регионов и групп. Любое социальное разделение ролей является в той или иной мере следствием культурных традиций. В современной науке модель Хофстеда считается одной из наиболее перспективных для анализа организационной культуры предприятия. Она помогает выявить не только внешние особенности той или иной организационной культуры, но и глубинные, психологические связи, возникающие

между членами организации и влияющие на производительность и эффективность предприятия самым непосредственным и сильным образом. К тому же правильная оценка организационной культуры помогает выработать подходящую для данной модели политику по управлению организационной культурой.

Понимание этой функциональности культуры позволяет создавать жизнеспособные образовательные проекты в области гуманитарного образования с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом необходимо учитывать потенциал этих технологий в создании плотной структуры социальных взаимодействий в современном мире, что может способствовать адаптации людей к быстро изменяющемуся миру в условиях глобализации.

Примечания

- ¹ См.: Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
- ² См.: Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Дом интеллект. кн., 2000. 309 с.; Webber M. Order in Diversity – Community without Propinquity, in Cities and Space / Ed. L. Wingo. Baltimore: John Hopkins Press, 1963.
- ³ См.: Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- ⁴ См.: Мельникова Н.И. Киберпространство terra incognita // Теоретические проблемы информатики: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Сытника. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 83–86.
- ⁵ Ичас М. О природе живого: механизмы и смысл. М.: Мир, 1994. 464 с.
- ⁶ См.: Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.

УДК 316+929

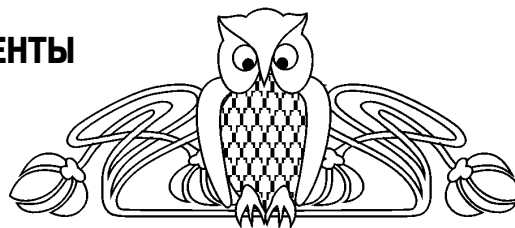
«НОВЫЕ ЛЮДИ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО КАК АГЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются характерные черты нового социального слоя и его возможности в предстоящем изменении политического и социального устройства России в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «новые люди», модернизация, великие реформы Александра II.

«New People» of Chernyshevsky as Agents of Russian Society Modernization

Y.A. Nikiforov

In article characteristic features of a new social stratum and its possibility in forthcoming change of the political and social structure of Russia in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special

attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.

Key words: N.G. Chernyshevsky, modernization, great reform of Alexander II, «new people».

Реформы Александра II представляли собой наиболее значимую в нашей истории попытку модернизации по либеральной модели, когда реформировались не только технологии, но и социальные институты. К сожалению, «Великая реформа» так и не смогла вывести страну на современный уровень развития и завершилась с трагической смертью Александра II. В период подготовки и проведения Реформ в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 г. Н.Г. Чернышевский вступает в общественные споры о проектах с тем же намерением, что и другие их участники: повлиять на итоговый текст закона. В то время как он пытается изменить содержание Реформы, которая должна была стать двигателем предстоящей модернизации, размышления о препятствиях этого предприятия приводят его к вопросу о том, что мешает России на этом пути.

Написанное в 1861–1862 гг. свидетельствует о трудных поисках выхода из порочного круга, который сам Чернышевский очертил своей формулой «всемогущее государство – подданные, лишенные инициативы». Его размышления сосредоточены на препятствиях, мешающих русским экономическим классам вести себя как классы общественно-политические. Речь идет об анализе русского государства и общества. В самом деле, этот анализ представляет преграды, встающие на пути модернизации системы самодержавия, как непреодолимые.

В чем же, по мнению Чернышевского, кроются коренные причины подобного типа модернизации? В характерных чертах существующей социальной системы. Ее первая отличительная черта – это вертикальный характер системы. Она спускается к самым низам народной массы, населяющей страну. Она связывает всех жителей империи посредством властных отношений, воспринимаемых на каждом уровне в качестве абсолютных. Единообразная вертикальность всей русской жизни придавала самодержавию значение социальной системы, охватывающей все население, и в то же время создавала в этом населении менталитет, соответствующий вертикальному характеру системы. «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание – то, что мы во все вносим идею произвола..., первое условие успеха, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему». «Возведение послушания в высший абсолютный закон» – вторая черта, касающаяся устойчивости этой системы. «Господствует вера в одни, раз навсегда определенные и закрепленные формы... все идет машинально, раз навсегда заведенным порядком». Третья черта: Россия, за

редкими исключениями, является империей «обезличенных» подданных. Будучи причиной или результатом, «обезличенные люди» теснейшим образом связаны с отсутствием общественной солидарности и с уже отмеченным отсутствием духа сопротивления. Не имеет смысла обращаться к той или иной социальной категории, чтобы осудить ее или на нее надеяться, так как обезличенность, которой добилась самодержавная система, не подвластна стихийному развитию социальных конфликтов. Результатом этой гомогенизации является «разложение человеческой природы»¹. Условие: область политического надо еще создать. Но «естественные» силы и «естественный» путь отсутствуют, так как классы политически не конституированы, они остаются составляющей частью системы, антиполитичной по определению. Для того чтобы достичь политического уровня, надо индивидуально освободиться от системы: это задача новых людей, которые призваны привнести извне политическое сознание – в самом простом смысле: гражданское сознание – в массы. Чернышевский пишет: «Недавно родился этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знамение времени, и, указать ли? – он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и – станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканые, страшимые»². Ключевое слово здесь «тип»: новые люди могут появиться в качестве воплощения социального проекта, альтернативного действительности, только если они уже составляют новый общественный «круг». «Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого китайцы, на их глаза, ведь и французы такие же, как англичане. Да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы, как один европеец, не индивидуумы, а представители типа». Парадоксально, но отличительной чертой «новых людей» является то, что они «обыкновенные люди»: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни». В романе «Что делать?» предлагалась связанная и всесторонне разработанная программа поведения, учитывавшая все – от важных общественных поступков до мельчайших деталей домашнего распорядка. Он сознательно конструировал героев своего романа как образцы человеческой личности (типы), пригодные для воспроизведения в реальной жизни. Социальная группа, в которую входил сам Н.Г. Чернышевский и которая должна была стать исполнителем программы модернизации всего русского общества, только зарождалась и еще не получила точных социальных характеристик, представляла собой

зону социального экспериментирования. Обычно возникновение новой группы порождает у окружения негативные реакции, поскольку приводит к перераспределению ресурсов, а потому новая группа оказывается в ситуации, когда она должна заимствовать идеологию – и при этом делать ее своей, работающей на себя. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что состав этой новой группы неизбежно смешан: она состоит из маргинальных членов старых групп. Как раз начало этого процесса формирования культуры «новых людей» мы и обнаруживаем в романе Чернышевского. Кто же эти «добрые и сильные, честные и умеющие», ради которых пишет Чернышевский? Откуда они взялись?

Первый источник человеческих ресурсов для «новых людей» – мещанство. Отсюда пришла главная героиня – Вера Павловна. Второй источник – дворянство. Здесь формируется характер Рахметова. Для Чернышевского главное в дворянстве – его «фантастический» характер, его стремление спрятать свои реальные экономические интересы за красивой фразеологией, за словами о долге и благородном служении (наиболее откровенно эта позиция высказана во втором сне Веры Павловны, рассказывающем о «реальной» и «фантастической» грязи). Если же отказаться от предвзятого отношения, свойственного Чернышевскому, мы обнаружим, что сама идея долга и службы действительно входит в число существенных элементов дворянского существования. Наконец, есть и третий источник, не имевший такого общепонятного названия, как первые два. Это группа образованных людей, живущих за счет использования своих знаний – врачей, учителей, ученых, юристов и пр. Общество всегда нуждается в услугах этих людей, однако конкретный способ обеспечения их существования зависит более всего от распределения ресурсов внутри общества. Пожалуй, вернее всего название, предложенное Писаревым: это «мыслящий пролетариат»³. Эта группа дает наибольшее число «новых людей»: Лопухов, Кирсанов и ряд второстепенных персонажей – люди этой группы. В основу ее идеологии ложится идеология мещанства: главный смысл существования человека – польза. Приверженность идеологическому наследию мещанства можно объяснить двояко: с одной стороны, это идеология непосредственных предшественников интеллигенции в деле эмансипации, да и многие «новые люди» происходят из мещанской среды. Но гораздо более существенным оказывается второй фактор: для того чтобы быть убедительной, новой идеологии требуются быстрые успехи, доказательства собственной эффективности. Добиться успехов в рамках дворянской идеологии «новым людям» вряд ли удастся: дворянская иерархия слишком внимательно относится к допуску в свои ряды претендентов со стороны, да и успехи, возможные в этой иерархии, очень уж

зависят от государственной власти. Мещанская же идеология подкупает своим демократизмом: будь умнее, хитрее, энергичнее других – и сразу получишь вознаграждение: капитал, с которым можешь поступать по своему усмотрению, хоть в дворяне идти. Итак, главное слово «новых людей» – польза. Однако это слово лишь на первый взгляд синонимично слову «выгода», определявшему существование буржуазии. «Новые люди» должны противостоять не только дворянам, но и буржуазии, иначе они будут ассимилированы буржуазией. Поэтому польза должна быть не личной, но общей. «Новые люди» не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей – они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других. Объяснение же, что польза другого человека лишь увеличит их собственное удовольствие, уж слишком похоже на рационализацию, чтобы вправду удовлетворять кого-либо. Отметим, кстати, что теория эта удачно сочетает в себе идеологемы предшественников: эгоизм, то есть следование натуре, естественному зову сердца – и в то же время разумный, то есть окультуренный, очеловеченный; своеобразное слияние мещанства и дворянства в одной парадигме. Наряду со словом «польза», противопоставляемым буржуазной «выгоде», идеологию «новых людей» определяет слово «работа». Жизненные блага должны доставаться только в результате серьезных усилий, а не права наследования. Формула новой идеологии – работа ради пользы других. «Новые люди» не собственники, но и не слуги; они следуют зову сердца, поверяя его строгими расчетами выгод; они исходят из своего собственного представления о долге. Каждая достаточно крупная социальная группа имеет свой образ будущего. Двигающей идеологической силой любой модернизации является стремление воплотить эти образы в жизнь, цель модернизации – реализация социальных проектов, которые должны организовать реальность таким образом, который представляется его авторам наилучшим. Единственная возможность повлиять на этот процесс – определить свои приоритеты и, присоединившись к той группе, которая разделяет с тобой эти приоритеты, попытаться воплотить их в жизнь. Творчество и вся жизнь Чернышевского остается одной из самых масштабных попыток сформулировать и реализовать такой проект.

Либеральный историк русской общественной мысли Нестор Котляревский писал о Чернышевском: «Есть имена, которые покрывают собою духовную работу целого поколения, деятельность огромного числа лиц, иной раз лиц очень самостоятельных и сильных. Имя одного человека становится выразителем массового движения – движения не темной массы, а целых групп. Для молодого поколения 60-х, в его радикальных группах разных оттенков, имя Чернышевского было таким условным именем»⁴.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 874.
² Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 149.

- ³ Писарев Д.И. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 12–24.
⁴ Котляревский Н. Канун освобождения. 1855–1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 256.

УДК 316.3 (075.8)

МАРКСИСТСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ЗАПАДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.А. Бариева

Академия наук Татарстана, Центр перспективных экономических исследований, отдел социологии
E-mail: abarieva@yandex.ru

В статье рассмотрены достоинства и недостатки марксистской научно-исследовательской программы в ее применении к медицинской социологии. Утверждается, что эта исследовательская программа может служить вполне адекватной теоретико-методологической основой исследований в области социологии медицины, но не одна, а вместе с такими классическими исследовательскими программами, как дюркгеймовская социология и социология Макса Вебера.

Ключевые слова: социология медицины, социология здравоохранения, научно-исследовательская программа, К. Маркс.

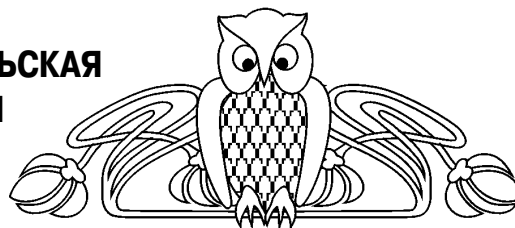
Marxist Scientific Research Programme in Western Medical Sociology

A.A. Barieva

Abstract. Merits and drawbacks of Marxist research programme in its applications to medical sociology are discussed. It is argued that the programme under consideration can serve as conceptual basis of medical sociology investigations only in conjunction with other two classical programmes – sociologies of Durkheim and Weber.

Key words: sociology of medicine, sociology of health, scientific research programme, K. Marx.

Марксистская социология изначально была связана с рассмотрением таких социальных явлений, которые в настоящее время единодушно отождествляются с предметом медицинской социологии. Фридрих Энгельс, например, в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845) описал действие экологических факторов на здоровье человека. Карл Маркс, в свою очередь, в «Капитале» (1867) обратил внимание исследователей на последствия переутомления, сравнивая здоровье рабочих в отраслях производства, защищенных Фабричными актами, с отраслями, которые этими законами защищены не были. Правда, в то время как основатели марксизма уделяли основное внимание проблеме воздействия жизненных стандартов на здоровье, их современные западные последователи значительно расширили область

исследовательских интересов за счет включения процесса производства медицинских услуг. Тудор Харт¹, например, проанализировал воздействие частной медицины на распределение медицинских услуг, а Дж. Робсон² исследовал влияние фармацевтической промышленности и професий на государственную службу здравоохранения в Великобритании. Позже к этим исследованиям добавились работы В. Наварро³ и Л. Дойала⁴.

Тем не менее цель данной работы состоит не только в том, чтобы дать обзор достижений марксистской социологии в сфере исследования сложившейся на Западе системы здравоохранения, хотя именно эта тема представляет для отечественной социологии медицины несомненный интерес. Для нас гораздо важнее рассмотреть те направления, в которых марксистская социология и социология здравоохранения могут оказать и оказывают плодотворное влияние друг на друга.

Достижения марксистской социологии медицины

В рассматриваемом направлении наиболее важные результаты были получены Мак-Кеоном⁵. Вкратце его вклад в марксистскую социологию медицины сводится к формулированию и попыткам обосновать так называемый «тезис Мак-Кеона»: повышение уровня жизни в основном ответственно за падение уровня смертности в Великобритании.

Несмотря на значимость проделанной работы, основная ограниченность исследований Мак-Кеона все-таки носит не эмпирический, а теоретический характер. Он оперирует достаточно амбивалентным понятием «уровень жизни», не вписав его в систему других категорий марксистской социологии и не связав прежде всего с таким понятием, как «трудовая стоимость», которое в марксистской социологии является центральным, осевым. Ведь, как известно, для Маркса определяющие черты капитализма – это не столько поиск прибыли и фабричное производство, сколько факт существования рабочих, свободных в двух отношениях.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 874.
² Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 149.

- ³ Писарев Д.И. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 12–24.
⁴ Котляревский Н. Канун освобождения. 1855–1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 256.

УДК 316.3 (075.8)

МАРКСИСТСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ЗАПАДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.А. Бариева

Академия наук Татарстана, Центр перспективных экономических исследований, отдел социологии
E-mail: abarieva@yandex.ru

В статье рассмотрены достоинства и недостатки марксистской научно-исследовательской программы в ее применении к медицинской социологии. Утверждается, что эта исследовательская программа может служить вполне адекватной теоретико-методологической основой исследований в области социологии медицины, но не одна, а вместе с такими классическими исследовательскими программами, как дюркгеймовская социология и социология Макса Вебера.

Ключевые слова: социология медицины, социология здравоохранения, научно-исследовательская программа, К. Маркс.

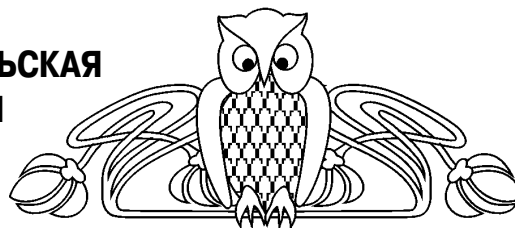
Marxist Scientific Research Programme in Western Medical Sociology

A.A. Barieva

Abstract. Merits and drawbacks of Marxist research programme in its applications to medical sociology are discussed. It is argued that the programme under consideration can serve as conceptual basis of medical sociology investigations only in conjunction with other two classical programmes – sociologies of Durkheim and Weber.

Key words: sociology of medicine, sociology of health, scientific research programme, K. Marx.

Марксистская социология изначально была связана с рассмотрением таких социальных явлений, которые в настоящее время единодушно отождествляются с предметом медицинской социологии. Фридрих Энгельс, например, в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845) описал действие экологических факторов на здоровье человека. Карл Маркс, в свою очередь, в «Капитале» (1867) обратил внимание исследователей на последствия переутомления, сравнивая здоровье рабочих в отраслях производства, защищенных Фабричными актами, с отраслями, которые этими законами защищены не были. Правда, в то время как основатели марксизма уделяли основное внимание проблеме воздействия жизненных стандартов на здоровье, их современные западные последователи значительно расширили область

исследовательских интересов за счет включения процесса производства медицинских услуг. Тудор Харт¹, например, проанализировал воздействие частной медицины на распределение медицинских услуг, а Дж. Робсон² исследовал влияние фармацевтической промышленности и професий на государственную службу здравоохранения в Великобритании. Позже к этим исследованиям добавились работы В. Наварро³ и Л. Дойала⁴.

Тем не менее цель данной работы состоит не только в том, чтобы дать обзор достижений марксистской социологии в сфере исследования сложившейся на Западе системы здравоохранения, хотя именно эта тема представляет для отечественной социологии медицины несомненный интерес. Для нас гораздо важнее рассмотреть те направления, в которых марксистская социология и социология здравоохранения могут оказать и оказывают плодотворное влияние друг на друга.

Достижения марксистской социологии медицины

В рассматриваемом направлении наиболее важные результаты были получены Мак-Кеоном⁵. Вкратце его вклад в марксистскую социологию медицины сводится к формулированию и попыткам обосновать так называемый «тезис Мак-Кеона»: повышение уровня жизни в основном ответственно за падение уровня смертности в Великобритании.

Несмотря на значимость проделанной работы, основная ограниченность исследований Мак-Кеона все-таки носит не эмпирический, а теоретический характер. Он оперирует достаточно амбивалентным понятием «уровень жизни», не вписав его в систему других категорий марксистской социологии и не связав прежде всего с таким понятием, как «трудовая стоимость», которое в марксистской социологии является центральным, осевым. Ведь, как известно, для Маркса определяющие черты капитализма – это не столько поиск прибыли и фабричное производство, сколько факт существования рабочих, свободных в двух отношениях.

Во-первых, они «свободны» от средств производства, необходимых для получения жизненно необходимых продуктов; поэтому они вынуждены продавать свою рабочую силу для того, чтобы эти продукты приобрести. Во-вторых, они действительно свободны как члены демократического «гражданского общества», обладающие правом заключать контракты о продаже своей рабочей силы. Возникший под влиянием специфических исторических политических и экономических условий, сложившихся на Западе, капитализм характеризуется тем, что сам труд становится товаром, а производитель становится пролетарием, вынужденным этот товар продавать для того, чтобы выжить. Капитализм – это система производства «обобщенных товаров», т.е. не только товаров в обычном смысле этого слова, но и способностей к труду, «рабочей силы».

В общем случае в марксистской политэкономии, особенно в первых томах «Капитала», утверждается, что стоимость товара – точнее, его обменная стоимость, – определяется временем, затрачиваемым на производство этого товара. Соответственно стоимость самой рабочей силы определяется так же, как и стоимость любого другого товара – временем, необходимым для ее производства. В силу того, что рабочая сила, или «способность к труду», не может быть отделена от самого производителя, ее стоимость равна стоимости тех товаров, которые необходимы для существования производителей. Поэтому она и складывается из трех компонентов:

- 1) стоимость средств существования, необходимых для **поддержания жизни** рабочего как трудящегося существа;
- 2) в силу того, что рабочий смертен, а капитал нуждается в непрерывном притоке трудовой силы, сюда входит стоимость товаров, необходимых для **замещения** рабочих;
- 3) стоимость товаров, необходимых для **поддержания жизни рабочего во время обучения**.

Рассмотрим каждый из этих элементов более подробно.

1. **Средства существования.** Маркс настаивал на том, что первый из перечисленных выше компонентов в принципе не является ни каким-либо образом фиксированной величиной, ни величиной, привязанной к определенному физиологическому минимуму: «число и интенсивность его [т.е. трудящегося] потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами являются продуктами исторического развития и зависят поэтому в значительной степени от степени цивилизованности страны, в частности, от тех условий – от обычаев и степени комфорта, – в рамках которых формировался класс свободных тружеников. Поэтому, в отличие от других товаров, в определение стоимости рабочей силы входит исторический и моральный элемент»⁶. Соответственно нижний предел этого компонента образуется стоимостью физически необходимых средств существования.

«Если цена трудовой силы опускается до этого минимума, она опускается ниже своей стоимости, поскольку в подобных обстоятельствах она может поддерживаться и развиваться только в извращенном государстве. Но стоимость каждого товара определяется трудовым временем, которое необходимо затратить для того, чтобы придать ей нормальное качество»⁷.

Часто эти высказывания Маркса игнорируются теми его оппонентами, которые пытаются доказать, что повышение жизненного уровня в развитых западноевропейских странах несовместимо с марксизмом. Тем не менее здесь действительно кроется важная для марксистской научно-исследовательской программы проблема: каким образом стоимость средств существования устанавливается и поддерживается выше необходимого минимума? К сожалению, все, что Маркс сказал по этому поводу, сводится к тому, что «в определенной стране, в определенный период, средняя стоимость средств существования производителя практически известна»⁸.

Известна кому? Правда, термин «практически», судя по всему, означает, что это – эмпирическая проблема, устанавливаемая, например, в процессе переговоров между рабочими и предпринимателями. Маркс не занимался проблемой того, как именно повышался «исторический и моральный компонент» в стандартах уровня жизни. Тем не менее мы можем обратиться к аналогии: «определение продолжительности рабочего дня является результатом борьбы, борьбы между коллективным капиталом, т.е. классом капиталистов, и коллективным трудом, т.е. рабочим классом»⁹. Конечно, в отличие от продолжительности рабочего дня стандарты уровня жизни определяются целым каскадом трудовых соглашений; но Маркс, судя по другому отрывку, качественной разницы в данном случае не усматривает: «Максимум прибыли поэтому ограничивается физическим минимумом заработной платы и физическим максимумом продолжительности рабочего дня. Ясно, что в интервале между этими двумя предельными состояниями возможно бесконечное количество промежуточных вариантов значения прибыли. Фиксация ее действительного значения устанавливается непрерывной борьбой между трудом и капиталом, когда капиталист постоянно стремится свести заработную плату к ее физическому минимуму, а рабочий день увеличить до его физического максимума, в то время как усилия рабочего направлены в противоположную сторону. В конечном счете, этот вопрос решается соотношением сил бойцов»¹⁰.

2. **Репродуктивные цены.** Второй компонент стоимости рабочей силы состоит из товаров, необходимых для производства следующего поколения рабочих. «Рабочая сила, удаленная с рынка за счет износа и смерти, должна постоянно заменяться по меньшей мере равным количеством свежей рабочей силы. Поэтому сумма средств существования,

необходимых для воспроизводства рабочей силы, должна включать средства, необходимые для заменителей рабочих, т.е. их детей, для того чтобы эта раса собственников товаров навсегда сохранила свое присутствие на рынке»¹¹. Этот компонент часто называется стоимостью воспроизводства рабочей силы.

Маркс отнюдь не утверждал, что все заработные платы включали адекватные цены воспроизводства рабочей силы; наоборот, он признавал, что «отдельные рабочие, миллионы рабочих, получают недостаточно для того, чтобы существовать и воспроизводить себя»¹². Но сама непрерывность процесса капиталистического производства требовала, чтобы стоимость рабочей силы включала цены ее воспроизводства. Тогда в этот процесс, по Марксу, должно было вмешаться государство.

Но этот аспект марксистского анализа второго компонента подвергся критике со стороны феминистов. В частности, Барретт и Макинтош¹³ указали на то, что производство следующего поколения работников решающим образом зависит от неоплачиваемого домашнего женского труда и в меньшей степени от государства. М. Хьюитт¹⁴ описал, каким образом замужние работницы в начале XIX в., принимая на словах обязательства матери и жены, начали постепенно фактически освобождаться от них, нанимая молодых девушек и пожилых женщин, а также инвалидов труда для того, чтобы они выполняли работу медсестер, няней, поварих и домашних работниц. Совершенствование этой системы шло в направлении перекачивания репродуктивных цен от стоимости мужской рабочей силы в стоимость женской. Но вместо того, чтобы пойти навстречу, как показал Хьюитт, предприниматели-традиционалисты, часто поддерживавшиеся работниками-мужчинами, развернули пропагандистскую кампанию, направленную против женского труда и предназначенную для удержания женщин-работниц дома. Главным аргументом являлись доводы в пользу улучшения здоровья детей и подростков. Судя по всему, именно в результате этой кампании доля женщин, занятых в процессе производства, начала во второй половине XIX в. заметно снижаться и достигла своего исторического минимума в 1900 г. Правда, подобное решение оказалось неэффективным, как об этом свидетельствуют неумывавшийся до 1900 г. рост детской смертности и высокий процент забракованных для службы в армии среди призывников в англо-бурской войне.

В качестве альтернативы этим неэффективным мерам рабочий класс при помощи социалистических и феминистских организаций потребовал государственной поддержки в виде семейных пособий. Ответом класса капиталистов была организация бесплатного школьного питания. Правда, в результате действий феминистских организаций в поддержку семьи было показано, что такая система является неэффективной, автоматически поддерживая детей из среднего класса

и из состоятельных семей. Поэтому в настоящее время система воспроизводства основана на целой серии мер, включающих пособия многодетным семьям, добавки к доходам низкооплачиваемых семей и меры по освобождению от налогов¹⁵.

Становление этой системы, как показано современными западноевропейскими марксистами, было обусловлено двумя факторами. Первым явилось резкое уменьшение притока рабочих рук из села, вызванное процессом урбанизации. Поэтому капитал оказался вынужденным улучшать положение рабочего класса в городах. Но в этих условиях он не пошел на рост заработной платы, поскольку это убивало иллюзию, согласно которой заработная плата является вознаграждением за качественный труд. Поэтому деньги на воспроизводство рабочей силы стали поступать от государства, а не непосредственно от предпринимателей. Это можно описать в рамках марксистского анализа как перераспределение доходов в рамках всего рабочего класса как целого.

3. Обучение. Третий компонент состоит в средствах поддержания рабочего в процессе повышения квалификации, переводящего его из менее квалифицированного состояния в более квалифицированное. В результате стоимость квалифицированной рабочей силы превышает стоимость силы неквалифицированной, что создает основу для значительной социальной дифференциации в рамках единого рабочего класса. В этом случае особенно явно встречаются две основные тенденции, характерные для современного капитализма. С одной стороны, возрастающая механизация и конвейеризация производства уменьшает количество необходимых производственных навыков, уменьшая затраты на обучение и потребности в квалифицированной рабочей силе. Но, с другой стороны, механизация требует более гибкой системы производственных навыков: рабочий должен с легкостью переходить от одних механизмов ко все более совершенным. Соответственно растут требования к универсализации его образования, что еще более увеличивает стоимость рабочей силы.

Проблема повышения уровня жизни рабочего класса

При помощи подготовленного категориального аппарата мы можем перейти к рассмотрению двух проблем, выявивших свою актуальность: 1) проблема повышения уровня жизни рабочего класса в условиях капиталистического общества и 2) тезис Мак-Кеона. Ключом к первой проблеме является сделанное самим же Марксом наблюдение, согласно которому повышение производительности труда обусловлено самим процессом механизации производства. Этот процесс изменяет те отрасли производства, которые производят средства существо-

вания рабочих; поэтому стоимость товаров, содержащих эти средства существования, будет падать. «Стоимость рабочей силы определяется стоимостью данного количества необходимых товаров. Именно стоимость, а не масса этих необходимых товаров изменяется вместе с производительностью труда»¹⁶. Если цена труда падает медленнее, чем растет его производительность, то стоимость рабочей силы, масса необходимых товаров и, следовательно, уровень жизни рабочих будут расти.

«Таким образом, возможно вместе с ростом производительности труда уменьшать стоимость рабочей силы, и при этом это падение будет сопровождаться постоянным ростом массы средств существования производителей»¹⁷.

Для дальнейшего объяснения роста уровня жизни нам остается только добавить механизм, который позволит удерживать падение стоимости рабочей силы вместе с ростом производительности труда. Этот механизм обеспечивается самими производителями, которые, в силу непрозрачности процесса извлечения прибыли, рассматривают заработную плату как вознаграждение за труд, а не в качестве цены его средств существования. Но пока рабочие вместе организуются в профессиональные союзы, они стараются минимизировать падение заработной платы, которое стремится сопроводить рост производительности труда и увеличить стоимость рабочей силы, что неминуемо ведет к росту уровня жизни.

Что касается «тезиса Мак-Кеона», то его история фактически началась с работы Ньюсхолма¹⁸, который использовал экологические корреляции для исследования изменения уровня смертности от туберкулеза. Он обнаружил, что уровень смертности от туберкулеза изменялся вместе со стоимостью жизни и, в частности, вместе со стоимостью пшеницы и других продуктов питания, так же как вместе с качеством жилья и степенью перенаселенности и уровнем нищеты. Через 50 лет Мак-Кеон и Лаве использовали статистику смертности за прошедшие сто лет для того, чтобы показать, что **большая часть падения смертности была обусловлена падением смертности от инфекционных заболеваний, и это произошло до того, как появились антибиотики и стала возможной иммунизация.** Их работа выгодно отличалась от предыдущих исследований в трех отношениях. **Во-первых**, они использовали данные по смертности населения, накопленные за 100 лет и более. Это позволило им выделить все изменения в уровне смертности, каждое из которых было вызвано своими специфическими болезнями, и соотнести эти изменения с такими социальными событиями, как введение антибиотиков или санитарные реформы XIX в. Достаточно полная регистрация смертей велась начиная с 1850 г., и она выглядит достоверной, несмотря на сомнения, связанные с ее официальным характером.

Во-вторых, эта работа получила большой кредит доверия из-за развития науки о питании и иммунологии, которые обеспечивают нас механизмом, описывающим связи стандартов уровня жизни со смертностью от инфекционных заболеваний. Например, наука о питании утверждает, что недостаточное питание негативно влияет на многие элементы иммунной системы.

И, наконец, **в-третьих**, Мак-Кеон и Лаве смогли отранжировать относительную значимость различных факторов, влияющих на смертность от инфекционных заболеваний. Они пришли к выводу о том, что медицинское вмешательство в **минимальной степени важно**, поскольку самое большое изменение в смертности произошло еще до появления антибиотиков и до иммунизации. Санитарные реформы оказали достаточно среднее воздействие, поскольку если они и ограничили инфекции, передаваемые водным путем, то мало воздействовали на воздушные инфекции, а именно от них-то и умерло большинство людей. Так, шаг за шагом устраняя незначительные и малозначительные причины, Мак-Кеон и Лаве выделили **полноценное питание в качестве самого важного фактора здоровья**, а также различные его уровни. Для уточнения и совершенствования результатов этой работы обратимся к периоду 1879–1914 гг.

Согласно наиболее достоверным западноевропейским данным, относящимся к британской статистике, в этом промежутке времени смертность среди беднейших слоев населения значительно превышала средний уровень по стране. И по мере того как мы поднимаемся по лестнице статистики от бедных групп населения к зажиточным, а потом к богатым, уровень смертности также значительно уменьшается вместе с ростом доходов. Статистика также показывает, что изменения в уровнях смертности различались от одной возрастной группы к другой. Так, уровень смертности для возрастной группы 5–45 лет упал вдвое за период с 1870 г. по 1914 г. Уровень смертности для группы до 5 лет при этом оставался неизменным до 1896–1900 гг. и начал снижаться только после этого рубежа. Уровень смертности для третьей группы людей в возрасте старше 45 лет также сначала оставался неизменным, но начал снижаться где-то в 1890–1895 гг.

Рассмотрим теперь, как изменялся уровень жизни рабочего класса в период времени с 1870 г. по 1914 г. В марксистских терминах этот период обычно характеризуется как переход от капитализма типа *laissez-faire* к империализму или монополистическому капитализму. Согласно Хобсбауму¹⁹, этот период может быть разделен на две части. Первая, длившаяся с начала 1870-х гг. и названная Великой депрессией, была вызвана утратой Британией статуса индустриальной сверхдержавы. Вторая, длившаяся с конца 1890-х гг. до начала Первой мировой войны, называлась

эдвардианским бумом, была связана с появлением защищенных колониальных рынков.

Рассмотрим различные факторы, оказавшие влияние на уровень жизни рабочего класса. Цены (включая цены на жилье) упали во время Великой депрессии (на 40%), но снова поднялись во время эдвардианского бума (приблизительно на 20%). Согласно не очень достоверным данным, безработица была выше на первой стадии рассматриваемого периода, чем на второй. К 1900 г. фабричный труд вытеснил домашний во всех сферах производства. Падение текстильного производства уравновешивалось ростом производства металла и пищевых продуктов. Пропорция занятости в сельском хозяйстве уменьшилась с 15 до 7,5%. Существовала тенденция роста регулярной, лучше оплачиваемой занятости, вытеснявшей занятость нерегулярную и плохо оплачиваемую. Рост числа шахт, фабрик и расширение транспортной системы значительно усилили и увеличили в размерах средний слой рабочего класса, и именно он в наибольшей степени выиграл от значительного падения цен в период времени от 1873 г. до 1896 г.

Согласно Хобсбауму, на вершине пирамиды, описывавшей социальную структуру рабочего класса Великобритании, находилась, конечно, «рабочая аристократия», составлявшая около 15%. Важнейшей характеристикой этого слоя была высокая и (что не менее важно) постоянно выплачиваемая заработная плата. Ниже находился слой рабочих с обычной профессиональной подготовкой, еще ниже – с полупрофессиональной подготовкой; вместе они составляли 45% всего рабочего класса. На дне пирамиды находились неквалифицированные сезонные рабочие, 2/3 из которых составляли просто нищие. Разрыв между квалифицированными и неквалифицированными рабочими увеличивался вплоть до 1880 г., но затем оставался стабильным вплоть до 1914 г. Профсоюзное, тред-юнионистское движение быстро набирало обороты: от 4% численности всего рабочего класса в 1880 г. до 15% в 1914 г. Для нашего исследования важно, что пики активности забастовочного движения, во главе которого стояли профсоюзы, совпадали с пиками роста заработной платы. Но для нас, конечно, важен не формальный, номинальный рост заработной платы, а реальный, т.е. соотношенный с ростом цен и связанный с действительной покупательной способностью выплаченного жалования. Так, показано, что реальная зарплата рабочих возросла на 66% в период с 1870 г. по 1900 г., а потом вплоть до 1914 г. оставалась практически постоянной. Но было бы чересчур поспешным делать вывод о том, что этот рост зарплаты привел к резкому повышению уровня потребления. Поскольку во многих отраслях промышленности рабочий день длился 12 часов, многие рабочие использовали этот рост для сокращения рабочего дня. С другой стороны, этот рост позволил детям и женщинам покинуть рынок труда; тем более что образова-

тельный акт предписывал всеобщее школьное начальное образование. Для женщин характерны следующие данные: в 1851 г. работала четверть всех жен рабочих, а в 1911 г. – всего 10%. Особый интерес представляют исследования рабочих продуктовых корзин 18 семей представителей средней прослойки рабочего класса (с исключением потребителей пива и спиртных напитков) показали, что в каждом случае диета все-таки была неадекватна действительным потребностям: на 17% меньше стандарта в отношении калорий и на 29% в отношении протеина. Для низших слоев недоедание имело постоянный характер и было характерно более чем для половины. В итоге недоедало 40% рабочего класса Великобритании. Тем не менее в период 1862–1900 г. в среднем диета рабочего класса претерпела весьма существенные изменения: потребление хлеба и картофеля сократилось, а потребление сахара и мяса увеличилось. Вернемся к тезису Мак-Кеона. Насколько его выводы, сделанные обо всем английском обществе, справедливы для рабочего класса? Представляется, учитывая, что рабочий класс составлял более 70% всего населения и доля смертности была у рабочих выше, чем у представителей среднего класса, тезис Мак-Кеона вполне справедлив и для этого случая.

И действительно, приведенные выводы о том, что уровень реальных цен более чем наполовину вырос с 1860 по 1900 г., прекрасно согласуются с выводами исследования Мак-Кеона о том, что именно в это время смертность для группы от 5 до 45 лет сократилась более чем вдвое. Но как быть с тем фактом, что уровень смертности для всех групп населения продолжал падать вплоть до 1914 г., хотя реальная заработная плата в это время оставалась постоянной? Современные исследования показали²⁰, что ключ к ответу – поведение неквалифицированных слоев рабочего класса. Мы уже говорили о том, что именно в конце XIX в. начался процесс расширения сферы квалифицированного труда и соответственно процесс перемещения неквалифицированных и мало-квалифицированных рабочих из низшего слоя в средний. Поэтому, несмотря на то, что средний уровень реальной зарплаты с 1900 по 1914 г. оставался постоянным, доля людей, ее получающих, резко возросла, что не могло не привести к общему повышению уровня жизни.

В итоге соотношение между уровнем жизни и здоровьем для большей части населения в период времени 1870–1914 г. прямо подтверждает тезис Мак-Кеона. Вспомним еще раз тезис Маркса о том, что стоимость рабочей силы равна стоимости всех товаров, необходимых для существования рабочего, и что она складывается из 3 компонентов: цены пропитания, цены воспроизводства и цены обучения. Мы убедились в том, что стоимость рабочей силы, выражаемая в доступных подсчетах реальных расходах на заработную плату,

в период между 1870 г. и 1900 г. значительно увеличилась. Маловероятно, что это повышение было обусловлено возрастанием репродуктивных цен и цен обучения, как мы об этом уже говорили выше. Для того чтобы стать профессиональным шахтером, достаточно закончить курсы, длящиеся от силы несколько месяцев. С другой стороны, мы уже говорили об уменьшении долей детского и женского труда в период 1870–1900 г., что могло привести к росту только их финансовой зависимости от основного кормильца. Поэтому мы можем заключить, что увеличение стоимости рабочей силы было вызвано ростом «исторического и морального элемента» в стоимости пропитания. Но, как мы уже отмечали, Маркс за 5 лет до начала рассматриваемого периода утверждал, что шанс на то, что моральный и исторический элемент значительно увеличится, невелик.

Реальный рост заработной платы во время Великой депрессии и ее сохранение во время эдвардианского бума убедительно говорят о том, что Маркс был неправ. Его пессимистический вывод покоился на наблюдении, согласно которому баланс власти в экономической сфере поддерживается капиталистами, обладающими возможностями замены рабочих машинами, но новые машины также нуждаются в рабочих.

Поэтому уровень жизни между 1870 и 1914 гг. вырос в основном как результат того, что заработная плата перестала соответствовать стоимости других товаров. Возрастающая органическая композиция капитала (т.е. органически присущая ему тенденция роста крупномасштабного механического производства) выражалась в двух процессах. С одной стороны, централизация и концентрация капитала создавали индустриальные условия, которые способствовали организации коллективного сопротивления со стороны рабочих. С другой стороны, за счет организации возросшей продуктивности производства товаров сферы потребления уменьшилась цена средств существования рабочих. Неслучайно цена существования упала в то же время, как возросла способность рабочих оказывать сопротивление. В результате значительно возрос уровень жизни в период Великой депрессии.

Таким образом, Маркс недооценил влияние эффекта воздействия на рабочий класс возросшей органической структуры капитала, в частности

способа, каким крупномасштабное производство воздействует на баланс классового господства в экономической сфере.

Примечания

- ¹ См.: *Tudor Hart J.* The inverse care law // *Lancet*. 1971. Vol.1. P. 405–412.
- ² См.: *Robson J.* Take a pill // *Medicine in Society*, 1972. 50 p.; *Idem.* Quality, inequality and health care // *Medicine in Society*, 1977. 70 p.
- ³ См.: *Navarro V.* The State, Medicine and the Class Struggle. L.: Martin Robertson, 1978. 156 p.
- ⁴ См.: *Doyal L., Pennell I.* The Political Economy of Health. L.; Pluto, 1979. 360 p.
- ⁵ См.: *McKeown T.* The Modern Rise of Population. L.: Edward Arnold, 1976. 168 p.; *Idem.* The Role of Medicine. Oxford: Dlackwell, 1979. 207 p.; *McKeown T., Lowe C.R.* An Introduction to Social Medicine. Oxford: Dlackwell, 1966. 327 p.
- ⁶ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Кн. первая. М.; Л., 1929. С. 126.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Маркс К.* Wages, price and profit // *Marx and Engels Selected Works*. L.: Lawrence & Wishart, 1968. P. 51–52.
- ¹¹ *Маркс К.* Указ. соч. С. 226.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Barrett M., Mcintosh M.* The «Family Wage»: some problems for socialists and feminists // *Capital and Class*. 1980. Summer. 11. P. 93–104.
- ¹⁴ См.: *Hewitt M.* Wives and Mothers in Victorian Industry. L.: Rockliff, 1958. 245 p.
- ¹⁵ См.: *Land H.* Women; supporters or supported? // *Sexual Divisions and Society* / Eds. L. Barker and S. Allen. L.: Tavistock, 1976. P. 119–141.
- ¹⁶ *Маркс К.* Указ. соч. С. 227.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Newsholme A.* An inquiry into the principal causes of the reduction in the death-rate from phthisis during the last 40 years // *J. of Hygiene*. 1906. Vol. 6, 3. P. 304–384.
- ¹⁹ См.: *Hobsbawm E.J.* The Labour aristocracy in 19th century Britain // *Democracy and the Labour Movement* / Ed. J. Saville. L.: Macmillan, 1954. P. 272–313.
- ²⁰ См.: *Blane D.* The value of labour-power and health // *Sociological Theory & Medical Sociology* / Ed. G. Scambler. L.: Tavistock, 1987. P. 8–36.

УДК 316.653

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И РЕЙТИНГ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

С.В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматриваются электоральные и политические рейтинги как способы отражения общественного мнения, а также анализируется проблема воздействия результатов электоральных и политических рейтингов на общественное мнение и электоральное поведение.

Ключевые слова: электоральный рейтинг, политический рейтинг, общественное мнение.

Public Opinion and Rating: Interaction Problem

S.V. Vezinitsyna

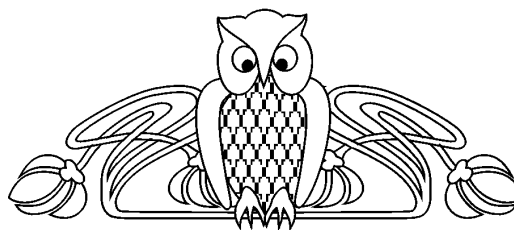
In this article there are considered electoral and political ratings as ways to reflect public opinion, as well as the problem of influence of electoral and political ratings results on public opinion and electoral behaviour is analyzed.

Key words: electoral rating, political rating, public opinion.

Для современной российской действительности стала типичной ситуация, когда результаты опросов общественного мнения, часто отраженные в электоральных, информационных и прочих рейтингах, становятся одним из способов передачи определенных знаний, инструкций, информации со стороны общества каждому из его членов. Однако степень влияния общественного мнения и рейтингов политиков и политических партий, как одного из способов его отражения, на поведение избирателей, несмотря на всю актуальность и значимость, до сих пор продолжает оставаться неопределенной.

Влияние результатов социологических замеров на общественное мнение за рубежом было доказано относительно давно. В качестве инструмента социального контроля общественное мнение рассматривали А. Токвиль, Э. Росс, Э. Ноэль-Нойман, П. Шампань. В России подобные исследования начали проводиться сравнительно недавно, поэтому теоретическая база, существующая на сегодняшний день по данному вопросу, недостаточна.

Исходя из концепции Э. Ноэль-Нойман, давление общественного мнения способно оказывать определенное влияние на электоральное поведение. Общественное мнение – это ценностно-окрашенное, в частности, имеющее моральную окраску мнение и способ поведения, которые следует демонстрировать прилюдно, если не хочешь оказаться в изоляции. Индивид выстраивает свое поведение под влиянием двух

источников: 1) окружающей среды и ее сигналов об одобрении и неодобрении, 2) средств массовой информации, в которой проявляются взаимно подтверждающие сигналы¹. Очевидно, что наиболее ярким примером такого воздействия может выступать опубликование в средствах массовой информации рейтингов политических субъектов. Для современного российского общества политические рейтинги – явление сравнительно новое, тогда как в ряде западных стран оно давно и прочно вошло в научный и повседневный лексикон. Более того, в современном российском обществе отсутствует четкое понимание данного феномена, о чем свидетельствуют результаты, полученные фондом «Общественное мнение», проводившим в мае 2003 г. исследование, посвященное данной проблеме². Примерно четверть (27%) россиян знают и около 40% слышали выражение «рейтинг политических партий». Слышат впервые и затруднились с ответом – 24% и 8% соответственно. Такое положение в общем вполне объяснимо, поскольку первые социологические исследования в избирательных кампаниях у нас в стране стали проводиться с 1989 года.

Сегодня рейтинги чаще всего выступают в качестве базы для составления прогнозов. В то же время рейтинг может рассматриваться как элемент политических технологий. Кроме того, следует помнить, что «рейтинг» политика на самом деле делится на три составляющие – оценка деятельности, известности (информационный рейтинг), рейтинг как кандидата (электоральный рейтинг) и рейтинг доверия.

В массовом сознании сложились следующие представления о сущности понятия «рейтинг»: примерно равные доли респондентов предложили следующее толкование понятия «политический рейтинг»: 21% опрошенных были склонны утверждать, что это показатель политической успешности партии (политика), а 23% – что это популярность, известность той или иной партии среди россиян. Небольшая доля ответивших (7%) полагали, что рейтинг – это свидетельство авторитета партии, состояния общественного мнения относительно нее.

Таким образом, в обществе сформировалось определенное понимание смысла «рейтинг политических партий», однако иногда можно встретить и такие ответы: «сколько человек проголосовало за партию», «способ показать партию», «когда

каждая партия открывает свои лучшие качества, восхваляет свою программу» или даже «это слово означает экономическую, социальную программу партии». Наконец, есть и такие респонденты, которые резко отрицательно относятся как к самим рейтингам, так и к этому термину: «безобразия – использовать иностранные слова для определения оценки популярности».

Некоторые авторы акцентируют внимание на том, что для российского массового сознания, которое на настоящий момент утратило свои опорные ценностные установки и находится в процессе поиска новых ориентиров, характерна такая ситуация, при которой обнаруживаемая информация о состоянии общественного мнения по актуальным проблемам (самой актуальной из которых продолжает оставаться проблема политического выбора) имеет особое значение. Она является для населения критерием самооценки и корректировки собственной позиции, одним из важных ориентиров при выработке ценностных установок и в поведении³. Наибольшее влияние она может оказывать на «неопределившихся», например, если сообщается, что какая-то партия опережает другие, то она получает дополнительных сторонников из их числа.

Кроме того, существует мнение, что сам факт включения в рейтинг малоизвестных кандидатов или политических партий повышает их шансы на выборах, поскольку потенциальные избиратели, таким образом, знакомятся с ними через публикации результатов опросов в средствах массовой информации. Это также доказывает, что использование опросов для манипулирования общественным мнением в избирательных кампаниях вполне возможно.

Этот феномен объясняется несколькими факторами. Во-первых, в нашей стране исследователями отмечается эффект ориентации массового сознания на позицию большинства, который усиливается наличием традиционных коллективистских установок. Во-вторых, в силу своей несформированности как социального института общественное мнение у нас в стране сравнительно легко поддается манипулированию со стороны средств массовой информации, доверие которым среди населения сравнительно велико.

Российское законодательство также признало наличие существенного влияния обнаружения результатов общественного мнения на состояние массового сознания, определив в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» пятидневный мораторий на опубликование в средствах массовой информации результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов и референдумов, иных исследований, связанных с выборами и референдумами. Помимо этого законом устанавливается, что при публикации результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами

или референдумом, средства массовой информации обязаны указать организацию, проводившую опрос, время его проведения, число опрошенных (выборку), метод сбора информации, точную формулировку вопроса, статистическую оценку возможной погрешности, а также лицо или лица, заказавших проведение опроса и оплативших его публикацию⁴.

Однако специалисты расходятся во мнениях относительно эффективности этого влияния. В частности, ряд ученых полагает, что обнаружение результатов социологических замеров не может сколько-нибудь значительно деформировать первоначальные электоральные ориентации населения. Некоторые американские исследователи выделяют три типа воздействия социологических данных на массовое сознание:

- 1) эффект бэндвэгона, побуждающий избирателей отдать свой голос за победителя опроса;
- 2) эффект ундердога, выражающийся в стремлении помочь проигрывающему;
- 3) эффект воздержания – потеря интереса к голосованию, результаты которого уже известны, и отказ от голосования.

Исследования, проводившиеся в США, показали, что эти три направления взаимно уравновешиваются и не искажают первоначальных ориентаций электората⁵.

Российские исследователи также придерживаются различных точек зрения по данному вопросу. В прессе часто высказываются мнения относительно того, что результаты социологических замеров являются чуть ли не определяющим способом оказания давления на избирателей. Аргументируется это чаще всего тем, что в современном российском обществе широко распространен психологический феномен, свойственный среднестатистическому обывателю – желание быть «как все», поскольку многие люди хотят голосовать за сильного, но мало кто – за слабого. Поэтому, огласив накануне выборов более высокий рейтинг кандидата, можно реально увеличить количество поданных за него голосов. Часто говорят о том, что многие социологические фирмы в период избирательной кампании уподобляются представительницам древнейшей профессии и начинают работать по принципу «любой каприз за ваши деньги». «Назначая» лидера рейтинга, они тем самым и создают отчасти этого лидера. При этом утверждается, что «умные слова и научные термины призваны оказать гипнотизирующее воздействие на обывателя». Несложно догадаться, что речь идет об описании выборочной совокупности и методов проведения опросов, указания статистической погрешности и т.д. Более того, существует мнение, что рейтинги – одно из эффективных средств информационной войны, эдакий «информационный вирус». Так ли это на самом деле?

Одним из показателей, свидетельствующих о наличии определенного воздействия рейтин-

гов на общественное мнение, является высокая степень заинтересованности результатами социологических замеров. Однако гораздо важнее интереса другой показатель – доверие рейтингам. Безусловно, рейтинги призваны отражать состояние общественного мнения, однако зеркала могут быть и кривыми, поэтому крайне важно знать, каков уровень доверия населения результатам социологических исследований. Информация о рейтингах вызывает интерес примерно у трети россиян (38%), а доверяют ей менее четверти (23%). Соответственно не интересуются рейтингами 46%, не доверяют им 41%. Можно предположить, что наиболее восприимчивой, внимательной и компетентной аудиторией по отношению к информации такого рода являются те, кто интересуется политическими рейтингами, так как интерес – одной из базовых характеристик восприятия. Отчасти это действительно так. Вместе с тем такая зависимость не столь очевидна. Данные опроса показывают, что у этой категории опрошенных нет однозначной установки на доверие: примерно треть (36%) из них склонны не доверять информации о рейтингах и пятая часть затруднилась с ответом.

В то же время закономерно, что те, кому информация о политических рейтингах не интересна, чаще не испытывают доверия или же затрудняются определить свое отношение к ней. Только десятая часть от их числа склонна все-таки доверять этим материалам. Но и среди людей, интересующихся рейтингами партий, не сформировалось безусловно доверительного отношения к такого рода информации. По данным фонда «Общественное мнение», лейтмотивом ответов на открытый вопрос о том, почему нет доверия рейтингам, является сомнение в достоверности рейтинговых замеров, уверенность в их фальсифицированности, в прямом обмане. В результате проведенных в рамках данного исследования фокус-групп было выявлено, что недоверие граждан порождается не самими рейтингами, а негативным отношением к политике вообще, к процедуре выборов, к предвыборным технологиям, а также к каналам распространения результатов подобных замеров, средствам массовой информации. Основными мотивами подобной проекции выступают следующие факторы:

– убежденность в том, что рейтинги больше всего нужны самой власти, политикам, поскольку в них находит свое отражение политическое соперничество между политическими фигурами, «игры в самую народную партию или политика». Кроме того, это замечательный способ демонстрации собственной значимости перед спонсорами, инвесторами, теми, кто выделяет средства на предвыборные кампании. И, наконец, по мнению информантов, рейтинги используются политиками с целью планирования стратегии и тактики ведения предвыборных кампаний;

– уверенность респондентов в том, что рейтинг – это одно из средств политической рекламы, один из способов показать, что за данного политика можно и нужно голосовать, причем даже люди, не доверяющие рейтингам, склонны утверждать, что основная часть избирателей «идет за сильнейшим»;

– несоответствие, несовпадение у части респондентов между собственными представлениями о расстановке политических сил в обществе и публикуемой информацией об их рейтингах или результатах голосования. На наш взгляд, это очень важный фактор формирования не только позитивного или негативного отношения к публикуемым результатам опросов общественного мнения, их принятия или отторжения, но и признания достоверности результатов выборов и, следовательно, легитимности избираемых властных органов вообще. Подобная установка вкуче с постоянно поддерживающейся уверенностью в фальсификации результатов голосований и опросов способна вызвать потерю интереса к политической жизни общества, политическую апатию, может служить одним из факторов отказа от участия в выборах или протестного голосования. Очевидна необходимость и в то же время сложность дальнейшего изучения данного явления, поскольку подобная установка может быть выявлена в полной мере только качественными методами исследования, такими как фокусированное групповое интервью, глубинное интервью, тогда как необходимы данные о статистической распространенности подобного явления.

При этом интересен тот факт, что сама процедура проведения опросов и формирования рейтингов вызывает сомнения лишь у 6% опрошенных. Эта часть респондентов не столь велика в структуре опрошенных, однако сбрасывать ее со счетов недопустимо, данный фактор также необходимо учитывать при анализе причин, вызывающих недоверие граждан к результатам социологических замеров.

Из проблемы доверия населения рейтингам логично вытекает проблема их влияния на формирование электоральных предпочтений. Подобный вопрос был задан респондентам, и более половины из них (56%) ответили, что подобное влияние существует. Около 20% считают, что подобного влияния не существует. Первую точку зрения чаще других разделяют сторонники «Единой России» (69%) и Путина (63%), люди с высшим (67%) и средним специальным образованием (64%). Однако чрезвычайно интересен тот факт, что, говоря о себе лично, большая часть опрошенных заявила об отсутствии подобного воздействия.

Как показывают материалы фокус-групп, позиция «на других влияет, на меня – нет» оказывается хорошо аргументированной. Во-первых, те, кто уже определился с выбором, не считают информацию о рейтинге «своей» партии сколько-нибудь содержательно важной

с точки зрения устойчивости принятого электорального решения. Во-вторых, люди большее значение придают новостям, публичным выступлениям, делам и программным заявлениям политиков, то есть имиджевым и содержательным вещам, нежели «неизвестно как посчитанным цифрам».

И, в-третьих, важным и решающим аргументом является недоверие к рейтингам и низкий интерес к политической информации в целом.

Высказанный тезис подтверждается и данными массового опроса: среди не доверяющих рейтингам и не интересующихся ими заметно больше доля тех, кто считает, что лично на них рейтинги не оказывают влияния.

Информация о рейтингах, как по мнению респондентов, так и с точки зрения социологов, политологов, специалистов в сфере политической рекламы, влияет на тех, кто еще не определился с выбором, у кого нет определенных политических предпочтений.

Что касается необходимости и востребованности обнародования результатов опросов общественного мнения, рейтингов, то более половины опрошенных (53%) считают, что во время предвыборных кампаний эти данные необходимо обнародовать. Противоположной точки зрения придерживается пятая часть респондентов (20%), 27% затрудняются ответить.

Итак, рейтинги партий и политиков в сознании людей прописаны как элемент политической жизни и предвыборного времени. Этим в значительной мере определяются те значения, смыслы, которыми наделяют рейтинги как таковые сегодняшние россияне: «Это неперменный атрибут политики и политической конкуренции, который появляется перед выборами, поскольку кому-то нужен, но не мне». Лишь в редких случаях люди хотят и умеют разбираться в публикуемой информации, и связано это, как правило, с нежеланием быть объектом информационных вливаний и манипуляций. Но общая установка на недоверие к политической информации все равно сохраняет свою действенность.

Обнародуемые результаты опросов общественного мнения являются одним из факторов формирования электоральных предпочтений, од-

нако не следует рассматривать публикуемые рейтинги в качестве основного способа воздействия на избирателей. Помимо рассмотренных выше причин существует еще одна, методологического характера. Рейтинги были, есть и будут всего лишь информацией о том, какого мнения придерживается большинство людей в данном обществе, достоверной или не достоверной, достойной или не достойной доверия. Для того чтобы оказывать влияние на электоральный выбор, формирование электоральных установок в современном чрезвычайно динамичном и недоверчивом обществе, только лишь информационного воздействия недостаточно. Для этого требуются убеждающие воздействия, к которым рейтинги в силу своей специфики относиться не могут. Гораздо большее влияние способно оказывать общественное мнение, выраженное не в рейтингах, а в иных своих проявлениях: давлении со стороны окружающих, близких, посредством влияния различного рода авторитетов, экспертов, а также слухов.

Рейтинги способны оказывать гораздо большее влияние не столько непосредственно на выбор избирателя, сколько на явку на выборы сторонников того или иного кандидата.

Примечания

- 1 См.: *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем.; Общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова М., 1996. С. 341–342.
- 2 Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 17–18 мая 2003 г. 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы – 600 респондентов. URL: <http://www.fom.ru> (дата обращения: 05.05.10).
- 3 См.: *Усманов Б.Ф.* Эффективность избирательного процесса: конструирование будущего // Социс. 2000. № 8. С. 53–60.
- 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 22 мая 2002 г. Гл. VII. Ст. 46.
- 5 См.: *Лапаева В.В.* Обнародование результатов исследований общественного мнения как объект правового регулирования // Социс. 1998. № 12. С. 5.

Слово молодым социологам

УДК 316 (470+577)(09)

ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Н.М. Дементьева

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье предпринят анализ процесса становления отечественной социологии права, возникшей во второй половине XIX в. в России.

Ключевые слова: социология права, политико-правовая эволюция, либеральные ценности, западничество.

The Formation of Native Law Sociology in the Second Half of the XIX Century

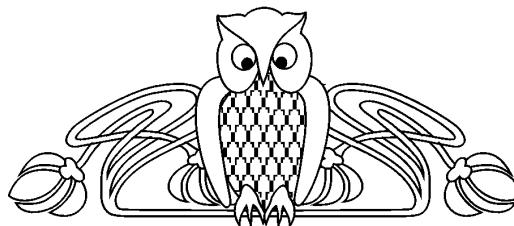
N.M. Dementyeva

The article deals with the analysis of the formation process of native law sociology, which appeared in the second half of XIX century.

Key words: sociology of law, political and law evolution, liberal values, zapadnichestvo.

В современных условиях социально-экономических реформ и всесторонней модернизации общественных отношений возрастает теоретический и практический интерес к проблеме стабилизации общества, к факторам, обеспечивающим необратимость происходящих преобразований. В настоящее время идет становление новой экономической структуры, трансформируется сложная и тонкая ткань социальных взаимосвязей, новые парадигмы характеризуют духовную жизнь. Успех преобразований во многом зависит от качественного обновления политико-правовых институтов. А это предполагает теоретическое обоснование мероприятий по демократизации общественных отношений, новых шагов по пути построения правового государства и формирования гражданского общества. В этих целях необходимо использовать весь имеющийся «арсенал» отечественного общественнонаучного знания (истории, социологии, правоведения и т.д.).

В связи с этим правомерным является обращение к трудам наиболее крупных представителей социологии права в русской социологии, их отличительная черта – взаимосвязь социальных и политических факторов детерминации общественных процессов. Заслугой их является то, что они рассматривали политико-правовые проблемы с исторической точки зрения, что давало возможность намечать более или менее реальные перспективы общественного развития. Среди

представителей этой школы прежде всего следует отметить Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского, И.И. Дитятину.

В их работах идеи социологии права представлены в наиболее законченной, так сказать, классической форме. Наряду с этим концептуальные положения в той или иной степени повлияли на творчество таких известных ученых и общественных деятелей, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, П.Б. Струве. На наш взгляд, можно считать вполне обоснованным мнение А.Н. Медушевского, что именно это научное направление образовало магистральную линию развития общественной мысли и составило тот научный базис, без которого трудно представить себе дальнейшее поступательное движение русской исторической науки и социологии¹.

Социология права в лице своих наиболее выдающихся представителей опиралась на позитивные традиции отечественной историографии, используя прежде всего опыт тех направлений, которые уже тогда несли в себе «заряд» социальных идей. В связи с этим можно упомянуть скептическую школу, которая стремилась очистить историографию от «баснословия», формировать достоверную базу исследования, и творчество Н.А. Полевого, демонстративно назвавшего свой главный научный труд «История русского народа», в отличие от своих предшественников, писавших историю монархов и династий. И вообще, если брать вопрос в целом, обращение ряда крупных историков к насущным социологическим проблемам далеко не случайно. Они понимали, что история, чтобы быть полноценной наукой, должна идти рука об руку с социологией.

Историография как выражение социальной мысли и, шире, общественного сознания своей эпохи является наиболее чутким барометром той широкой гаммы взглядов, представлений, а также настроений и чувств, которые составляют колорит времени, придают ему интеллектуальную и эмоциональную окраску. В этом своем качестве историография аккумулирует, по существу, многие проблемы социологии, которые в силу ряда причин могут решаться только с привлечением исторического материала. Выигрывает от этого и социология, которая использует исторические факты для выявления генезиса и детерминации социальных процессов. Именно комплексный

подход способствовал тому, что теоретики социологии права сумели увидеть и сформулировать ряд жизненно важных проблем политико-правовой эволюции российского общества. И не только сформулировать, но и предложить ряд решений, не утративших своего практического значения и в наши дни.

Представители социологии права не могли стоять в стороне от идеологической борьбы того времени. Характерной чертой их мировоззрения является весьма четко выраженная западническая направленность. В отличие от таких известных деятелей, как Герцен и Белинский, они принадлежали к правому крылу западничества и весьма критически относились к идеям революционного демократизма и утопического социализма. Их теоретико-философской основой явились аспекты философии Гегеля (для более раннего этапа) и контовский позитивизм (для более позднего, реформенного этапа).

Западническая ориентация этих мыслителей проявлялась и в том, что ее последователи интенсивно перенимали и перерабатывали передовые идеи европейской исторической науки и социологии и соответствующие методологические концепции. Знакомясь с этими идеями и концепциями, жизнью европейских стран, русские ученые не могли остаться равнодушными к западным социально-политическим порядкам, философским доктринам и той свободной научной атмосфере, которая им соответствовала. Подобно своим предшественникам – просветителям XVIII в. – они отстаивали необходимость просвещения и европеизации России, видя в этом единственный путь мирного разрешения грядущих социальных конфликтов.

Таким образом, в теоретических построениях представителей социологии права прямо или исподволь проявлялись либеральные ценности. Деятели, подобные Кавелину или Чичерину (особенно в ранний период), безусловно, стояли на точке зрения правовой защиты свободы личности и в то же время выступали за стабильный социальный порядок, но не на основе охранительства, а на базе преобразования общественной ситуации и положения личности путем реформ.

Внимание к проблеме личности также определялось конкретными условиями русского общества. Особенностью русского либерализма, как отмечал В.В. Леонтович, являлся не столько активизм и творческое устремление, сколько ограничение, не созидание, а устранение (имеется в виду устранение всех препятствий для реализации свободы личности). Либерализм – система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным. Однако либеральный индивидуализм не абсолютен, а относителен: в отличие от анархизма он требует создания объективного правового государственного порядка, противо-

стоящего воле отдельных людей и связывающего ее. Поэтому он одобряет учреждения общественные, в которых отдельный человек подчиняется определенному порядку.

Но и эта государственная опека не должна быть абсолютной: необходимо исключить угрозу удушья основы гражданского общества – свободы и инициативы отдельных индивидов и ассоциаций. Отсюда вытекает и принципиальное методологическое положение, которое следует учитывать при анализе тех представлений о социальном детерминизме, которые конструировались в рамках государственной школы. Согласно этим представлениям государство должно быть способным и всегда готовым к самоограничению, к тому, чтобы жертвовать своими интересами и правами ради интересов и прав отдельных людей. Формальное право не может быть «выше» прав и свобод конкретных индивидов. Русские либералы настойчиво утверждали, что власть должна действовать с чрезвычайной осторожностью даже тогда, когда речь идет об устранении тех политических институтов, порядков и норм, которые представляются ей, этой власти, излишними или даже вредными. Институты и нормы, подлежащие упразднению, не следует устранять «неожиданно и безжалостно», так как это разрушительно отразится на сфере субъективных гражданских прав широких слоев населения².

Эти особенности либерализма как политического течения нашли отражение в концепциях социологии права. По сути дела, они никогда не порывали полностью с охранительно-монархической тенденцией, и либерализм их носит весьма умеренный характер. В своих исторических и социологических воззрениях они – последовательные эволюционисты, стремящиеся избегать левых и правых крайностей. Поэтому правомерно характеризовать их как либеральных консерваторов, для которых одинаково ценными являются и порядок (сильная власть), и свобода.

Тем не менее даже такая умеренная позиция казалась весьма подозрительной рьяным охранителям существующего режима. Критика «устаревших» аспектов тогдашней государственной системы вызывала недовольство правительства, относившегося с опасением к любым проявлениям «вольнодумства». В связи с этим выдающийся русский философ Н.О. Лосский писал: «Благороднейшие русские люди, такие как И. Киреевский, Хомяков, Б. Чичерин, вызвали опасения правительства, которое боялось всех лиц, отстаивавших свободу мысли и обладавших самостоятельным характером. Между тем, многие из них, такие, например, как Чичерин, способны были основать партию разумного либерального консерватизма, т.е. консерватизма, защищающего свободу в рамках, установленных законом, и способных осуществить реформы в то время, когда они действительно назрели. Вместо такого

просвещенного консерватизма в России был бессмысленный и грубый консерватизм, называемый черносотенством»³.

Творчество Чичерина, Кавелина, других деятелей пронизывает сверхзадача, сформулированная ими накануне и в период «великих реформ» Александра II – исследование перспектив и путей исторического развития русского общества и русской государственности. По сути дела, концепция либерального консерватизма – это стратегия социально-политической модернизации России. Такой путь, как им представлялось, позволял

избежать как разрушительных революционных потрясений, так и окостенелости и деградации существующего режима.

Примечания

- 1 См.: *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993. С. 81.
- 2 См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 3, 21.
- 3 См.: *Лосский Н.О.* История, русской философии. М., 1994. С. 147–148.

УДК 316.354

СПОСОБЫ УПРАВЛЕНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

И.В. Строганова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: stroganovaiv@mail.ru

В статье рассматриваются различные теоретические и прикладные подходы к управлению неформальными коммуникациями на предприятиях малого и среднего бизнеса. В работе сделан вывод, что необходима коррекция методологии исследования неформальных коммуникаций с учетом особенностей отечественной социально-культурной среды ведения предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: организация, коммуникация, неформальные коммуникации, бизнес.

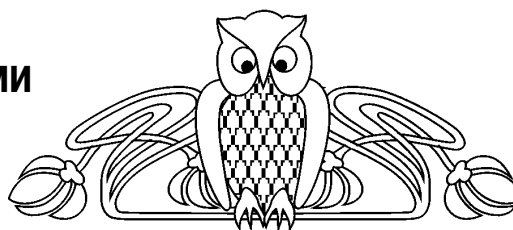
Ways to Manage Informal Communications and Their Importance for Small and Medium Business

I.V. Stroganova

The article discusses various theoretical and applied management approaches informal communications on small and medium business. In the work that needed correction methodology studies informal communications with patriotic socio-cultural environment for doing business.

Key words: organization, communication, informal communication, business.

Среди всех видов внутриорганизационных коммуникаций особое место занимают неформальные отношения. Они являются важнейшим элементом корпоративной культуры, поскольку способствуют более эффективной социализации во внутриорганизационную среду новых работников, а также поддерживают стабильность и эффективность уже существующей системы связей. Неформальные внутриорганизационные коммуникации имеют несколько форм проявления и реализации. К ним можно отнести мифы, легенды, традиции, ритуалы, слухи, которые

циркулируют во внутриорганизационной коммуникативной среде.

Очень важно, чтобы руководители понимали, что неформальные структуры динамически взаимодействуют с формальными. Одним из первых, кто стал уделять внимание этому фактору, а также образованию неформальных организаций, был Джордж Хоманс, теоретик в области исследования групп. В его модели под видами деятельности понимаются задачи, выполняемые людьми. В процессе выполнения этих задач люди вступают во взаимодействие, которое, в свою очередь, способствует появлению чувств – положительных и отрицательных эмоций в отношении друг друга и начальства. Эти эмоции влияют на то, как люди будут осуществлять свою деятельность и взаимодействовать в будущем. Поскольку групповые эмоции влияют как на задачи, так и на взаимодействие, они могут также оказывать влияние и на эффективность формальной структуры. В зависимости от характера эмоций (благоприятных или неблагоприятных) они могут приводить либо к повышению, либо к понижению эффективности, прогулам, текучести кадров, жалобам и другим явлениям, которые немаловажны для оценки деятельности организации¹. Одна из самых больших и распространенных трудностей, мешающая эффективному управлению группами и неформальными структурами, – это изначально невысокое мнение о них руководителей. Некоторые менеджеры продолжают считать, что неформальная структура – это результат неэффективного управления.

Случаи отрицательной реакции иногда мешают руководителям видеть многочисленные потенциальные выгоды от неформальных организаций. Для того чтобы быть членом группы, надо работать в данной организации, предан-

просвещенного консерватизма в России был бессмысленный и грубый консерватизм, называемый черносотенством»³.

Творчество Чичерина, Кавелина, других деятелей пронизывает сверхзадача, сформулированная ими накануне и в период «великих реформ» Александра II – исследование перспектив и путей исторического развития русского общества и русской государственности. По сути дела, концепция либерального консерватизма – это стратегия социально-политической модернизации России. Такой путь, как им представлялось, позволял

избежать как разрушительных революционных потрясений, так и окостенелости и деградации существующего режима.

Примечания

- 1 См.: *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993. С. 81.
- 2 См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 3, 21.
- 3 См.: *Лосский Н.О.* История, русской философии. М., 1994. С. 147–148.

УДК 316.354

СПОСОБЫ УПРАВЛЕНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

И.В. Строганова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: stroganovai@mail.ru

В статье рассматриваются различные теоретические и прикладные подходы к управлению неформальными коммуникациями на предприятиях малого и среднего бизнеса. В работе сделан вывод, что необходима коррекция методологии исследования неформальных коммуникаций с учетом особенностей отечественной социально-культурной среды ведения предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: организация, коммуникация, неформальные коммуникации, бизнес.

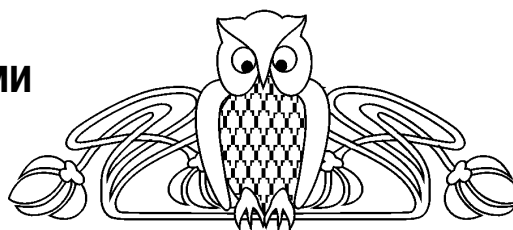
Ways to Manage Informal Communications and Their Importance for Small and Medium Business

I.V. Stroganova

The article discusses various theoretical and applied management approaches informal communications on small and medium business. In the work that needed correction methodology studies informal communications with patriotic socio-cultural environment for doing business.

Key words: organization, communication, informal communication, business.

Среди всех видов внутриорганизационных коммуникаций особое место занимают неформальные отношения. Они являются важнейшим элементом корпоративной культуры, поскольку способствуют более эффективной социализации во внутриорганизационную среду новых работников, а также поддерживают стабильность и эффективность уже существующей системы связей. Неформальные внутриорганизационные коммуникации имеют несколько форм проявления и реализации. К ним можно отнести мифы, легенды, традиции, ритуалы, слухи, которые

циркулируют во внутриорганизационной коммуникативной среде.

Очень важно, чтобы руководители понимали, что неформальные структуры динамически взаимодействуют с формальными. Одним из первых, кто стал уделять внимание этому фактору, а также образованию неформальных организаций, был Джордж Хоманс, теоретик в области исследования групп. В его модели под видами деятельности понимаются задачи, выполняемые людьми. В процессе выполнения этих задач люди вступают во взаимодействие, которое, в свою очередь, способствует появлению чувств – положительных и отрицательных эмоций в отношении друг друга и начальства. Эти эмоции влияют на то, как люди будут осуществлять свою деятельность и взаимодействовать в будущем. Поскольку групповые эмоции влияют как на задачи, так и на взаимодействие, они могут также оказывать влияние и на эффективность формальной структуры. В зависимости от характера эмоций (благоприятных или неблагоприятных) они могут приводить либо к повышению, либо к понижению эффективности, прогулам, текучести кадров, жалобам и другим явлениям, которые немаловажны для оценки деятельности организации¹. Одна из самых больших и распространенных трудностей, мешающая эффективному управлению группами и неформальными структурами, – это изначально невысокое мнение о них руководителей. Некоторые менеджеры продолжают считать, что неформальная структура – это результат неэффективного управления.

Случаи отрицательной реакции иногда мешают руководителям видеть многочисленные потенциальные выгоды от неформальных организаций. Для того чтобы быть членом группы, надо работать в данной организации, предан-

ность группе может перейти в преданность организации. Многие люди отказываются от более высокооплачиваемых должностей в других компаниях, потому что они не хотят нарушать социальные связи, которые они приобрели в данной компании. Цели группы могут совпадать с целями формальной организации, а нормы эффективности неформальной организации могут превышать нормы формальной организации. Например, сильный дух коллективизма, характерный для некоторых организаций и порождающий сильное стремление к успеху, часто произрастает из неформальных взаимоотношений, произвольных действий руководства. Даже неформальные каналы связи могут иногда помогать формальной организации, дополняя формальную систему коммуникаций.

Управление неформальными коммуникациями с целью создания эффективной корпоративной культуры и повышения конкурентоспособности фирмы – это целенаправленная деятельность по формированию ситуации, в которой ценности компании и коллектива, работающего в ней (или хотя бы кадрового ядра коллектива) совпадают. Необходимо, чтобы кадровое ядро стало и сообществом «неформальных лидеров» (лидерами мнений, референтной группой, то есть группой, задающей тон в поведении, работе, культуре). Если ценности руководства и неформальных лидеров, цели компании и ее кадрового ядра разойдутся, то неудача в конкурентной борьбе почти гарантирована². Безусловно, дух единой команды предполагает наличие благоприятного внутреннего климата в коллективе, элементами которого могут быть:

- прием руководством фирмы своих сотрудников (независимо от ранга последних следует выделить определенное время, причем сотрудник может обратиться на подобном приеме с любым предложением или вопросом, как служебным, так и личным);
- желательны иные неформальные моменты, например, разговор руководителя с подчиненными за чашкой чая или кофе;
- благодарить за успешную работу или критиковать за «проколы» следует немедленно, следуя «золотому правилу менеджмента», зачастую не соблюдаемому в наших реалиях: хвалить – прилюдно, «разносить» – только с глаза на глаз.

Исследуя попытки воздействия на неформальную коммуникативную среду предприятия, необходимо учитывать особую социально-культурную среду российского общества, те традиционные практики ведения дел, которые сложились в нашем бизнес-сообществе. Это вполне соответствует общемировым тенденциям, как теории, так и практики выстраивания неформальных бизнес-коммуникаций. Разработки по вовлечению сотрудников в управление фирмой, дополнение формальных служебных отношений неформальными контактами, применение мето-

дов социальной психологии и конфликтологии³ для использования сложившихся в коллективе неформальных групп и их лидеров во благо организации ныне активно применяются американскими и западноевропейскими менеджерами. Совершенствованию неформальных контактов должно предшествовать тщательное изучение существующих каналов неофициальной коммуникации внутри фирмы.

Связь между необходимостью изучения неформальных коммуникаций, поиском средств и методов управления ими и снижением транзакционных издержек убедительно показал в своей работе С.С. Андрейкин⁴. По его мнению, именно неформальные коммуникации увеличивают или уменьшают транзакционные издержки, которые возникают при межличностных взаимодействиях в организации. Уровень издержек связан с качеством коммуникаций в корпоративном управлении и уровнем доверия между субъектами коммуникации: чем больше доверия, тем меньше времени и средств тратится на подтверждение намерений, хеджирование рисков при взаимодействии внутри компании и между компаниями, что ведет к снижению транзакционных издержек. Среди множества способов управления неформальными коммуникациями наиболее действенным исследователями признается совмещение руководителем формальных функций менеджера и функций естественного лидера группы, так как лидерские качества определяют возможности руководителя в управлении неформальными образованиями. С.С. Андрейкин выделяет три возможных варианта соотношения формальных и реальных лидерских качеств менеджера.

Вариант 1 – объединение менеджерской функции с функцией лидера ограничивает желание работать с использованием неформальных методов, так как соответствующие способы повышения эффективности корпоративных процедур включаются в рамки формальных правил действия.

Вариант 2 – сохранение разделения менеджерской функции и функции лидера позволяет отбирать полезные новации – продукты неформальной деятельности группы по заранее определенным менеджером критериям. Тем самым соблюдается баланс влияния неформальной и формальной структуры: полезные с точки зрения формальной структуры возможности неформальной структуры используются, вредные – блокируются.

Вариант 3 – конфликтное сосуществование двух систем, при котором формальная система доминирует, содержательно не реагируя на изменения установленных процедур, кроме случаев угрозы организации в целом. В ответ на проявления неформальных коммуникаций по возможности комбинируются и корректируются существующие формальные процедуры корпоративного управления.

Современная социология управления выделяет как минимум три стиля руководства бизнес-структурами, каждый из которых так или иначе основывается на типе выстраиваемых коммуникационных отношений менеджера с коллективом⁵. Это авторитарный, демократический и мягкий (попустительский) стили. Они обладают следующими характеристиками.

Авторитарный стиль: жесткое управление, обвинительный уклон, избегание дискуссий, инструкции без объяснения, неприятие предложений.

Демократический стиль: поощрение дискуссий, консультации с коллегами, вовлечение в принятие решений, желание обсуждать проблемы, принятие совета специалистов, обучение подчиненных.

Мягкий (попустительский) стиль: отсутствие оценки, отсутствие обратной связи, помощи, ответственности, неприятие предложений, отсутствие вмешательства, убеждений, нет обучения сотрудников.

Необходимо отметить, что не следует априорно в современных отечественных условиях считать наилучшим демократический стиль. Неопределенность внешних условий ведения бизнеса, нестабильность нормативно-правовой базы, коррупционный характер взаимоотношений малого и среднего бизнеса с государственными и муниципальными структурами, слабость деловых традиций, социальная напряженность между владельцами бизнеса и наемным персоналом и другие обстоятельства могут приводить на прак-

тике к большей популярности и эффективности авторитарного стиля. Проверить эту гипотезу также представляется актуальной научной задачей. В настоящее время крайне важно правильно выстраивать работу по управлению системой внутренних коммуникаций в организации. Необходимо создавать единое информационное поле, устранять коммуникативные разрывы, постоянно получать обратную связь от персонала с целью вовлечения сотрудников в процессы управления организацией, повышения мотивации к достижению целей компании, улучшения качества процедур принятия управленческих решений.

Примечания

- 1 См.: Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1982.
- 2 См.: Быстрянов С.Б., Гусев К.А., Лосев С.А. Внутрифирменные связи с общественностью и управление конфликтами. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/i093byst/> (дата обращения: 09.02.2010).
- 3 См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М., 2001.
- 4 См.: Андрейкин С.С. Прецедентный анализ неформальных коммуникаций в корпоративном управлении: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 15.
- 5 См.: Мельма В.А. Система внутренних коммуникаций в организации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.provisor.com.ua/> (дата обращения: 09.02.2010).

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ НЕОБЕСПЕЧЕННОСТИ С ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА

Н.С. Соболев

Саратовский государственный университет
E-mail: felobos@mail.ru

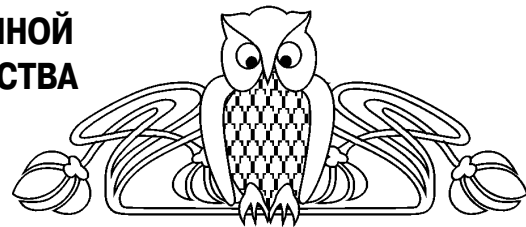
В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимообусловленности и взаимозависимости проблемы необеспеченности населения питанием с продовольственной безопасностью. Раскрываются вопросы необеспеченности питанием населения мира, ее причины и тенденции роста цен на продовольствие.

Особое внимание уделено этим проблемам в масштабах России с учетом трансформации социально-экономических условий РФ.
Ключевые слова: продовольственная безопасность, питание, продовольственная необеспеченность.

Interconditionality of Food Neediness with Food Safety of the Population and the State

N.S. Sobolev

In article some aspects of interconditionality and interdependence of a problem of neediness of the population by a food with food safety are

considered. Questions of neediness of a food of a world's population, its reason and the tendency of a rise in prices for the foodstuffs reveal. The special attention is given these problems in scales of Russia, taking into account transformation socially – economic conditions of the Russian Federation.

Key words: food safety, a food, food neediness.

Существующая ныне мировая проблема продовольственной необеспеченности населения отдельных стран возникла не внезапно. Уже в 30-е гг. XX столетия получило распространение довольно обоснованное мнение о необходимости рассматривать эту проблему в мировом масштабе. В те времена Лига наций, признав, что развитие сельского хозяйства и уровень здоровья населения той или иной страны тесно взаимосвязаны, задачу удовлетворения потребностей в продуктах пита-

Современная социология управления выделяет как минимум три стиля руководства бизнес-структурами, каждый из которых так или иначе основывается на типе выстраиваемых коммуникационных отношений менеджера с коллективом⁵. Это авторитарный, демократический и мягкий (попустительский) стили. Они обладают следующими характеристиками.

Авторитарный стиль: жесткое управление, обвинительный уклон, избегание дискуссий, инструкции без объяснения, неприятие предложений.

Демократический стиль: поощрение дискуссий, консультации с коллегами, вовлечение в принятие решений, желание обсуждать проблемы, принятие совета специалистов, обучение подчиненных.

Мягкий (попустительский) стиль: отсутствие оценки, отсутствие обратной связи, помощи, ответственности, неприятие предложений, отсутствие вмешательства, убеждений, нет обучения сотрудников.

Необходимо отметить, что не следует априорно в современных отечественных условиях считать наилучшим демократический стиль. Неопределенность внешних условий ведения бизнеса, нестабильность нормативно-правовой базы, коррупционный характер взаимоотношений малого и среднего бизнеса с государственными и муниципальными структурами, слабость деловых традиций, социальная напряженность между владельцами бизнеса и наемным персоналом и другие обстоятельства могут приводить на прак-

тике к большей популярности и эффективности авторитарного стиля. Проверить эту гипотезу также представляется актуальной научной задачей. В настоящее время крайне важно правильно выстраивать работу по управлению системой внутренних коммуникаций в организации. Необходимо создавать единое информационное поле, устранять коммуникативные разрывы, постоянно получать обратную связь от персонала с целью вовлечения сотрудников в процессы управления организацией, повышения мотивации к достижению целей компании, улучшения качества процедур принятия управленческих решений.

Примечания

- 1 См.: Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1982.
- 2 См.: Быстрянов С.Б., Гусев К.А., Лосев С.А. Внутрифирменные связи с общественностью и управление конфликтами. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/i093byst/> (дата обращения: 09.02.2010).
- 3 См.: Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М., 2001.
- 4 См.: Андрейкин С.С. Прецедентный анализ неформальных коммуникаций в корпоративном управлении: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 15.
- 5 См.: Мельма В.А. Система внутренних коммуникаций в организации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.provisor.com.ua/> (дата обращения: 09.02.2010).

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ НЕОБЕСПЕЧЕННОСТИ С ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА

Н.С. Соболев

Саратовский государственный университет
E-mail: felobos@mail.ru

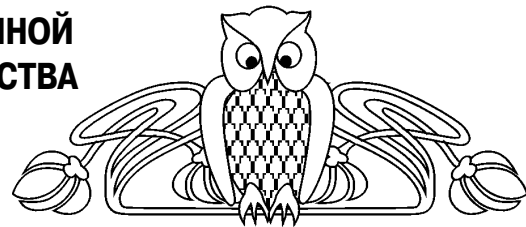
В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимообусловленности и взаимозависимости проблемы необеспеченности населения питанием с продовольственной безопасностью. Раскрываются вопросы необеспеченности питанием населения мира, ее причины и тенденции роста цен на продовольствие.

Особое внимание уделено этим проблемам в масштабах России с учетом трансформации социально-экономических условий РФ.
Ключевые слова: продовольственная безопасность, питание, продовольственная необеспеченность.

Interconditionality of Food Neediness with Food Safety of the Population and the State

N.S. Sobolev

In article some aspects of interconditionality and interdependence of a problem of neediness of the population by a food with food safety are

considered. Questions of neediness of a food of a world's population, its reason and the tendency of a rise in prices for the foodstuffs reveal. The special attention is given these problems in scales of Russia, taking into account transformation socially – economic conditions of the Russian Federation.

Key words: food safety, a food, food neediness.

Существующая ныне мировая проблема продовольственной необеспеченности населения отдельных стран возникла не внезапно. Уже в 30-е гг. XX столетия получило распространение довольно обоснованное мнение о необходимости рассматривать эту проблему в мировом масштабе. В те времена Лига наций, признав, что развитие сельского хозяйства и уровень здоровья населения той или иной страны тесно взаимосвязаны, задачу удовлетворения потребностей в продуктах пита-

ния каждого жителя планеты определила как насущную и решаемую общестрановыми усилиями.

После Второй мировой войны название одной из структур Организации Объединенных Наций, связанной с проблемами сельхозпроизводства, специально было дополнено термином «продовольственная» (ФАО), чтобы подчеркнуть значение и роль агропродовольственного хозяйства в борьбе с голодом и недоеданием населения многих стран мира. Отсюда широкое распространение получило словосочетание «продовольственная необеспеченность» населения.

Жители развивающихся стран, особенно в ситуации наступившего очередного цикла мирового продовольственного кризиса, подвергаются масштабным заболеваниям, связанным уже не столько с недоеданием, сколько с жесточайшим голодом. Так, по экспертным оценкам, в этих странах в условиях мирового продовольственного кризиса 70-х гг. XX столетия «около 10 млн детей менее пятилетнего возраста голодали. Около 80 млн детей этого же возраста недоедали и примерно 120 млн в меньшей мере, но страдали от недостаточного питания»¹.

За последние десять лет мир стал богаче и произвел больше продовольствия, чем когда-либо, но согласно самым последним оценкам ФАО численность голодающих в 2007 г. составила 923 млн человек, увеличившись более чем на 80 млн человек по сравнению с периодом начала 90-х гг. уже XXI века².

В конечном итоге ситуация складывается таким образом, что если одна значительная часть населения мира страдает и погибает раньше времени от необеспеченности продовольствием, скудости питания и прямого голодания, то другая, и немалая часть населения развитых стран, в связи с избыточным потреблением продуктов питания подвержена серьезным заболеваниям сердечно-сосудистой системы, диабету, гипертонии и другим, то есть, образно выражаясь, одни жители планеты Земля умирают «голодной смертью», другие – «обжираются до смерти».

Из 6 млрд жителей в мире 1 млрд приходится на развитые страны с высоким уровнем дохода на душу населения, 3 млрд человек имеют средний доход и 2 млрд – низкий, из них 1 млрд человек на протяжении последнего десятилетия недоедают³. Если за последние 40 лет численность населения в мире возросла почти на 2 млрд человек, то наряду с этим из сельскохозяйственного оборота, в основном от применяемых в аграрном производстве антропогенных технологий, за это время безвозвратно было потеряно почти 35% пахотной земли планеты⁴.

Тенденция сокращения пахотных земель в расчете на одного жителя планеты показывает, что если в 1960 г. на одного человека приходилось по 0,43 га пашни, то в 2000 г. лишь 0,25 га. Если в 1960 г. 1 га пашни обеспечивал продовольствием двух человек, в 1980 г. – трех, то в 2002 г. уже че-

тырех человек. Согласно расчетам эксперта ООН Ф. Коломбо, по его демографическому прогнозу, в 2050 г. численность населения мира составит около 9 млрд человек и 1 га пашни должен будет обеспечивать продовольствием уже 6 человек⁵. Увеличение доли потерь пахотных земель непосредственно отражается на росте стоимости продуктов питания.

За последнее десятилетие цены на продовольствие выросли почти на 40% и свели на нет достижения в борьбе с голодом. Так, мировые цены на пшеницу выросли за последние годы на 200%. По экспертным прогнозным оценкам динамики цен на пшеницу, рис и кукурузу, специалистами ООН предполагается дальнейший рост цен на них, поскольку спрос на эти продукты определяет их производство. Мировое производство зерновых в силу экстремальных погодных явлений за последние годы сократилось. При этом в 2007–2008 гг. значительно снизились объемы запасов зерновых по сравнению с прошлыми годами и были самыми низкими за последние три десятилетия.

Одной из серьезных причин роста цен на зерновые, наряду с другими, послужила переработка зерна все в больших объемах на биотопливо. Так, в 2007 г. в мире на эти цели было использовано 100 млн тонн зерновых культур⁶.

Повышение цен на кукурузу и рапс, вызванное растущим спросом на биотопливо, сорентировало значительную часть фермеров США и стран ЕС перейти с выращивания пшеницы на производство именно этих культур. В результате сократилось предложение на пшеницу и соевые бобы, что вызвало повышение цен на ряд видов пищевой продукции.

В целом растущая распространенность хронического голода и прогнозируемое увеличение числа недоедающих во всем мире людей на сотни миллионов подтверждают опасения, что высокие цены на продовольствие ведут к кризису глобальной продовольственной необеспеченности, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Как считают многие зарубежные эксперты, возможность некоторого снижения мировых цен на продовольствие в перспективе не исключена, однако восстановление его глобальных запасов будет, скорее всего, медленным, а мировой спрос на продукты питания останется значительным. Это означает, что цены на продовольствие в обозримом будущем существенно снижаться не будут⁷.

Для некоторых стран, где в силу экстремальных погодных-климатических условий объективно невозможно производить многие виды продовольствия, проблема продовольственного обеспечения населения решается посредством импорта продуктов питания за счет экспорта своего углеводородного сырья, что характерно, например, для стран Персидского залива.

Для России же этот путь тупиковый. Ее природно-климатические условия хотя и суровые, но в целом позволяют производить все основные

продукты питания. Однако за последние годы РФ все в большей степени вовлекается в так называемый неэквивалентный обмен углеводородного сырья (невозобновляемого ресурса) на продовольствие (возобновляемого ресурса). Ди-

намика импорта продовольствия и экспорта нефти характеризуется данными табл. 1⁸. Особенно этот ресурснеэквивалентный обмен усиливается в периоды значительного снижения цены на нефть на мировых рынках.

Таблица 1

Динамика импорта продовольствия и экспорта нефти в РФ

Показатель	2000	2004	2005	2006	2007
Импорт продовольствия	7,4	13,8	17,4	21,6	27,6
Экспорт нефти и нефтепродуктов	33,8	68,7	106,6	132,7	156,4

В России сосредоточено 9% мировой продуктивной пашни, 20% пресной воды, 9% производства минеральных удобрений, содержатся немалые запасы углеводородного сырья (нефти и газа), медленно, но все же восстанавливается материально-техническая база аграрного производства, имеются в наличии трудовые ресурсы. Понятно, что такой стране тотальный голод не грозит, хотя с недоеданием и некачественным питанием малообеспеченным слоям населения приходится сталкиваться регулярно.

Проблема продовольственного обеспечения населения России имеет два ярко выраженных аспекта. Первый – это наличие возможностей самообеспечения населения в регионах, которые весьма дифференцированы по многим факторам ведения аграрного хозяйства и, как следствие этого, не имеют условий для производства всех основных видов продовольствия на своей территории.

Второй аспект – это возможности обеспечения качественными продуктами питания отечественного производства всего населения РФ в соответствии с рациональными (медицинскими) нормами суточного рациона питания людей с очень различными уровнями материальных доходов.

С учетом наличия разнообразных природно-климатических, социально-экономических и иных факторов, влияющих на объемы душевого производства продуктов питания в том или ином регионе, можно с долей допустимой погрешности определить три типичные группы регионов РФ.

Первая – это группа регионов, вывозящих излишки произведенного у них широкого ассортимента продовольственной продукции в другие регионы или на экспорт в ближнее и дальнее зарубежье. К ним можно отнести часть субъектов РФ Южного, Центрально-Черноземного и Приволжского федеральных округов, Южного Урала, а также южных сельскохозяйственных зон Западной Сибири и Дальнего Востока.

Во вторую группу входят регионы, ввозящие продукты питания из других регионов РФ, а также из-за рубежа. К ним относятся городские многомиллионные конгломераты, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие, а также регионы Севера, Северо-Запада европейской части, севера Сибири и Дальнего Востока, т.е.

территорий РФ, которые по своим условиям в значительной степени непригодны для ведения аграрного хозяйства и не в состоянии удовлетворить потребности населения в продовольствии за счет собственного сельхозпроизводства.

Третью группу составляют регионы с недостаточными возможностями продовольственного самообеспечения. В них население обеспечивается отдельными продовольственными продуктами, производимыми на их территории, при этом вывозится некоторое количество продукции, например картофель, продукты животноводства, продукция пищевой промышленности. В то же время ввозится значительная доля других видов продовольствия, таких как зерновые и технические культуры, плодово-овощная продукция и т.п.

К регионам, полностью обеспечивающим себя мясом и мясопродуктами, молоком и молокопродуктами, яйцами и яйцепродуктами, относятся Краснодарский и Ставропольский края, Белгородская, Липецкая и Омская области, Республики Марий-Эл, Мордовия и Удмуртия.

Вместе с тем число субъектов Федерации с доминированием ввоза мяса и мясопродуктов, значительную часть которого составляет импорт, год от года увеличивается, что существенно снижает возможности обеспечения продовольственной безопасности населения и продовольственной независимости страны. Среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов выше среднего по РФ достигнуто в 15 субъектах, а ниже среднего характерно для 50 субъектов РФ с населением 78,2 млн человек. К регионам, полностью обеспечивающим себя картофелем и овощами, относятся 22 субъекта РФ, из них 9 – в Центральном, по 3 – в Северо-Западном и Южном, 4 – в Приволжском, 1 – в Уральском, 2 – в Дальневосточном федеральных округах. Остальные субъекты Федерации зависят от ввоза этих продуктов до 20% и более⁹.

В последние годы наблюдается тенденция некоторого увеличения уровня потребления населением основных продуктов питания. Но лишь по яйцу и маслу растительному потребление почти достигает рациональной нормы, по хлебопродуктам, сахару и картофелю превышает их, а потребление остальных продуктов составляет 65–80% нормы (табл. 2)¹⁰.

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания по РФ на душу населения в год, кг

Виды продуктов	Рекомендуемая норма питания (р.н.п.)	Потребление на душу населения РФ в 2007 г.	Потребление в % к рациональной норме питания
Хлебобродулки	107	121	113
Мясо и мясодулки	70	56	80
Молоко и молокопродукты	370	242	65
Яйцо, шт.	274	254	93
Рыба и рыбодулки	20	13,9	69,5
Масла растительные	13	12,8	99
Сахар	38	39	103
Картофель	105	132	126
Овощи и бахчевые	140	110	78,5
Фрукты и ягоды	75	54	72

В ряде регионов, где имеется социально-экономическая целесообразность расширения возможностей самообеспечения отдельными видами продуктов питания, необходимо проводить протекционистскую политику, как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Для России продовольственное обеспечение населения является одной из центральных и приоритетных задач государственной агропродовольственной политики. В проекте Доктрины продовольственной безопасности РФ отражено, что продовольственная безопасность является составной частью экономической безопасности, важнейшей системой жизнеобеспечения, необходимым условием физического выживания населения страны, сохранения ее государственности и суверенитета¹¹.

Поскольку в России импорт продовольственных товаров превышает пороговую величину продовольственной безопасности на 10–15%, а крупные мегаполисы и промышленные центры на 50–70% зависят от импортных поставок продовольствия, первоочередной стратегической задачей является создание условий для самообеспечения продуктами питания за счет наращивания отечественного агропродовольственного производства. Необходимо кардинально решать проблему продовольственной независимости страны.

Наряду с этим необходимо обеспечивать экономическую и физическую доступность потребления продовольствия, особенно для малоимущих слоев населения РФ, экономическими и законодательными мерами регулировать розничные цены на продукты питания, обеспечивать безопасность и качество пищевых продуктов в целях защиты здоровья граждан России.

Проблеме продовольственной безопасности посвящено немало публикаций, проводились разного рода тематические конференции. Это многоаспектное направление хозяйственной деятельности охватывает по сути три важнейшие функции исполнительной и законодательной

власти, бизнеса и общества, а именно: *первая* – обеспечение продовольственной безопасности населения страны, т.е. создание условий для производства отечественного продовольствия в достаточных объемах, контроль качества пищи, обеспечение физической и экономической доступности продуктов питания; *вторая* – обеспечение продовольственной независимости национально-хозяйства и государства в целом, т.е. использование механизмов критериального регулирования объемов импорта–экспорта продовольствия, формирования государственных страховых продовольственных ресурсов на федеральном и региональном уровнях, построение системной инфраструктуры продовольственных рынков; *третья* – создание институциональной среды, обеспечивающей качество жизни и здоровье населения на основе науки о здоровом питании, т.е. внедрение в практику знаний об оптимальном питании и здоровом образе жизни.

Один авторов концепции оптимального питания, директор НИИ питания Российской академии медицинских наук, академик РАМН В. Тутельян подчеркивает, что питание есть одна из наиболее консервативных, трудноизменяемых привычек. Эти привычки, так называемое «пищевое поведение», начинают формироваться чуть ли не в утробе матери. А потом они закрепляются и очень часто идут вразрез с физиологическими потребностями организма. Во имя сохранения здоровья нередко надо переломить то, что было традиционным, но не оптимальным питанием.

В некоторых субъектах РФ, а именно в Москве, Республике Башкортостан, Ставропольском и Приморском краях, Костромской, Рязанской и Ульяновской областях приняты законы о продовольственной безопасности¹².

Вероятно, наряду с обсуждением доктрины, уже давно назрела необходимость принятия закона о продовольственной безопасности страны. В США, кстати, такой закон был принят еще в 1985 году.

Принимая участие в работе Всемирного саммита по продовольственной безопасности в Риме (ноябрь 2009 г.), министр сельского хозяйства РФ отметила, что очень важно сохранить стремление международного сообщества к 2015 г. сократить число голодающих в мире в два раза. По последним данным Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО), голодают или хронически недоедают свыше 1 млрд жителей планеты. В 2009 г. каждую секунду от болезней, связанных с голодом, умирают шестеро детей и общее число жертв голода больше, чем смертей от СПИДа, туберкулеза и малярии вместе взятых.

Сегодня 31 страна мира остро нуждается в чрезвычайной продовольственной помощи: 20 – в Африке, 9 – в Азии и на Ближнем Востоке и 2 – на Латиноамериканском континенте. Даже в «благополучных» с точки зрения продовольственной безопасности развитых странах насчитываются сотни тысяч жителей, особенно социально незащищенных слоев населения, хронически недоедающих или не получающих полноценного питания.

Являясь крупнейшим покупателем мяса в мире, при явных возможностях его производства в полном объеме в отечественном агропроизводстве, Россия в определенной мере усугубляет проблему нехватки продовольствия на планете.

Основной и важнейшей причиной современного мирового кризиса является многодесятилетнее недофинансирование развития аграрного хозяйства, в первую очередь в развивающихся странах.

Стратегической целью усилий стран по борьбе с голодом, по оценке ФАО, должно стать удвоение мирового производства продовольствия к 2050 г., когда население Земли может достичь 9 млрд человек.

Примечания

- 1 Шаркань П. Мировая продовольственная проблема. М., 1982. С. 14.
- 2 См.: Состояние продовольственной неопределенности в мире: Пятый доклад ФАО о результатах борьбы с голодом во всем мире. М., 2008. С. 4.
- 3 См.: Устиан И. Мировой продовольственный кризис: серьезный вызов начала XX века // Экономист. 2008. № 10. С. 67.
- 4 Там же. С. 66.
- 5 См.: Коломбо Ф. Проблемы продовольственной безопасности населения мира в 2050 г. Париж, 2005. С. 29.
- 6 См.: Устиан И. Указ. соч. С. 65.
- 7 См.: Архипов В. К вопросу о мировом продовольственном кризисе // Экономист. 2009. № 3. С. 56.
- 8 См.: Российский статистический ежегодник. М., 2007. С. 757, 760; М., 2008. С. 769, 775.
- 9 См.: Горбунов Г. Продовольственная безопасность: национальный и международный аспекты // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 1. С. 28–29.
- 10 См.: Российский статистический ежегодник. М., 2008. С. 797.
- 11 См.: Доктрина продовольственной безопасности РФ (проект). М., 2008. С. 1.
- 12 См.: Горбунов Г. Указ. соч. С. 27.

УДК 316.485.6

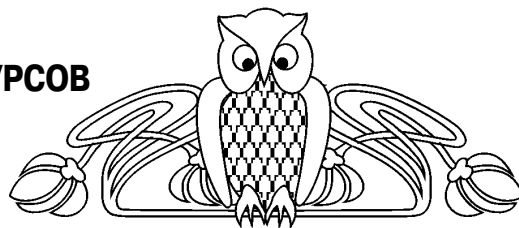
МЕЖГРУППОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Е.В. Донцова

Саратовский государственный университет
E-mail: agafonovadont@mail.ru

В статье исследуются особенности межгрупповых конфликтов в органах государственной власти Российской Федерации на примере Федерального агентства водных ресурсов. Анализируется широкий круг факторов, приводящих к возникновению конфликтов, показывается влияние социально-экономических, политических и правовых условий на зарождение и развитие конфликтов. В анализе используются авторская типология конфликтов и авторская модель исследования их динамики. Дается прогноз развития конфликтов в современных российских условиях.

Ключевые слова: межгрупповой конфликт, социально-экономический конфликт, федеральные органы власти, динамика конфликта, типология конфликтов.

Inter-Group Conflicts at the Russian State Authorities: the Case of the Federal Water Resources Agency

E.V. Dontsova

In this article the features of inter-group conflicts in the Russian state authorities are analyzed by the example of the Federal Water Resources Agency. An extensive sweep of conflict provoking factors is examined. The impact of legal, political, and socio-economic environment on conflict initiation and evolution is shown. The author's original typology of conflicts and the model of conflict dynamics are used in the analysis. The outlook of conflicts resolution is given in the context of modern Russian development.

Принимая участие в работе Всемирного саммита по продовольственной безопасности в Риме (ноябрь 2009 г.), министр сельского хозяйства РФ отметила, что очень важно сохранить стремление международного сообщества к 2015 г. сократить число голодающих в мире в два раза. По последним данным Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО), голодают или хронически недоедают свыше 1 млрд жителей планеты. В 2009 г. каждую секунду от болезней, связанных с голодом, умирают шестеро детей и общее число жертв голода больше, чем смертей от СПИДа, туберкулеза и малярии вместе взятых.

Сегодня 31 страна мира остро нуждается в чрезвычайной продовольственной помощи: 20 – в Африке, 9 – в Азии и на Ближнем Востоке и 2 – на Латиноамериканском континенте. Даже в «благополучных» с точки зрения продовольственной безопасности развитых странах насчитываются сотни тысяч жителей, особенно социально незащищенных слоев населения, хронически недоедающих или не получающих полноценного питания.

Являясь крупнейшим покупателем мяса в мире, при явных возможностях его производства в полном объеме в отечественном агропроизводстве, Россия в определенной мере усугубляет проблему нехватки продовольствия на планете.

Основной и важнейшей причиной современного мирового кризиса является многодесятилетнее недофинансирование развития аграрного хозяйства, в первую очередь в развивающихся странах.

Стратегической целью усилий стран по борьбе с голодом, по оценке ФАО, должно стать удвоение мирового производства продовольствия к 2050 г., когда население Земли может достичь 9 млрд человек.

Примечания

- 1 Шаркань П. Мировая продовольственная проблема. М., 1982. С. 14.
- 2 См.: Состояние продовольственной неопределенности в мире: Пятый доклад ФАО о результатах борьбы с голодом во всем мире. М., 2008. С. 4.
- 3 См.: Устиан И. Мировой продовольственный кризис: серьезный вызов начала XX века // Экономист. 2008. № 10. С. 67.
- 4 Там же. С. 66.
- 5 См.: Коломбо Ф. Проблемы продовольственной безопасности населения мира в 2050 г. Париж, 2005. С. 29.
- 6 См.: Устиан И. Указ. соч. С. 65.
- 7 См.: Архипов В. К вопросу о мировом продовольственном кризисе // Экономист. 2009. № 3. С. 56.
- 8 См.: Российский статистический ежегодник. М., 2007. С. 757, 760; М., 2008. С. 769, 775.
- 9 См.: Горбунов Г. Продовольственная безопасность: национальный и международный аспекты // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 1. С. 28–29.
- 10 См.: Российский статистический ежегодник. М., 2008. С. 797.
- 11 См.: Доктрина продовольственной безопасности РФ (проект). М., 2008. С. 1.
- 12 См.: Горбунов Г. Указ. соч. С. 27.

УДК 316.485.6

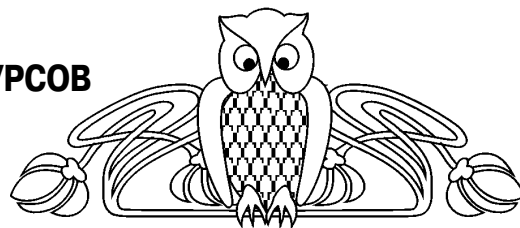
МЕЖГРУППОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Е.В. Донцова

Саратовский государственный университет
E-mail: agafonovadont@mail.ru

В статье исследуются особенности межгрупповых конфликтов в органах государственной власти Российской Федерации на примере Федерального агентства водных ресурсов. Анализируется широкий круг факторов, приводящих к возникновению конфликтов, показывается влияние социально-экономических, политических и правовых условий на зарождение и развитие конфликтов. В анализе используются авторская типология конфликтов и авторская модель исследования их динамики. Дается прогноз развития конфликтов в современных российских условиях.

Ключевые слова: межгрупповой конфликт, социально-экономический конфликт, федеральные органы власти, динамика конфликта, типология конфликтов.

Inter-Group Conflicts at the Russian State Authorities: the Case of the Federal Water Resources Agency

E.V. Dontsova

In this article the features of inter-group conflicts in the Russian state authorities are analyzed by the example of the Federal Water Resources Agency. An extensive sweep of conflict provoking factors is examined. The impact of legal, political, and socio-economic environment on conflict initiation and evolution is shown. The author's original typology of conflicts and the model of conflict dynamics are used in the analysis. The outlook of conflicts resolution is given in the context of modern Russian development.

Key words: inter-group conflict, socio-economic conflict, state authorities, conflict's dynamics, conflict's typology.

Межгрупповые конфликты в трудовых коллективах (социально-экономические конфликты) возникают не только в периоды трансформации экономики государств, в периоды промышленных и экономических кризисов, но и в относительно стабильное время. Социально-экономическая среда динамична по своей природе и содержит в себе множество противоречий, порождающих конфликтные ситуации на макро- и микроуровнях. Инновации в законодательстве, касающиеся экономической сферы, могут спровоцировать межгрупповые конфликты как между субъектами экономики, так и внутри них, кроме того, организационно-трудовые и субъективно-личностные противоречия всегда присутствуют в организациях.

Современный менеджмент признаёт, что в организациях с эффективным управлением некоторые конфликты не только возможны, но и желательны. Считается, что во многих ситуациях конфликт помогает увидеть разнообразие точек зрения, большее число проблем, альтернатив их решения и т.д. Отсутствие программ по управлению конфликтами, по профилактике и устранению конфликтов, как показывает практика, может привести не только к снижению производительности труда, но и к гибели организации.

Исследование межгрупповых конфликтов в государственном ведомстве федерального значения проводилось методом экспертных интервью с 1 августа 2007 г. по 1 февраля 2008 г. на базе Федерального агентства водных ресурсов (ФАВР). В Москве было собрано 22 экспертных интервью, в регионах – 23 экспертных интервью (Екатеринбург, Краснодар, Пермь, Ростов-на-Дону, Саратов). В состав экспертов входили: представители ФАВР, министерства природных ресурсов (МПР), Росприроднадзора, представители политических партий (Единая Россия, КПРФ), отраслей-водопользователей (ЖКХ, энергетика, речной транспорт), отраслевых академических учреждений и вузов, редакции отраслевых изданий (журнал «Водное хозяйство России», журнал «Речной транспорт 21 век») и СМИ (газета «КоммерсантЪ», газета «Ведомости»). Гайд экспертных интервью не содержал прямых вопросов, связанных с социально-экономическими конфликтами. Эксперты указывали на наличие конфликтных ситуаций непосредственно, без соответствующих вопросов интервьюеров.

В процессе исследования функционирования Федерального агентства водных ресурсов и взаимодействующих с ним ведомств и организаций были рассмотрены не только уже сформировавшиеся межгрупповые конфликты (как внутриорганизационные, так и межорганизационные), но и конфликты на начальных стадиях развития. Федеральное агентство водных ресурсов яв-

ляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению федеральным имуществом в сфере водных ресурсов, так же известное как Росводресурсы. Федеральное агентство водных ресурсов находится в ведении Министерства природных ресурсов Российской Федерации. Имея сложную внутреннюю социальную структуру, ФАВР является частью ещё более сложной структуры. При этом характер деятельности обязывает тесно взаимодействовать с другими организациями, органами исполнительной власти и местного самоуправления.

Федеральное агентство водных ресурсов руководствуется в своей деятельности Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, актами Президента Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, актами Министерства природных ресурсов Российской Федерации и Положением о ФАВР¹. Неоднозначная трактовка всех вышеперечисленных документов и противоречия, кроющиеся в них изначально, стали благоприятной почвой для внутриорганизационных и межорганизационных конфликтов. Более того, меняющаяся внешняя социально-экономическая среда спровоцировала обострение конфликтов.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в водном хозяйстве начинается с того, что в государственном отраслевом реестре нет отрасли водного хозяйства, а значит, нет к нему должного внимания со стороны правительства, не ведётся аналитика, соответствующая статусу отрасли, что создаёт зону социального дискомфорта между работниками водного хозяйства, водопользователями и другими государственными ведомствами и институтами. Межгрупповой конфликт, предмет которого – статус водного хозяйства в государственной отраслевой структуре, только зарождается, находится на стадии поляризации мнений, накапливая недовольство по поводу правовых противоречий, но уже усложняет управление водным хозяйством на всех уровнях.

На сегодняшний день водным хозяйством занимаются несколько организаций, и, по мнению экспертов, действия этих организаций не всегда согласованы между собой, более того, они делают водное хозяйствование инертным, а конфликтные ситуации развиваются вплоть до эскалации. Недовольство ведомств друг другом часто вызвано медлительностью и бюрократизмом. Пока ФАВР оформляет акты о нарушении водопользования, пока эти акты рассматриваются в Росприроднадзоре и других организациях – время уходит, нарушители используют его в своих интересах, и к моменту визита Росприроднадзора и МВД все показатели приводятся в норму. Проблема заключается ещё в том, что у всех организаций, так или иначе связанных с водным хозяйством, есть свои внутриведомственные документы относительно водных ресурсов и водопользования,

которые не всегда согласованы друг с другом. Сотрудникам ФАВР для управления водным хозяйством не хватает полномочий, но со стороны взаимодействующих с ФАВР ведомств существует альтернативное мнение, утверждающее обратное. На базе расхождения позиций по указанному поводу существует межгрупповой конфликт, который можно классифицировать как ролевой.

К организационно-управленческим проблемам относится кадровый голод, который испытывает ФАВР. Интересно, что эту проблему отмечали не только работники ФАВР, но и представители водопользователей, администраций и вузов. Высокая текучесть кадров негативно сказывается на качестве работы ведомства. Наблюдается острый дефицит профильных специалистов, которых с каждым годом становится меньше. На смену им приходят люди, не имеющие должного образования в сфере водопользования. Часто меняющиеся руководители столь же часто меняют кадровый состав «под себя», что провоцирует межгрупповые конфликты между «старыми» и «новыми» сотрудниками. Ситуацию усугубляет низкая оплата труда.

Ресурсные конфликты, возникающие в ФАВР, можно разделить на межорганизационные, связанные с делегированием материальной ответственности, и внутриорганизационные, связанные с распределением средств между БУ (бассейноводными управлениями). Большинство экспертов, указывая на экономические проблемы, в первую очередь связывали их с недофинансированием содержания гидротехнических сооружений и с изношенностью очистительных сооружений, невозможностью заменить их новым оборудованием. Недостаток средств частично компенсируется поиском ответственных за объекты организаций. Естественной реакцией предприятий и муниципалитетов на предложение взять на баланс то или иное гидротехническое сооружение является протест, отказ. Вложение денег в бесприбыльное дело не вызывает интереса.

Некоторые организации (например Саратовская ГЭС) проявляют инициативу по уходу за водоёмом, в то время как им приходится платить по несколько миллионов рублей каждый месяц за водопользование. Справедливое недовольство выражается вопросом: «Куда идут средства, получаемые ФАВР от предприятий-водопользователей, и почему не ведутся работы по уходу за водоёмами со стороны ФАВР?».

Одной из наиболее острых проблем, породивших множество конфликтных ситуаций, является частная собственность на водоёмы и водоохраные зоны, которую допускает новый Водный кодекс. Введение нового Водного кодекса в 2007 г. породило ряд конфликтов, разделивших коллективы ФАВР, МПР, представителей законодательной власти и водопользователей на одобряющих и осуждающих инновации. Эксперты отмечали острую нехватку нормативных актов, без которых

практическое применение Водного кодекса невозможно. Отсутствие этих нормативных актов ведёт к вольной трактовке основных законодательных документов и порождает информационные (гиподирективные) конфликты, которые нередко трансформируются в мотивационные.

Одним из основных отличий нового Водного кодекса от старого является введение договорных отношений с водопользователями, в то время как старый Водный кодекс предусматривал лицензирование. Мнение экспертов по поводу того, лучше новый Водный кодекс, чем старый, или хуже, разделились. Но причиной большинства конфликтов являются не изменения в Водном кодексе как таковые, а ущемление интересов группы чиновников, спекулирующих на старом Водном кодексе, с одной стороны, и возникновение новой группы чиновников, спекулирующих на новом Водном кодексе, – с другой. Таким образом, возникший конфликт можно охарактеризовать как инновационно-мотивационный.

Открытые, публичные заявления представителей власти относительно развития водного хозяйства противоречат реальным действиям и выпускаемым законодательным документам. Часть работников МПР и ФАВР поддерживают позицию законодательной и исполнительной власти, а часть воспринимают действия власти либо как халатность и попустительство, либо как намеренные действия по дисфункции водного хозяйства с целью его дальнейшего разграбления.

Специфика межгрупповых конфликтов между сторонниками официальной позиции, принятой законодательной властью РФ, и их оппонентами в том, что последние обречены на провал и ведут борьбу с полным пониманием этого. Эскалация конфликта в данном случае носит ритуальный характер, нежели функциональный.

С августа 2007 г. руководство ФАВР приступило к разработке проекта по реформированию ФАВР в РАО «Вода» (разработка реформ должна завершиться к 2011 г.), что вызвало резонанс внутри ФАВР, в экспертном сообществе и среди водопользователей.

По отношению к рыночному реформированию отрасли водного хозяйства эксперты разделились на четыре группы: противники реформ, сторонники рыночного реформирования ФАВР в РАО «Вода», сторонники рыночного реформирования водного хозяйства, но без перехода ФАВР в РАО, группа придерживающихся нейтралитета (рис. 1).

Из 45 опрошенных экспертов 47% являются противниками рыночного реформирования водного хозяйства в принципе. Если говорить об отношении к реформированию ФАВР в РАО, то к 47% следует добавить ещё 6% неодобряющих такую трансформацию. Итого 53% экспертов выступают против реформирования ФАВР в РАО. Сторонниками реформирования ФАВР в РАО являются 29% экспертов и 18% занимают

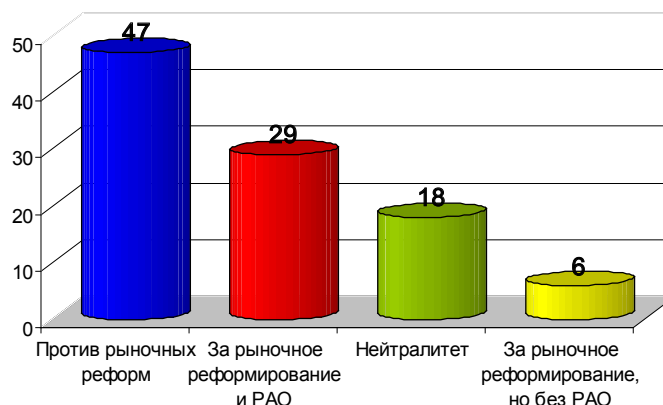

Рис. 1. Отношение экспертов к рыночному реформированию водного хозяйства, гражданская позиция, %

нейтральную позицию, указывая, что в подобной реорганизации есть как плюсы, так и минусы, в связи с чем трудно однозначно утверждать о её вреде или пользе для водного хозяйства и государства. Интересным является то, что нельзя разбить противников и сторонников реформирования на группы по принадлежности к каким-либо партиям, организациям или течениям. Исключение только одно – партия КПРФ, все члены которой против реформирования. Даже внутри ФАВР есть

представители как сторонников реорганизации, так и противников.

Изложенная выше позиция является гражданской, то есть это позиция экспертов в рамках их личных убеждений. Но не все из противников реформирования готовы отстаивать свою точку зрения публично. Если принять во внимание намерения протестовать против рыночного реформирования, вступить в открытый конфликт, то получается совсем другая картина (рис. 2).

Рис. 2. Активная позиция «за» или «против» рыночного реформирования водного хозяйства и реформирования ФАВР в РАО, %

По сравнению с данными рис. 1 получается, что активно протестовать против рыночного реформирования и перехода ФАВР в РАО будут 36%, что на 11% меньше показателя гражданской позиции противников реформирования. В частности, при опросе экспертов Института законодательства при Правительстве РФ прозвучало:

...вы только не пишете, что я против реформирования Росводресурсов (ФАВР) в РАО. Мы всё-таки государственный институт и потерять работу совсем не хочется. Мы не можем высказываться против принятых государствен-

ными структурами решений. Мы будем молчать. Это наша официальная позиция, пойти против которой – значит остаться без работы.

Примерно такую же позицию займут многие работники ФАВР, которые выразили отрицательное отношение к рыночному реформированию.

...ну, если руководство примет решение реформироваться, разве мы сможем выступить сами против себя?

Исходя из всего вышесказанного относительно ситуации в водном хозяйстве и в Федеральном агентстве водных ресурсов следует, что на фоне

правовых противоречий и бюрократической системы возникло несколько социальных конфликтов. Внутриорганизационные межгрупповые конфликты за пределы ФАВР не выходят. Более серьезные последствия можно ожидать от внешних конфликтов, где субъектами выступают ФАВР, МПР, МЧС, МВД, Государственная Дума. Несогласованность действий не только приводит к негативным последствиям во взаимоотношениях вышеперечисленных ведомств, но и отражается на состоянии водных ресурсов Российской Федерации.

Особую роль следует отвести назревающему конфликту, связанному с перспективой реформирования ФАВР в РАО «Вода». Данное реформиро-

вание не только вызовет внутриорганизационный межгрупповой конфликт в ФАВР, межорганизационный конфликт между ведомствами, министерствами и организациями водопользователей, но и приведет к общественному резонансу, так как инновации подобного рода могут расцениваться значительной частью общества как угроза обеспечению первичных потребностей, как ущемление материальных интересов.

Примечания

- ¹ Положение о Федеральном агентстве водных ресурсов. В ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2004 № 401, от 06.06.2006 № 354.

УДК 316.752

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

С.Ш. Жемчураева

Саратовский государственный университет
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье предпринимается попытка исторического анализа основных факторов, способствовавших формированию этнической идентичности чеченцев.

Ключевые слова: этническая идентичность, кавказская идентичность, чеченцы, история.

Historical Features of Formation Social and Cultural Identity of the Chechens

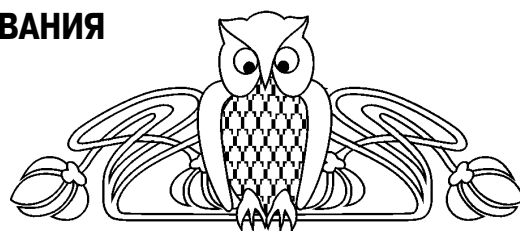
S.H. Zhemchuraeva

In this clause attempt of the historical analysis of the major factors promoting formation ethnic identity of the chechen ethnos is carried out.

Key words: ethnic identity, the Caucasian identity, chechens, history.

Чеченская культура формировалась как часть кавказской культуры. В этой связи возможно рассмотрение феномена так называемой «кавказской идентичности». Особенно актуальным ее изучение становится в набирающем силу процессе глобализации.

В кавказской культуре человек самореализуется через этничность (в отличие от человека в европейско-американской культуре). Его сознание направлено на принципы, идеалы и нормы, обозначаемые этничностью, обеспечивающей человеку идеальное совершенство. Духовное (душевное) состояние «кавказец» коррелируется с этнической идентичностью. Ценностно-ориентированное поведение, определяемое принадлежностью к этнической общности, является специфическим признаком человека в данном культурном феномене¹.

Народы Кавказа привыкли жить в условиях религиозной терпимости, поскольку здесь представлены все важнейшие конфессии мира: христианство и ислам, иудаизм и буддизм. Кавказская культура полиэтнична. Полиэтничность обуславливает ее внутреннюю целостность². Описывая особенности полиэтничности в регионе, Ю.А. Жданов пишет: «Кавказ хранит в себе мощные исторические традиции. На планете не существует другого такого региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов»³.

Кавказ, и Северо-Кавказский регион в особенности, отличаются от внешнего мира высокой степенью концентрации как природного, так и социокультурного разнообразия. «Здесь на единицу расстояния и площади приходится куда больше биоразнообразия и эволюционных перепадов, чем на равнине»⁴. Такое природное разнообразие существенным образом влияло на формирование структурной организации социальной системы региона.

Кавказская идентичность представляет собой духовную форму бытия народов кавказского сообщества. Ее надо понимать как способность народов кавказского сообщества осознавать свое социокультурное единство, свою принадлежность к общему и целому кавказскому миру⁵.

Чеченская идентичность, являясь частью кавказской идентичности, имеет свои особенности, которые формировались столетиями.

правовых противоречий и бюрократической системы возникло несколько социальных конфликтов. Внутриорганизационные межгрупповые конфликты за пределы ФАВР не выходят. Более серьезные последствия можно ожидать от внешних конфликтов, где субъектами выступают ФАВР, МПР, МЧС, МВД, Государственная Дума. Несогласованность действий не только приводит к негативным последствиям во взаимоотношениях вышеперечисленных ведомств, но и отражается на состоянии водных ресурсов Российской Федерации.

Особую роль следует отвести назревающему конфликту, связанному с перспективой реформирования ФАВР в РАО «Вода». Данное реформиро-

вание не только вызовет внутриорганизационный межгрупповой конфликт в ФАВР, межорганизационный конфликт между ведомствами, министерствами и организациями водопользователей, но и приведет к общественному резонансу, так как инновации подобного рода могут расцениваться значительной частью общества как угроза обеспечению первичных потребностей, как ущемление материальных интересов.

Примечания

- ¹ Положение о Федеральном агентстве водных ресурсов. В ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2004 № 401, от 06.06.2006 № 354.

УДК 316.752

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

С.Ш. Жемчураева

Саратовский государственный университет
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье предпринимается попытка исторического анализа основных факторов, способствовавших формированию этнической идентичности чеченцев.

Ключевые слова: этническая идентичность, кавказская идентичность, чеченцы, история.

Historical Features of Formation Social and Cultural Identity of the Chechens

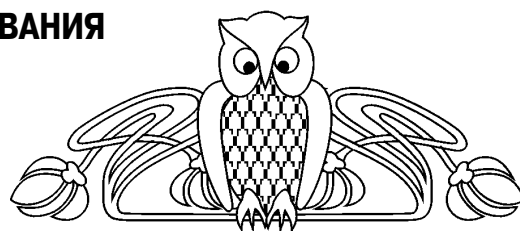
S.H. Zhemchuraeva

In this clause attempt of the historical analysis of the major factors promoting formation ethnic identity of the chechen ethnos is carried out.

Key words: ethnic identity, the Caucasian identity, chechens, history.

Чеченская культура формировалась как часть кавказской культуры. В этой связи возможно рассмотрение феномена так называемой «кавказской идентичности». Особенно актуальным ее изучение становится в набирающем силу процессе глобализации.

В кавказской культуре человек самореализуется через этничность (в отличие от человека в европейско-американской культуре). Его сознание направлено на принципы, идеалы и нормы, обозначаемые этничностью, обеспечивающей человеку идеальное совершенство. Духовное (душевное) состояние «кавказец» коррелируется с этнической идентичностью. Ценностно-ориентированное поведение, определяемое принадлежностью к этнической общности, является специфическим признаком человека в данном культурном феномене¹.

Народы Кавказа привыкли жить в условиях религиозной терпимости, поскольку здесь представлены все важнейшие конфессии мира: христианство и ислам, иудаизм и буддизм. Кавказская культура полиэтнична. Полиэтничность обуславливает ее внутреннюю целостность². Описывая особенности полиэтничности в регионе, Ю.А. Жданов пишет: «Кавказ хранит в себе мощные исторические традиции. На планете не существует другого такого региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов»³.

Кавказ, и Северо-Кавказский регион в особенности, отличаются от внешнего мира высокой степенью концентрации как природного, так и социокультурного разнообразия. «Здесь на единицу расстояния и площади приходится куда больше биоразнообразия и эволюционных перепадов, чем на равнине»⁴. Такое природное разнообразие существенным образом влияло на формирование структурной организации социальной системы региона.

Кавказская идентичность представляет собой духовную форму бытия народов кавказского сообщества. Ее надо понимать как способность народов кавказского сообщества осознавать свое социокультурное единство, свою принадлежность к общему и целому кавказскому миру⁵.

Чеченская идентичность, являясь частью кавказской идентичности, имеет свои особенности, которые формировались столетиями.

Обращаясь к историко-культурным, социально-психологическим особенностям чеченского этноса, важно отметить, что они сложились в ходе его экономических, политических, культурных и межнациональных контактов, как с кавказскими народами, так и с русским народом. Чеченский народ имеет сложную многовековую историю, соответствующую территории расселения, язык, самобытную древнюю культуру, этнопсихологические особенности, без учета которых не представляется возможным понимание его судьбы и предназначения⁶.

Чеченцы представляют собой один из древнейших народов мира с характерным этническим лицом, с самобытной культурой, уникальным антропологическим типом. На сегодняшний день это самый крупный этнос Северного Кавказа, насчитывающий более миллиона человек⁷.

Древние чеченцы⁸, освоившие северные склоны Кавказского хребта и степи Предкавказья, рано вошли в контакт со скифами, а в последующем с сарматским и аланским кочевым миром. Крепкие связи с древнегрузинскими царствами и античным миром. Грузинские летописи отмечают этнические объединения нахов, т.е. предков чеченцев, в контексте событий IV–III вв. до н.э., а римские авторы Плиний и Страбон называют отдельные нахские племена в своих трудах, относящихся к I в. н.э. Первое тысячелетие в истории Кавказа отмечено борьбой нахов за контроль над горными проходами с римскими легионами, с Сасанидским Ираном.

В VII–IX вв. совместно с народами Грузии и Дагестана ими были отбиты несколько походов полководцев Арабского халифата. В IX–XII вв. в равнинной зоне Чечни и близлежащих областей складывается полиэтничное Аланское царство; здесь растут города, расцветает международная торговля. В горных зонах Чечни и соседнего Дагестана образуется царство Серир, государство раннеклассового типа.

Своеобразный аланско-горский симбиоз, достигнутый к XII–XIII вв. на территории Чечни, был разрушен татаро-монгольским нашествием. Главный удар по Чечне, как и по всему Северному Кавказу, был нанесен полчищами Батые в 1238–1240 гг., тогда же, когда монголы разгромили страны Восточной Европы. Экономическое и политическое развитие Чечни было отброшено на века.

В конце XIV в. – период нашествия хромого Тамерлана на Северный Кавказ – чеченцы выступили как монолитный народ, осознающий свою судьбу, отстаивающий независимость и самобытность от посягательств общего врага. Жестокое сопротивление азиатскому завоевателю привело к гибели почти всего дееспособного мужского населения. Народ сражался с врагом, осознавая необходимость защиты своего отечества и этнокультурной самобытности⁹.

В XVI–XVII вв. в Чечне растет ремесленное производство, идет распашка плодородных

земель, закладываются новые аулы. Уровень социально-экономического и культурного развития общества обусловил утверждение в Чечне монотеистической религии. Здесь доминирует ислам суннитского толка¹⁰.

В XVIII в., начиная с Петра I, Россия проводит ярко выраженную колониальную политику в отношении Чечни. Горцы Чечни искренне желали установления с Россией взаимовыгодных торговых отношений. Ради сохранения мира они шли на ряд уступок, но при этом резко протестовали против вмешательства в их внутренние дела, оказывали сопротивление ограничить их суверенитет. Подобное же сопротивление оказывалось Турции и Ирану.

В XIX в. чеченцы вступили, говоря словами документов, «сильнейшим» народом Кавказа, насчитывающим, по самым заниженным оценкам специалистов, не менее 1 миллиона человек, гордым своим прошлым, претендующим на роль предводителя всех горских народов.

История чеченского народа сопряжена с многовековой борьбой за экономическое, политическое, культурное и национальное выживание. В ходе борьбы с завоевателями чеченцы оказывались на грани физического исчезновения. Но, защищаясь от внешней агрессии, они никогда не притязали на территории и ресурсы других народов¹¹.

Эволюция социокультурных и конфессиональных особенностей чеченцев происходила неравномерно, волнообразно и противоречиво, в результате чего сформировались основные характеристики, маркирующие их этническую идентичность: солидарность, сплоченность; достоинство человека, свобода личности; преемственность и традиционность; особая роль религии, неотделимая от этнической принадлежности; сакральное отношение к родине, земле предков; тейповая структура социальной организации, фамилно-патрономическая солидарность; индивидуальная и коллективная ответственность, институт кровной мести.

Примечания

- 1 См.: Шадже А.Ю. Феномен этничности в кавказской культуре (к постановке проблемы) // Изв. вузов. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. 2000. № 2. С. 49.
- 2 Там же. С. 49–50.
- 3 Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии // Изв. вузов. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. 1998. № 2. С. 29.
- 4 Темботов А.К. Как сохранить биоразнообразие горного Кавказа // Вестн. РАН. 1998. Т. 68, № 8. С. 741–745.
- 5 См.: Шадже А.Ю., Дамениа О.Н. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 4. С. 71–72.
- 6 См.: Акаев В.Х. Национальная идея чеченцев (от постановки до разработки) // Независимый институт

гуманитарных исследований Чеченской Республики и Чеченское отделение Философского общества России. Грозный, 2005. С. 25.

⁷ См.: *Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур*. Чечня: через круги ада. (Переселения и депортации чеченского народа). М.; Саратов, 2003. С. 5.

⁸ См.: Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 139–144.

⁹ См.: *Акаев В.Х.* Указ. соч. С. 51.

¹⁰ См.: Чеченцы: история и современность. С. 139–144.

¹¹ См.: *Акаев В.Х.* Указ. соч. С. 27.

УДК 37.05.3

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА

Н.Г. Коновалова

Саратовский государственный университет
E-mail: Konovalovat1@rambler.ru

В статье анализируются основные эвристические признаки и предлагается авторское определение креативности, определяется ее место в формировании личности учащегося как в процессе обучения, так и во внеклассных формах работы в современной российской школе.

Ключевые слова: эвристичность, креативность, традиционные и нетрадиционные методы развития учащихся.

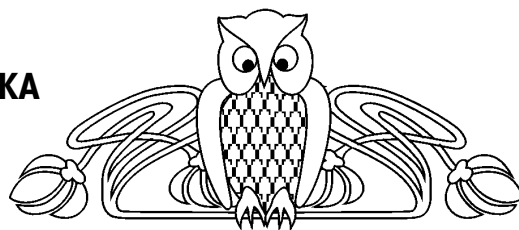
The Process of Forming the Creative Personality of the Modern Russian Pupils

N.G. Konovalova

In the article the main heuristic indications are analysed. The author gives her definition of creativity and shows its place in the process of the pupils' personality forming during class and in out-of-school hours.

Key words: heuristic, creativity, tradition and not traditional methods pupils' development.

Воспитание подрастающего поколения составляет важную задачу любой социальной системы. В развитом обществе формирование нового человека как личности, обладающей высокими нравственными качествами, творческим отношением к действительности, общественной активностью, превращается в главную задачу, являясь необходимым условием его построения. Современное общество испытывает потребность в эвристичных личностях, так как они обладают более высоким уровнем адаптации и социализации, в большей мере соответствуют постоянно изменяющемуся и обновляющемуся миру. Складывается социальный заказ на креативную личность, которая ориентирована на творческий подход к любому выполняемому делу. Уверенный стиль поведения с опорой на себя, самодостаточное поведение, умение принимать адекватные решения вопреки возникающим трудностям, брать на себя ответственность за нестандартную позицию, мнения, содействующие решению проблемы, – необходимые качества, которыми должен обладать будущий специалист, конкурентоспособный в современном быстромеменяющемся мире. Уникаль-

ность каждого человека не вызывает сомнений, однако умение проявить себя, выразить свою уникальность является проблемой для большинства людей. Эвристическая креативность личности позволяет не только эффективно реализовать жизненный потенциал человека, но и найти свое место в жизни.

Мы определяем понятие креативности школьников как интегральное свойство личности, отражающее возможности социального взаимодействия между людьми, при котором специфическим свойством личности является оригинальность мышления. Одновременно это и способность создавать оригинальные ценности, принимать нестандартные решения, выходить за пределы известного. Интегральное свойство личности воплощает ее творческие возможности. К числу ключевых характеристик креативности относят интуицию, фантазию, выдумку, дар предвидения, оригинальность, инициативность, упорство, высокую самоорганизацию и работоспособность. Личность, обладающая этими качествами, находит удовлетворение не столько в достижении цели, сколько в самом процессе творчества. Креативность допускает варьирование путей решения жизненных проблем, проявляющееся в индивидуальных особенностях учеников.

Креативность личности школьника формируется в результате деятельности в социальном контексте. Включаясь в креативный процесс, человек активизируется в креативной среде, приобретая черты креативной личности и затем актуализируясь в креативном продукте. Подростковый возраст является сенситивным периодом развития креативности, оказывающим влияние на становление личности в целом. Подростки стремятся к самосовершенствованию, независимости, отказу от стереотипов, однако недостаточно адекватные суждения о происходящем заставляют подростка подвергаться случайным влияниям. Поэтому необходимо целенаправленное формирование креативности в подростковом возрасте, создание условий для ее развития. С нашей точки зрения

гуманитарных исследований Чеченской Республики и Чеченское отделение Философского общества России. Грозный, 2005. С. 25.

⁷ См.: *Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур*. Чечня: через круги ада. (Переселения и депортации чеченского народа). М.; Саратов, 2003. С. 5.

⁸ См.: Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 139–144.

⁹ См.: *Акаев В.Х.* Указ. соч. С. 51.

¹⁰ См.: Чеченцы: история и современность. С. 139–144.

¹¹ См.: *Акаев В.Х.* Указ. соч. С. 27.

УДК 37.05.3

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА

Н.Г. Коновалова

Саратовский государственный университет
E-mail: Konovalovat1@rambler.ru

В статье анализируются основные эвристические признаки и предлагается авторское определение креативности, определяется ее место в формировании личности учащегося как в процессе обучения, так и во внеклассных формах работы в современной российской школе.

Ключевые слова: эвристичность, креативность, традиционные и нетрадиционные методы развития учащихся.

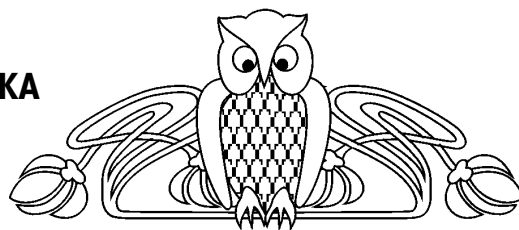
The Process of Forming the Creative Personality of the Modern Russian Pupils

N.G. Konovalova

In the article the main heuristic indications are analysed. The author gives her definition of creativity and shows its place in the process of the pupils' personality forming during class and in out-of-school hours.

Key words: heuristic, creativity, tradition and not traditional methods pupils' development.

Воспитание подрастающего поколения составляет важную задачу любой социальной системы. В развитом обществе формирование нового человека как личности, обладающей высокими нравственными качествами, творческим отношением к действительности, общественной активностью, превращается в главную задачу, являясь необходимым условием его построения. Современное общество испытывает потребность в эвристичных личностях, так как они обладают более высоким уровнем адаптации и социализации, в большей мере соответствуют постоянно изменяющемуся и обновляющемуся миру. Складывается социальный заказ на креативную личность, которая ориентирована на творческий подход к любому выполняемому делу. Уверенный стиль поведения с опорой на себя, самодостаточное поведение, умение принимать адекватные решения вопреки возникающим трудностям, брать на себя ответственность за нестандартную позицию, мнения, содействующие решению проблемы, – необходимые качества, которыми должен обладать будущий специалист, конкурентоспособный в современном быстромеменяющемся мире. Уникаль-

ность каждого человека не вызывает сомнений, однако умение проявить себя, выразить свою уникальность является проблемой для большинства людей. Эвристическая креативность личности позволяет не только эффективно реализовать жизненный потенциал человека, но и найти свое место в жизни.

Мы определяем понятие креативности школьников как интегральное свойство личности, отражающее возможности социального взаимодействия между людьми, при котором специфическим свойством личности является оригинальность мышления. Одновременно это и способность создавать оригинальные ценности, принимать нестандартные решения, выходить за пределы известного. Интегральное свойство личности воплощает ее творческие возможности. К числу ключевых характеристик креативности относят интуицию, фантазию, выдумку, дар предвидения, оригинальность, инициативность, упорство, высокую самоорганизацию и работоспособность. Личность, обладающая этими качествами, находит удовлетворение не столько в достижении цели, сколько в самом процессе творчества. Креативность допускает варьирование путей решения жизненных проблем, проявляющееся в индивидуальных особенностях учеников.

Креативность личности школьника формируется в результате деятельности в социальном контексте. Включаясь в креативный процесс, человек активизируется в креативной среде, приобретая черты креативной личности и затем актуализируясь в креативном продукте. Подростковый возраст является сенситивным периодом развития креативности, оказывающим влияние на становление личности в целом. Подростки стремятся к самосовершенствованию, независимости, отказу от стереотипов, однако недостаточно адекватные суждения о происходящем заставляют подростка подвергаться случайным влияниям. Поэтому необходимо целенаправленное формирование креативности в подростковом возрасте, создание условий для ее развития. С нашей точки зрения

креативность является основой инновационного образования.

В подростковом возрасте креативность может закрепиться в структуре личности как устойчивая характеристика, сознательно реализуемая в процессе творчества и в единстве ведущих компонентов (операционального, интеллектуального и личностного), выражающаяся в постепенном поступательном развитии ее показателей на каждой стадии обучения. Процесс развития креативности подростков в учебно-воспитательном процессе детерминирован комплексом специфических условий, таких как социальное подкрепление творческого поведения, адекватная позитивная самооценка, внутренняя мотивация к творчеству, реализация гуманистических принципов (принятие, поддержка, безоценочность). При этом наблюдаются противоречия между острой необходимостью эффективного развития эвристической креативности у всех субъектов учебно-воспитательного процесса и реальным состоянием образовательной практики, которая опирается на традиционную парадигму образования, а также уровнем научных разработок в области креативности, эвристичности учебно-воспитательного процесса.

Традиционное обучение содержит в основном элементы объяснительно-иллюстративного типа, когда учитель сам ставит проблемы и сам указывает пути их решения. При таком типе обучения определяющим становится критериальный компонент, т.е. сумма знаний на конец обучения, в то

время как учебное исследование, процессуальная ориентация остаются за рамками дидактических поисков. Данный подход организует процессы образования на основе преобладания репродуктивной деятельности. В силу этого ученики не испытывают удовлетворения деятельностью, на пути к которой появляются препятствия, преодолеваемые далеко не каждым учеником, вследствие чего интерес снижается, пропадает желание учиться.

Во внеклассной работе, осуществляемой на принципах креативности, акцент делается не на программный материал, а на организацию индивидуальной познавательной деятельности на основе знания ее креативной природы. Педагог анализирует сам и помогает понять ученику не только содержание того, что он усвоил, но и сами механизмы познания, принципы организации различных видов деятельности. Знание о том, как можно строить внеучебную работу, – это знание особого рода, и оцениваться оно должно не столько количественно (по традиционной пятибалльной системе), сколько качественно: от низкого до высокого уровня развития того или иного качества в различных сферах деятельности ученика.

В связи с этим необходимо постепенно изменять методы преподавания с целью интенсификации процесса обучения, повышения мотивации к учению с использованием исследовательских и частично-поисковых методов, чтобы постоянно создавать и поддерживать креативную социальную среду.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329(470)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕНАЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

А.А. Вилков, С.А. Дацков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru
E-mail: datkov@mail.ru

В статье рассмотрены основные тенденции во взаимоотношениях глав субъектов Российской Федерации с региональными отделениями «Единой России», выявлены и охарактеризованы основные факторы, определяющие отношение администрации президента к действующим региональным руководителям, раскрыта роль электоральных показателей на выборах различного уровня в их функционировании.

Ключевые слова: политическая партия, политическая система, электоральный фактор, назначение губернаторов, функции политических партий, «Единая Россия».

Elected Factor and Functioning Heads of Subjects of Russia in the Modern Period

A.A. Vilkov, S.A. Datskov

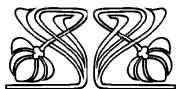
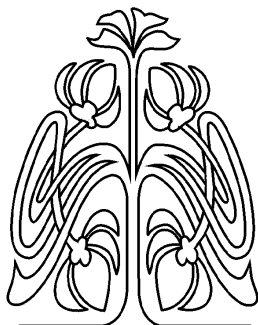
The article describes the main trends in relations between the heads of the Russian Federation with regional offices of «United Russia», identified and described the main factors determining the attitude of the presidential administration to the existing regional managers, revealed the role of electoral performance in elections at various levels in their functioning.

Key words: political party, political system, electoral factor, the appointment of governors, the functions of political parties, «United Russia».

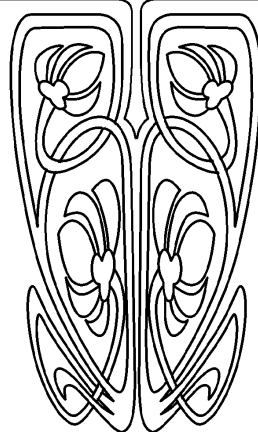
Одним из важнейших институтов в политической системе современной России являются органы исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. Поэтому проблема наделения полномочиями глав регионов России постоянно привлекает внимание представителей отечественной политологии. Это объясняется как отсутствием достаточной публичности, так и периодически меняющимися параметрами функционирования субъектов этого процесса в постсоветский период. В то же время в последнее десятилетие для российской политической системы характерны целенаправленно сформированные тесные взаимоотношения губернаторов с партией «Единая Россия». Для воспроизводства вертикальной модели функционирования российской политической системы влияние партии власти на региональный политический процесс носит решающий характер.

Главная причина заключалась не только в стремлении прекратить самовластие удельных региональных «князьков» и сформировать единое политическое и социально-экономическое пространство России после периода «разброда и шатаний» 1990-х годов. Мы убеждены, что нынешняя власть обеспокоена также проблемой собственной регенерации и обеспечения преемственности элитарных группировок общероссийского уровня. Достижению этой цели весьма способствует отмена всенародных губернаторских выборов.

Одним из главных публично декларируемых мотивов изменения системы выборов глав регионов ставилась задача стабилизации общественно-политических отношений в России в целом и подчинение региональных политических процессов общенациональным интересам. В качестве инструментальной ставилась задача обеспечить электо-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ральный успех правящей элиты в лице партии власти на выборах всех уровней. Как часть политической системы «Единая Россия» становится своеобразным олицетворением непрерывности политического развития, институализированным коммуникационным каналом связи с населением, единственным инструментом законодательного контроля исполнительной власти в регионах. В результате верховная власть в стране также получила собственную партийную структуру для принятия требуемых нормативных актов и решения задачи сбора голосов на выборах¹. Доминирование «Единой России» в региональных парламентах рассматривается важнейшим показателем поддержания высокого уровня влияния центра на региональные политические процессы, а следовательно, как конкретный вклад в формирование устойчивого политического основания развития российского общества.

Негласной целью предложений по отмене всенародных губернаторских выборов стала подготовка к выборам в Госдуму 2007 г. и выборам президента 2008 года². В период передачи власти от В. Путина Д. Медведеву, для подчёркивания консолидации политической власти в стране и обеспечения преемственности партия власти должна была получить большое количество голосов. Триумфальная победа на думских выборах должна была стать своеобразной подготовкой к выборам президента. Одним из реальных поводов к беспокойству о судьбе общенациональных выборов стала доля голосов, полученных «Единой Россией» по списочной части, на региональных выборах в Российской Федерации с декабря 2003 по май 2005 года. В результате в 10 из 33 субъектов она не превысила 25%³.

В 2007 г. одного рейтинга Путина вряд ли хватило бы для обеспечения преимущества «Единой России» в Госдуме. Кремлю требовался дополнительный, надёжный и долгосрочный инструмент для предвыборной работы в регионах. Ввиду этого на руководителей регионов стали смотреть с точки зрения способности успешно провести такую работу.

Еще в начале 2005 г. глава президентской администрации Д. Медведев сообщил журналистам, что «основной принцип подбора кандидата на должность губернатора очевиден – это профессиональная способность исполнять обязанности. Всё остальное: образование, собственная команда и даже опыт – очень важны, но вторичны... Считаю ситуацию, когда губернатором может стать и карьерный чиновник, и менеджер из бизнеса, и политик федерального уровня абсолютно нормальной, лишь бы он был готов к эффективной работе»⁴. Однако на фоне предвыборной обстановки основным реальным показателем профессиональной пригодности⁵ губернатора к исполнению своих обязанностей стала возможность обеспечения электоральной поддержки партии власти на выборах.

В вопросе обеспечения приемлемых для Кремля результатов выборов ресурс руководителей регионов являлся одним из приоритетных. Во-первых, глава региона, например, при наличии противоречий с «Единой Россией» мог отказаться от содействия партии власти в предвыборной гонке. В таком случае сама победа «Единой России» ставилась под угрозу. К тому же конфронтации между законодательной и исполнительной властью в российских регионах для Кремля в целом были крайне нежелательны. Во-вторых, влияние главы региона на электоральный процесс нередко значительно сильнее влияния структур самой партии власти. Предыдущие федеральные выборы, как в 1999 г., так и в 2003, наглядно показали, что губернаторы располагали колоссальными административными возможностями коррекции результатов голосования. Именно региональные власти выполняют основные организационные функции на выборах, фактически контролируют систему избирательных комиссий⁶. Следовательно, федеральный центр был заинтересован в популярных у населения губернаторах, которые смогли бы, благодаря своему авторитету, оказать содействие для победы «Единой России» на выборах⁷.

На сегодняшний день подавляющее большинство губернаторов прямо связаны с «Единой Россией». Они либо возглавляли партийные списки на местных выборах, либо просто являются её членами. Руководители регионов объединены с партией общей задачей – победой на выборах. При её успешном выполнении Москва взамен оказывает губернаторам широкую поддержку. Большинство «Единой России» в региональных парламентах приводит к тому, что их сдерживающая роль снижается, поскольку зачастую отсутствует возможность в блокировании действий губернатора, поддерживаемого президентской администрацией. Тем самым формируется сложная российская модель разделения властей на региональном уровне, в которой доминирующую роль играет Президент Российской Федерации. Будучи напрямую связанной с «кремлёвским тандемом», «Единая Россия» вместе с главами регионов обеспечивает устойчивость вертикали власти и политический контроль территории.

В то же время обновление губернаторского корпуса на основе новых правил и прямая ответственность главы региона перед федеральной исполнительной властью имеют и отрицательную сторону. Фактически губернаторы и президенты республик ориентируются прежде всего на осуществление в подотчётном регионе инициатив, которые исходят из Кремля. Им же в значительной степени приходится решать проблему усиления лояльного отношения граждан к проводимым реформам и к государственной власти в целом и не допускать падения рейтинга «Единой России». В таких условиях чувство ответственности перед населением за политику, проводимую в своем регионе, отодвигается на второй план.

Рассматривая политику «Единой России» и особенности её функционирования в региональном масштабе, необходимо обратить внимание на определённую закрытость внутривнутрипартийных механизмов управления политической ситуацией от широкой общественности. Отсутствие публичности досталось партии в наследство от породившей её советской политической системы. Теневые механизмы влияния элитарных групп в нашей стране оказывают на политику во многом решающее значение. Примером может послужить Администрация Президента РФ, которая курирует как деятельность политических партий, так и губернаторов. Механизмы и реальные каналы её воздействия на региональные политические процессы широкой общественности мало известны. В СМИ о них говорится в строго дозируемых объёмах. Например, подробности встреч замглавы президентской администрации В. Суркова с представителями региональных элит не разглашаются. Соответственно достаточно сложно однозначно оценивать и прогнозировать действия этого политического актора. Теневые, непубличные механизмы принятия решений на государственном уровне оказались перенесёнными и на партию власти. Закрытость «Единой России» проявляется, например, при составлении партийных списков для участия в выборах.

Мы согласны с точкой зрения политолога Г. Голосова: прямая ответственность губернаторов – главный залог успеха «Единой России» на выборах – и была сформирована административным способом. Распространённая тактика использования руководителей регионов в качестве «паровозов» обеспечивает восприятие провала «Единой России» как провал конкретных губернаторов, которые зачастую лидируют в партсписках⁸.

Нужно отметить, что поддержка губернаторами «Единой России» не только носит вынужденный характер, но и объясняется их собственными мотивами. Ещё в 1990-е гг., задолго до последней избирательной реформы, сложилась практика, что финансово-экономические группы, а также политические силы, связанные с губернатором, как правило, присутствуют в региональном парламенте. Это достигалось благодаря административным возможностям губернаторов по поддержке нужных им кандидатур. До тех пор, пока выборы в областную думу проходили по мажоритарным округам, руководителю региона необходимо было оказывать поддержку тому или иному кандидату. В современных же условиях, когда для губернатора крайне рискованно поддерживать независимых кандидатов, обеспечивать участие лояльных ему депутатов в региональном парламенте он вынужден через «Единую Россию»⁹. Партия власти – это единственно возможный канал продвижения интересов губернатора на выборах разных уровней. Вступая в ряды партии власти и тесно сотрудничая с ней, глава региона получает дополнительную легитимность. Если в глазах граждан (избирате-

лей) деятельность губернатора и «Единой России» воспринимается тождественно, то успехи партии власти переносятся и на главу региона (и наоборот), что увеличивает лояльность граждан к власти.

При существующей системе для руководителя субъекта отпала необходимость лавировать между политическими и экономическими группировками. Главными стали отношения главы региона с «Единой Россией». Соответственно для федеральной власти назначаемые губернаторы стали более «безопасными» и предсказуемыми в проводимой региональной политике. В условиях, когда полномочиями главу региона наделяет президент, а исполнительная власть региона фактически пронизана партией власти, губернаторы превратились в часть вертикальной системы исполнительной власти. И ответственность губернатора за устойчивое положение «Единой России» даёт существенные гарантии сохранения стабильности существующей системы властных отношений.

О том, какую роль играет электоральный фактор в деятельности глав российских регионов, откровенно говорят и сами «единороссы». Например, Андрей Воробьёв, глава исполкома «Единой России», пояснил, что по итогам выборов в Государственную думу и региональные парламенты «...губернатор Смоленской области Сергей Антуфьев, чей регион показал худший результат голосования за Дмитрия Медведева (59,2% при общероссийском показателе 70,2%), лишился поста секретаря политсовета смоленского отделения «Единой России». <...> Напротив, за удачно проведенную кампанию в Тверской области секретарем политсовета в регионе назначен глава законодательного собрания Андрей Епишин»¹⁰.

Такая взаимозависимость электорального фактора и партийности губернаторов играет значимую роль с точки зрения поддержки баланса политических сил в условиях конкуренции элит в регионах. По сути, это означает, что, выражая интересы «партии власти», путём применения административного ресурса в пользу «Единой России» глава региона обеспечивает позитивный диалог с партийными функционерами, которые во многом самостоятельно определяют развитие региона, но под фактическим контролем со стороны президентской администрации.

Характерной особенностью региональной политической ситуации в 2000-е гг. в России стало изменение условий конкуренции ведущих субъектов региональной политики за доступ к различным региональным и общенациональным политическим, социально-экономическим, информационным ресурсам.

До 2003 г. вкладывать деньги в партийные списки могли преимущественно только крупные финансово-промышленные группы, рассчитывающие на обеспечение победы данной партии и последующее фракционное лоббирование

интересов данной группы. Более мелкие региональные бизнес-группы, не обладая ресурсами для поддержки проходных партий, ставку чаще всего делали на проведение депутатов-лоббистов по одномандатным округам. Распространенной практикой было вложение денег не в партийных кандидатов (которые, в случае победы, в своей депутатской деятельности были в той или иной степени связаны партийной дисциплиной), а в ярких, оригинальных и беспринципных политиков, которым было все равно, чьи интересы представлять, лишь бы за это больше платили. Переход на пропорциональную систему и использование партийных списков, разделенных на региональные группы, изменил ситуацию. Включение кандидатов в партийные списки на региональном уровне стало предметом торга и конкурентной борьбы различных политических группировок и соответствующих бизнес-групп.

Это подтолкнуло конкурирующие бизнес-группы к более четкому позиционированию в отношении к «проходным» политическим партиям. В результате получилась очень сложная партийно-политическая конфигурация. Суть ее заключается в том, что конкурирующих групп в регионах оказалось больше, чем партий-фаворитов. Поэтому «партии власти» нередко включают в себя на региональном уровне представителей группировок, которые ранее вели жесткую борьбу друг с другом. С одной стороны, вхождение в «Единую Россию» и «Справедливую Россию» заставляет этих представителей находить компромиссы в решении важнейших вопросов и тем самым уменьшает политическое размежевание и остроту противостояния. С другой стороны, противоречия остаются, что приводит к усилению внутривнутрипартийной конкуренции, к усложнению внутривнутрипартийной конфигурации, к ослаблению внутривнутрипартийной дисциплины. Наиболее часто это проявляется в ходе решения важнейших кадровых вопросов, а также вопросов согласования партийных списков на выборах.

В таких условиях нередко возникают ситуации противоборства «Единой России» с главой того или иного региона. Внешне они проявляются чаще всего в использовании имиджевых технологий в борьбе региональных партийных лидеров за повышение своего рейтинга и политического веса. При этом противоборствующие стороны парадоксальным образом продолжают оставаться в рамках единого партийного пространства, понимая, что его существование ослабление в регионе может вызвать жесткую реакцию центрального партийного руководства и Администрации Президента. Глубинные причины разногласий коренятся преимущественно в области экономических интересов региональных бизнес-элит, хотя немалую роль играют и личностные противоречия.

Так, в марте 2009 г. в Мурманске губернатор области Ю. Евдокимов и региональное отделение «Единой России» поддерживали разных канди-

датов на пост мэра Мурманска, что вылилось в противостояние федерального и регионального административного ресурсов в предвыборный период. Победу одержал кандидат, поддерживаемый губернатором.

В результате, несмотря на высокий рейтинг доверия населения, Ю. Евдокимов был отправлен в отставку. Недостаточная партийная лояльность (среди губернаторов он одним из последних вступил в «Единую Россию»¹¹), поддержка конкурента официального кандидата от «Единой России» на пост мэра г. Мурманска явно свидетельствовали об отклонении Ю. Евдокимова от партийного курса на выстраивание управляемой из единого центра властной вертикали. Это и стало основной причиной его отставки. На сегодняшний день именно недостаточная системная включенность губернатора в пирамиду партийно-государственных связей и отношений в регионах является главной угрозой его дальнейшему пребыванию на своем посту или препятствием для переназначения.

На выборах мэра Смоленска также проявился раскол местных элит, который ударил по имиджу «Единой России» в регионе. В отсутствие договоренности пять смоленских единороссов зарегистрировались в качестве кандидатов на выборы главы города. В результате кандидат, официально поддерживаемый партией, занял третье место, а высшее руководство «Единой России» вынесло губернатору предупреждение и сменило секретаря смоленского отделения¹². Примечательно, что победивший самовыдвиженец Э. Качановский перед началом предвыборной гонки был лишён партийного билета. Однако после победы на выборах он был восстановлен в рядах партии власти. Думается, сделано это было прежде всего для того, чтобы задним числом легитимировать победоносный статус «Единой России» в регионе. Однако нормальных политических взаимоотношений между конкурирующими политическими силами и нормального диалога региональной и городской власти в Смоленской области так и не сложилось. Косвенным подтверждением тому можно рассматривать уголовное преследование Качановского, официально начатое в 2010 году.

Одно из немногих поражений на региональных выборах «Единая Россия» потерпела 11 марта 2007 г. в Ставропольском крае, уступив первенство партии «Справедливая Россия». Губернатор А. Черногоров был объявлен практически единственным виновным в поражении и исключён из партии. Отмечаемая конфронтация элит в крае была устранена лишь новым губернатором Ставрополя В. Гаевским, который планомерно сменил Черногорова. Отметим, что Гаевский до руководства регионом работал в Министерстве регионального развития и на момент назначения не входил в политсовет «Единой России». Однако при его правлении «Единая Россия» и «Справедливая Россия» поддержали одного кандидата на выборах мэра Ставрополя. Сама команда губер-

натора, составленная как из новых людей, так и представителей старой команды, говорит об успехе дела объединения элит края¹³.

Однако тот факт, что Гаевский, хотя и поддерживаемый «Единой Россией», не является собственноручно её креатурой, свидетельствует о том, что в случае конфликтных ситуаций Кремль предпочитает в выборе глав регионов опираться прежде всего на собственное мнение. Механизм, когда партия-победитель на выборах в региональный парламент предлагает президенту список кандидатов на губернаторский пост, заработал в июле 2009 г. и де-факто стал шагом по усилению партии власти на политическом пространстве региона. Тем не менее саратовский и ставропольский опыт показывает, что решающее значение при выборе главы региона играет мнение Президента России (естественно, что способность обеспечения электорального успеха партии власти не может не приниматься во внимание).

Лояльность к системе и уровень поддержки «Единой России» в регионе и поддержка кандидатов от «Единой России» самим губернатором стали одними из важнейших показателей встраиваемости руководителей регионов в создаваемую вертикаль власти. В то же время имеет место и учет мнения населения. Известны примеры, когда к отставке губернаторов Кремль прибегал в случае их явной политической несостоятельности и низкой поддержки населением в регионе. Ставропольский А. Черногоров, воронежский В. Кулаков (на выборах в ГД «Единая Россия» по области получила 57,5%), орловский Е. Строев (член КПРФ, что стало дополнительным основанием для отставки) лишились своих постов не сразу после выборов 2007 г. или в разгар внутриэлитных конфликтов в управляемых ими областях. Замена произошла только спустя 2–3 года после снижения их рейтинга в глазах федеральной власти и среди населения. Работу В. Кулакова и Е. Строева, по официальным данным, одобряли 15–25% населения, не одобряли 56–64%¹⁴.

Практикуемый принцип наделения полномочиями руководителей регионов в первую очередь исходит из интересов федеральной власти. Партия, работающая над отбором списка кандидатов для представления президенту (на сегодняшний день только «Единая Россия» получила это право), не может делать это автономно, поскольку вынуждена проводить постоянные консультации с Администрацией Президента РФ. Следовательно, например, включение П. Ипатова в число кандидатов на пост губернатора Саратовской области можно оценивать для «Единой России» как вынужденное. С учётом противоречий губернатора и партии власти¹⁵ переназначение П. Ипатова стало возможным исключительно при такой заинтересованности у Кремля. В том числе и результаты «Единой России» на выборах 2007 г. в Госдуму (64,24%, что практически равно общероссийскому показателю) не могут не устраивать федеральную власть.

В целом проведенный анализ показал, что на региональном политическом пространстве «Единая Россия» и губернаторы присутствуют в качестве системных акторов, включенных в сложную иерархию взаимоотношений, управляемых из одного центра. Партийные механизмы влияния прежде всего решают задачи ограничения самостоятельности регионов и обеспечения предсказуемости политического процесса. Это не случайно, так как модель, основанная на сращивании регионального политического аппарата с общенациональной партией, считается наиболее устойчивой для правящей элиты, поскольку разрушение «снизу» централизованной системы, объединенной правящей партией, маловероятно¹⁶.

Участие партий в деятельности органов исполнительной власти, на наш взгляд, является одним из противоречивых политических процессов, характерных для современной России. Проблема состоит в том, что «Единая Россия» практически монополизировала возможность влияния на деятельность региональных органов исполнительной власти. На региональном уровне политические партии всё активнее заявляют себя в качестве основных субъектов политики, активно вмешиваясь в деятельность исполнительной власти регионов, формируя элитарные группировки вокруг себя, влияя на региональную политику. Сильнейшим фактором, повысившим значение партий, стал механизм назначения губернаторов местными законодательными собраниями.

Однако мы не склонны абсолютизировать влияние и мощь «Единой России», поскольку не партия, а Президент и Правительство РФ определяют весь внутривнутриполитический курс. Тем не менее политическая практика показывает, что высокий уровень конфликтности, критика губернатора со стороны партии власти, высокий уровень безработицы, успехи или провалы в преодолении кризиса, естественно, учитываются при оценке действий главы региона. Однако главным фактором политической выживаемости губернаторов выступает поддержка вертикальной системы отношений внутри государства, а значит – *устойчивое положение партии «Единая Россия» в регионе*.

Анализ показал, что современная российская региональная политика отличается отсутствием универсального стандартного подхода к оценке деятельности руководителей субъектов РФ. Существует несколько моделей выстраивания диалога Кремля с регионами. Где-то определяющим является способность консолидировать элиты на местном уровне и не допустить их противостояния (Ставропольский край). В Башкирии большой политический вес президента республики вынуждает федеральные власти снисходительно относиться к критике внутривнутриполитического курса в свой адрес. Так же по-разному оцениваются предложения местных единороссов при подборе кандидатов на губернаторский пост. Случай

с Саратовской областью показывает, что при определенных обстоятельствах, например, чтобы не допустить усиления персонального влияния партийных функционеров, региональное отделение партии не оказывает реального влияния на процесс принятия решений по главе региона.

Сложившаяся практика назначения глав субъектов Российской Федерации представляет собой элемент сложного механизма сдержек и противовесов во взаимоотношениях региональных и общефедеральных субъектов политики. Пирамида партийных ресурсов, пронизывающая собой всю систему законодательной и исполнительной власти на местах, позволила значительно ослабить (по крайней мере внешне) центробежные тенденции в регионах, сделать общефедеральную власть более гибкой и результативной в области управления на местах, более эффективной в плане воздействия на возникающие конфликтные ситуации во взаимоотношениях региональных групп элиты.

В то же время доминирующая роль Администрации Президента Российской Федерации в таком механизме приводит к тому, что каналы обратной связи (без которых не может быть эффективного управления обществом) замыкаются на партийной структуре «Единой России», действующей в соответствии со своей внутренней логикой. Суть её заключается в демонстрации лояльности и уровня поддержки населением единосроссов в каждом конкретном регионе. Эта логика в условиях отсутствия реальной политической конкуренции нередко толкает на достижение среднероссийского электорального результата в регионе любыми способами, не позволяет «выносить сор из избы», загоняет решение накопившихся проблем региона вглубь, не способствует реальной модернизации политической системы.

Примечания

- 1 См.: *Голосов Г.* Партии: что делать с теми, которые есть [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/285314/> (дата обращения: 25.05.2010).
- 2 См.: *Ковалёв В.* Отмена губернаторских выборов и «зеленая» опасность [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Международного института гуманитарно-политических исследований. URL: <http://www.igpi.ru/info/people/kovalev/1117204824.html> (дата обращения: 8.04.2008).
- 3 См.: *Шириков А.* Красная книга «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/articles/330815/> (дата обращения: 18.05.2010).
- 4 *Сборов А.* Уволен за несоответствие занимаемой территории // *Власть.* 2005. № 33. С. 15.
- 5 Что подразумевает под собой возможность сохранить свой пост и быть переназначенным в дальнейшем.
- 6 См.: *Голосов Г.* Хроника деградации [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Газета». URL: http://www.gazeta.ru/comments/2010/04/26_x_3357723.shtml (дата обращения: 25.05.2010).
- 7 См.: *Голосов Г.* Кто на самом деле организует выборы [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/305360/> (дата обращения: 25.05.2010).
- 8 См.: *Голосов Г.* Чиновники идут на выборы «паровозиком» [Электронный ресурс] // URL: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/370757/> (дата обращения: 31.05.2010).
- 9 См.: *Голосов Г.* Хроника деградации.
- 10 См.: *Нагорных И.* «Единая Россия» отчиталась в проделанной победе // *Коммерсантъ.* 2008. 7 марта.
- 11 См.: Новости информационно-аналитического сайта «Губернаторы.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.governors.ru/?regmode=regions®ion=51&razdel=tema&statja=7673> (дата обращения: 30.05.2010).
- 12 См.: *Нагорных И.* Идеолога «Наших» передвинули в Смоленск // *Коммерсантъ.* 2009. 24 марта.
- 13 См.: *Инютин В., Ларинцева А.* «Единая Россия» изгоняет Александра Черногорова // *Коммерсантъ.* 2007. 16 марта; *Ларинцева А.* «Основные политические баталии в крае закончились» // *Коммерсантъ (Ростов).* 2008. 14 октября; *Седлак А.* Сто дней Гаевского [Электронный ресурс] // *Эксперт Юг.* 2008. № 19. URL: <http://www.expert.ru/printissues/south/2008/19/politika/> (дата обращения: 30.05.2010).
- 14 См.: *Тульский М.* Региональные и муниципальные выборы 1 марта 2009 г.: новые тенденции // *Российское электоральное обозрение.* 2009. № 1. С. 34–35.
- 15 См.: *Дацков С.* «Единая Россия» – институциональный фактор эволюции региональной политической системы (на примере Саратовской области) // *Молодежная политическая наука в Саратове.* Саратов, 2010. С. 37–44.
- 16 См.: *Федюкин И.* Вертикаль по-итальянски // *Коммерсантъ. Власть.* 2010. № 4. С. 32.

УДК 328.188(470.44+470.44-25)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАДРОВЫХ СОСТАВОВ ОРГАНОВ ВЛАСТИ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Казаков

Саратовский государственный университет

E-mail: champy@yandex.ru

В данной статье на базе официальных биографий анализируются основные социально-политические характеристики депутатов областной и городской дум, а также чиновников регионального правительства и муниципальной администрации Саратова. В центре авторского внимания находятся такие показатели, как пол, возраст, место рождения, тип поселения, характер и уровень профессионального образования, предыдущее место работы. В заключение статьи обозначаются возможности для дальнейшей разработки данной проблематики.

Ключевые слова: областные правительство и дума, городские администрация и дума, депутат, чиновник, биография.

Comparative Analysis of Saratov Region Authorities' Commanding Staff

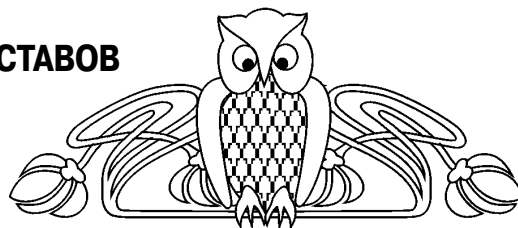
A.A. Kazakov

In this paper on the basis of official biographies main social-political features of members of Saratov regional and municipal Governments and Dumas are analyzed. In the centre of author's attention there are such indicators, as sex, age, birthplace and type of motherland, character and level of education, previous occupation. In the conclusion opportunities of this problem's further investigation are offered.

Key words: regional Government and Duma, municipal Administration and Duma, deputy, official, biography.

Изучение представителей регионального политического сообщества традиционно обладает значительным теоретическим и практическим потенциалом. Серьезное осмысление процессов трансформации и развития российского политического режима невозможно без детального исследования в том числе и основных векторов регионального развития. Можно сказать, что исходящие от субъектов Российской Федерации импульсы, при всей их противоречивости и асимметричности, во многом определяют политический климат в масштабах всего государства. В этой связи анализ качественно-количественных показателей кадровых составов органов региональной и муниципальной власти представляется весьма важным, так как позволяет не только получить необходимую фактическую информацию о политическом истеблишменте конкретного субъекта Федерации, но и предложить возможные варианты оптимизации системы рекрутирования чиновничьего и депутатского корпусов.

Объектом данного исследования являются представители областной и муниципальной

власти Саратова по состоянию на июнь 2010 г.: депутаты Саратовской областной думы IV созыва и городской думы Саратова III созыва, а также члены регионального правительства и муниципальной администрации¹. Предметом же проведенного анализа стали совокупные социально-политические характеристики рассмотренных личностей, выявленные в результате изучения их биографий. При этом нами использовались биографии, размещенные на официальных сайтах указанных органов власти (всего 126)². Необходимо отметить, что обращение к подобного рода источникам, с одной стороны, снимает всякие сомнения по поводу подлинности изложенных в биографиях фактов, однако с другой – заставляет учитывать возможность намеренного умалчивания отдельных, не слишком выгодных для конкретного политического деятеля сторон жизни. Именно поэтому мы были лишены возможности анализировать такие факты биографий, какхождение срочной службы в рядах Вооруженных сил, социальное происхождение человека и т.п.

В ходе написания данной статьи мы намеренно избегали использования понятия «региональная политическая элита», так как считаем, что личности, биографии которых нам удалось рассмотреть, в своей совокупности составляют лишь часть этого комплексного понятия. К политической элите Саратовской области, помимо региональных и муниципальных депутатов и чиновников, также должны быть отнесены представители действующих на территории данного субъекта федеральных структур и ведомств, депутаты Государственной думы и члены Совета Федерации Федерального собрания РФ от Саратовской области, лидеры общественных организаций, руководство местных отделений политических партий и т.д. Поэтому более корректным нам представляется обозначение объектов данного исследования именно как «депутаты областной и городской дум и чиновники регионального правительства и муниципальной администрации Саратова», или – проще – «представители областной и муниципальной власти Саратова».

Для селекции биографий нами применялся метод позиционного анализа, основанный на предположении, что формальные властные институты представляют собой вполне адекватную картину политической иерархии. В разное время к этому методу обращались как западные, так и российские исследователи, как правило, работавшие в рамках функционального подхода. Вместе с тем

на сегодняшний день очевиден и основной недостаток, присущий данному исследовательскому механизму, – его жесткая институциональная привязанность. Мы осознаем накладываемые им ограничения, однако считаем, что для выбранного масштаба работы он в целом вполне приемлем. В дальнейшем же, для проведения более глубокого исследования характеристик регионального политического сообщества, целесообразно дополнительно к позиционному анализу использовать также методы репутационного анализа и анализа принятых решений.

В статье представлены результаты анализа

социально-демографических и политических характеристик депутатского и чиновничьего корпусов Саратова и области: пола, возраста, места рождения, типа поселения, характера и уровня профессионального образования, предыдущего места работы³. На наш взгляд, в своей совокупности эти показатели позволяют получить целостное представление о социально-политическом портрете интересующего нас сегмента региональной элиты и оценить уровень его карьерной мобильности.

Одной из важнейших характеристик регионального политического корпуса является его половозрастной состав (табл. 1).

Таблица 1

Половозрастной состав, % от общей численности органа власти

Орган власти	Муж.	Жен.	Ср. возр.	21–30	31–40	41–50	51–60	> 60
Обл. дума	83,3	16,7	51,05	2,8	11,1	27,8	47,2	11,1
Обл. правительство	73,1	26,9	50,23	3,8	15,5	26,9	50	3,8
Гор. дума	90	10	49,55	5	12,5	40	25	17,5
Администрация	79,2	20,8	41,79	8,3	45,9	20,8	25	–
В среднем*	82,5	17,5	48,6	4,8	19	30,2	36,5	9,5

* – от общего количества проанализированных персоналий.

Как видно из табл. 1, политики-мужчины абсолютно преобладают над политиками-женщинами. Это достаточно традиционное для отечественной политической системы явление можно дополнить еще одной закономерностью. В Саратовской области доля женщин в органах исполнительной власти (региональном правительстве и городской администрации) выше, чем в представительных структурах (областной и городской думах): 26,9 и 20,8% против 16,7 и 10% соответственно. Судя по всему, данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что политики, занимающие высшие руководящие посты и принимающие важнейшие кадровые решения, гораздо охотнее, нежели избиратели, доверяют власть женщинам.

Обращает на себя внимание и тот факт, что средний возраст представительных органов власти в целом немного выше, чем исполнительных. Причем это становится особенно очевидным на примере системы местного самоуправления: разница

здесь составляет почти 8 лет. Нельзя не отметить также и то, что в структурах региональной власти велика доля лиц пред- и пенсионного возраста. При этом очевидно, что «муниципалы» в среднем несколько моложе «регионалов», что также легко объяснимо: для многих политиков работа в органах местного самоуправления – это своеобразная ступень на пути к органам государственной власти. Сравнительно высокие доли лиц старше 60 лет в областной и городской думах (11,1 и 17,5% соответственно) вполне могут свидетельствовать о том, что для ряда политиков депутатский мандат стал своеобразной «вотчиной», сохраняемой в течение длительного периода времени.

Весьма важны такие показатели, как место рождения и тип поселения, в которых проходило формирование личности представителей власти. Эти социальные характеристики предопределяют особенности воздействия на первичную и вторичную социализацию человека процессов урбанизации (табл. 2).

Таблица 2

Место рождения, % от общей численности органа власти

Орган власти	«Местные»	«Варяги»	Тип поселения		
			Село	Мал. город	Кр. город
Обл. дума	69,4	30,6	47,2	11,1	41,7
Обл. правительство	65,4	34,6	34,6	27	38,4
Гор. дума	75	25	25	12,5	62,5
Администрация	79,2	20,8	20,8	12,5	66,7
В среднем*	70,6	29,4	32,5	15,1	52,4

* – от общего количества проанализированных персоналий.

Областное правительство вполне ожидаемо оказалось самым неоднородным в плане места рождения его членов органом. Скорее всего, это оправданно: для эффективного администрирования прежде всего нужно быть грамотным и эффективным управленцем, а не уроженцем определенной территории. Муниципальные же органы, в силу меньшего объема располагаемых полномочий, привлекают и меньшее количество «варягов». Зато подавляющее большинство

«муниципалов» – жители крупных городов, в основном Саратова. «Городские регионалы» в этом плане уступают выходцам из небольших, как правило, сельских, поселений. Высокий процент «селян» (47,2%) в областной думе в определенной степени можно объяснить тем, что она наполовину формируется по одномандатным округам.

Можно констатировать, что политический класс Саратова и области имеет хорошее образование (табл. 3).

Таблица 3

Уровень образования. % от общей численности органа власти

Орган власти	Высшее	Неск. высших	Ученая степень		Парт.-полит. образование
			Кандидат	Доктор	
Обл. дума	100	33,3	36,1	11,1	19,4
Обл. правительство	100	34,6	30,8	23	11,5
Гор. дума	100	20	22,5	5	5
Администрация	100	16,7	8,3	4,2	4,2
В среднем*	100	26,2	25,4	10,3	10,3

* – от общего количества проанализированных персоналий.

Все рассмотренные нами персоналии закончили вузы. Лиц с несколькими высшими образованиями, а также кандидатов и докторов наук в региональных органах власти больше, чем в муниципальных. Объяснить это можно тем, что «муниципалы» просто моложе «регионалов», а потому у многих из них все это еще впереди. Почти двукратное превосходство количества докторов наук в правительстве по

сравнению с областными парламентариями, скорее всего, продиктовано появившейся не так давно среди крупных политиков модой на «остепененность».

Характер образования чиновников и депутатов по-прежнему остается преимущественно технократическим, причем эту черту можно наблюдать уже достаточно давно – с 70-х гг. прошлого века⁴ (табл. 4).

Таблица 4

Характер первого высшего образования, % от общей численности органа власти

Орган власти	Техн.	С.-хоз.	Экон.	Юрид.	Воен.	Проч. **
Обл. дума	39	13,8	13,8	11,1	5,6	16,7
Обл. правительство	34,6	15,4	15,4	11,5	–	23,1
Гор. дума	32,5	5	20	10	15	17,5
Администрация	20,8	4,2	20,8	16,7	4,2	33,3
В среднем*	32,5	9,5	17,5	11,9	7,2	21,4

* – от общего количества проанализированных персоналий.

** – сюда относится образование по педагогическим, филологическим, историческим, медицинским, психологическим и политологическим специальностям.

Очевиден также экономико-юридический вектор образования «муниципалов» и технико-аграрный – у «регионалов». Учитывая, что средний возраст первых меньше, возможно, есть основания говорить о смене образовательных приоритетов среди политиков: на первый план выходят не узкоспециальные, производственные навыки, а управленческие экономические и юридические знания.

Второе-третье образование представителей правящего класса области и города преимущественно гуманитарное (табл. 5).

В основном здесь преобладают экономические и юридические специальности. В разделе

же «Прочие» велик удельный вес дипломов партийно-политического профиля. Это и понятно: начав серьезно заниматься политикой, люди осознанно принимают решение о необходимости получения недостающих им специальных знаний.

Еще одним важным социальным показателем является характер предшествующей деятельности представителей власти. Заметим, что в рамках данного исследования во внимание бралось лишь последнее перед занятием нынешнего поста место работы. Иначе говоря – канал рекрутирования политического сообщества (табл. 6).

Таблица 5

Характер второго-третьего высшего образования, % от общей численности органа власти

Орган власти	Техн.	С.-хоз.	Экон.	Юрид.	Воен.	Проч.
Обл. дума	–	–	11,1	11,1	–	13,8
Обл. правительство	–	–	11,5	7,7	–	15,4
Гор. дума	–	–	7,5	10	–	2,5
Администрация	–	–	4,2	4,2	–	8,3
В среднем*	–	–	8,7	8,7	–	9,5

* – от общего количества проанализированных персоналий.

Таблица 6

Каналы рекрутирования*, % от общей численности органа власти

Орган власти	ГА	П	МСУ	Б	О	М	Пр.	С
Обл. дума	5,6	19,4	19,4	36,1	13,9	–	2,8	2,8
Обл. правительство	38,5	3,8	7,7	23,2	15,3	–	7,7	3,8
Гор. дума	7,5	15	17,5	32,5	7,5	5	10	5
Администрация	–	8,3	41,8	20,8	8,3	12,5	8,3	–
В среднем**	10,8	15,9	20,5	28,4	11,1	3,2	6,9	3,2

* – сокращения в таблице: ГА – государственный аппарат, П – представительные органы, МСУ – органы местного самоуправления, Б – бизнес-структуры, О – система образования, М – медицинские учреждения, Пр. – производство, С – силовые структуры.

** – от общего количества проанализированных персоналий.

Как следует из приведенных в табл. 6 данных, во всех властных структурах велика доля выходцев из бизнес-структур, причем в представительных органах власти этот показатель выше, чем в исполнительных. Скорее всего, это говорит о том, что обладание значительными финансово-материальными ресурсами – это важное условие прохождения в любую из дум. Показательно также, что основной «базой подготовки» членов регионального правительства и муниципальной администрации являются государственный аппарат и органы местного самоуправления (в том числе, кстати, и разнообразные МУПы) соответственно. Для дум же, помимо сферы бизнеса, важным поставщиком кадров являются они сами, что позволяет говорить о наличии преемственности депутатских корпусов. В целом же стоит отметить, что для большинства представителей власти характерно наличие так называемого «высокого социального старта»: выходцев из «простого народа», «людей от производства» во власти пока что не очень много.

Подводя итог проведенному анализу, можно сформировать обобщенный образ политика Саратовской области. Чаще всего это – мужчина около пятидесяти лет, родившийся либо в самом областном центре, либо в районе. Он обязательно в молодости закончил вуз, в основном – по технической специальности, а уже позже задумался о приобретении второго высшего образования (как правило, гуманитарного) или о защите диссертации. Если это депутат, то, скорее всего, у него есть свой бизнес или он уже избирался в думу прежде. Если же это чиновник, то на свою нынешнюю

должность он пришел, пройдя необходимые низжестоящие карьерные ступени. Сразу оговоримся, что это всего лишь усредненный условный образ. К тому же, как мы выяснили, в зависимости от конкретного органа власти, в котором работает человек, ему могут быть присущи различные характеристики.

Разумеется, мы в полной мере осознаем, что данное исследование не может претендовать на исчерпываемость и комплексность научного анализа. Скорее, это всего лишь заявка на разработку темы, постановка проблемы. В будущем было бы интересно найти и проанализировать данные по службе политиков в армии, по их социальному происхождению, а также выявить динамику изменений различных показателей за определенный промежуток времени. Кроме этого, явно напрашивается изучение и качественных (а не количественных – как в данном случае) аспектов местного политического класса, таких, например, как оценка эффективности работы, корреляция различных показателей с типом избирательных систем и т.д. Разработка указанных сюжетов, на наш взгляд, может способствовать формулированию конкретных рекомендаций по оптимизации рекрутирования чиновников и депутатов и, как следствие, – повышению результативности их работы на благо общества.

Примечания

- ¹ В состав органов исполнительной власти Саратовской области нами были включены председатель правительства, зампреды, министры и руководитель аппарата

губернатора – всего 26 человек. В состав городской администрации вошли ее глава, заместители главы администрации, руководитель аппарата, председатели комитетов, начальники управлений и комиссий – всего 24 человека. В состав областной думы – 36 депутатов, в состав городской думы – 40 депутатов.

² URL: www.srd.ru, www.saratovduma.ru, www.saratov.gov.ru, www.saratovmer.ru (дата обращения: 30.06.2010).

³ При выборе данных характеристик мы во многом опирались на опыт видного исследователя региональных элит, доцента кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского Д.В. Попонина и его монографию: Проблемы оптимизации системы регионального элитобразования в современной России. – Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006.

⁴ См., напр.: Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России. Саратов, 1995.

УДК 32:130.3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Н.И. Шестов, А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации выделен ряд принципиальных моментов, характеризующих противоречивость и относительную неполноту современных теоретических представлений о корпоративной идентичности российских военнослужащих и об их общей социально-политической идентичности.

Ключевые слова: корпоративная идентичность, противоречия политической социализации, армия и общество, теоретические проблемы выявления идентичностей.

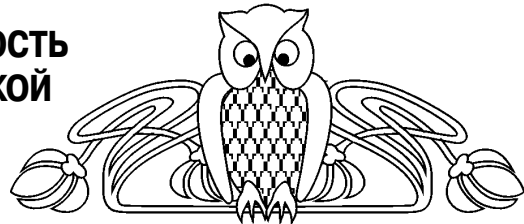
Socio-political Identity of the Military: Problems of Conceptualization of Political Science

N.I. Shestov, A.V. Kucherov

The publication highlighted a number of fundamental factors that characterize inconsistency and the relative incompleteness of theoretical concepts of corporate identity of Russian troops and their general socio-political identity.

Key words: corporate identity, contradictions of political socialization, the army and society, the theoretical problems of identifying identities.

Чем сложнее становится современное научное представление о свойствах политических процессов, о характеристиках того политического пространства, в котором эти процессы развиваются, тем чаще исследователи обращаются к понятию «идентичность». Понятие это сегодня в полном смысле становится одним из ключевых в языке политической науки. В этом, вероятно, есть смысл. Политическая наука выделяет данное понятие в качестве инструмента оптимизации своих системных представлений о политическом процессе, об активности его субъектов. Идентичность является тем качеством, которое роднит всех политических субъектов, независимо от их места и роли в политической жизни, иерархического (неформально-традиционного, или формально-правового) статуса, реальной политической функциональности.

С другой стороны, идентичность присуща и тем политическим объектам, с которыми данные многочисленные субъекты взаимодействуют и на которые они переносят свои идентичности, тем самым закрепляя за собой определенные сферы в политическом пространстве. Институт, всегда считавшийся общественным, местное самоуправление, например, может довольно быстро приобрести в глазах общества и властвующей элиты фактически статус института государственной политики и даже административного института (что, собственно, и произошло в современной России) вследствие того, что субъекты государственной политики, особенно регионального уровня, по ходу воздействия на него наделили его собственной идентичностью. Муниципальные служащие в результате воспринимают себя как государственных служащих. И население, со своей стороны, воспринимает их в том же духе.

Такая идентичность, которой политический субъект наделил объект своего воздействия (институт, или группу субъектов, расположенных ниже по иерархической лестнице), может закрепиться за этим объектом и сохраняться даже тогда, когда воздействие прекратилось или вообще сам субъект исчез из политической реальности. Например, активно действующие в Европе и Северной Америке гражданские общества наделили, по ходу многих политических конфликтов и реформ, политические партии идентичностью института гражданского общества. Это понимание закрепилось за всем, что политическая наука способна определить как «политическую партию», хотя в реальности данная «партия» может иметь необщественную (проэлитарную, например) направленность деятельности.

Нечто подобное можно наблюдать и в сфере современной российской военной политики. Давно не существует тех государственных и партийных институтов, которые во времена Советского Союза наделили армию, как коллективного субъекта

губернатора – всего 26 человек. В состав городской администрации вошли ее глава, заместители главы администрации, руководитель аппарата, председатели комитетов, начальники управлений и комиссий – всего 24 человека. В состав областной думы – 36 депутатов, в состав городской думы – 40 депутатов.

² URL: www.srd.ru, www.saratovduma.ru, www.saratov.gov.ru, www.saratovmer.ru (дата обращения: 30.06.2010).

³ При выборе данных характеристик мы во многом опирались на опыт видного исследователя региональных элит, доцента кафедры политических наук СГУ им. Н.Г. Чернышевского Д.В. Попонина и его монографию: Проблемы оптимизации системы регионального элитобразования в современной России. – Саратов: ОАО «Приволжское книжное издательство», 2006.

⁴ См., напр.: Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России. Саратов, 1995.

УДК 32:130.3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Н.И. Шестов, А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации выделен ряд принципиальных моментов, характеризующих противоречивость и относительную неполноту современных теоретических представлений о корпоративной идентичности российских военнослужащих и об их общей социально-политической идентичности.

Ключевые слова: корпоративная идентичность, противоречия политической социализации, армия и общество, теоретические проблемы выявления идентичностей.

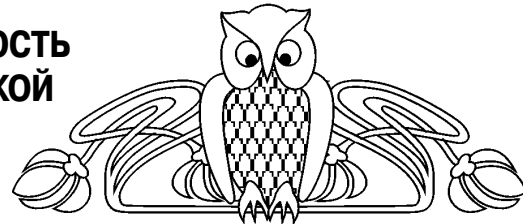
Socio-political Identity of the Military: Problems of Conceptualization of Political Science

N.I. Shestov, A.V. Kucherov

The publication highlighted a number of fundamental factors that characterize inconsistency and the relative incompleteness of theoretical concepts of corporate identity of Russian troops and their general socio-political identity.

Key words: corporate identity, contradictions of political socialization, the army and society, the theoretical problems of identifying identities.

Чем сложнее становится современное научное представление о свойствах политических процессов, о характеристиках того политического пространства, в котором эти процессы развиваются, тем чаще исследователи обращаются к понятию «идентичность». Понятие это сегодня в полном смысле становится одним из ключевых в языке политической науки. В этом, вероятно, есть смысл. Политическая наука выделяет данное понятие в качестве инструмента оптимизации своих системных представлений о политическом процессе, об активности его субъектов. Идентичность является тем качеством, которое роднит всех политических субъектов, независимо от их места и роли в политической жизни, иерархического (неформально-традиционного, или формально-правового) статуса, реальной политической функциональности.

С другой стороны, идентичность присуща и тем политическим объектам, с которыми данные многочисленные субъекты взаимодействуют и на которые они переносят свои идентичности, тем самым закрепляя за собой определенные сферы в политическом пространстве. Институт, всегда считавшийся общественным, местное самоуправление, например, может довольно быстро приобрести в глазах общества и властвующей элиты фактически статус института государственной политики и даже административного института (что, собственно, и произошло в современной России) вследствие того, что субъекты государственной политики, особенно регионального уровня, по ходу воздействия на него наделили его собственной идентичностью. Муниципальные служащие в результате воспринимают себя как государственных служащих. И население, со своей стороны, воспринимает их в том же духе.

Такая идентичность, которой политический субъект наделил объект своего воздействия (институт, или группу субъектов, расположенных ниже по иерархической лестнице), может закрепиться за этим объектом и сохраняться даже тогда, когда воздействие прекратилось или вообще сам субъект исчез из политической реальности. Например, активно действующие в Европе и Северной Америке гражданские общества наделили, по ходу многих политических конфликтов и реформ, политические партии идентичностью института гражданского общества. Это понимание закрепилось за всем, что политическая наука способна определить как «политическую партию», хотя в реальности данная «партия» может иметь необщественную (проэлитарную, например) направленность деятельности.

Нечто подобное можно наблюдать и в сфере современной российской военной политики. Давно не существует тех государственных и партийных институтов, которые во времена Советского Союза наделили армию, как коллективного субъекта

екта и одного из главных объектов идеологической работы, специфической идентичностью армии народной, лучшей в мире и ответственной за мир во всем мире, являющейся главным предметом забот общества и государства. За последние десятилетия радикально изменилась военная политика Российского государства, включая стратегию подготовки и переподготовки профессиональных кадров для армии, работу с призывниками, решение социально-экономических и культурных проблем военнослужащих. Но и общество, и элиты, и сами военнослужащие постоянно воспроизводят по ходу политического участия идентичности, упомянутые выше. Они закрепились за современной Российской армией как важнейший индикатор ее статуса в социально-политической системе России. И они служат, что особенно важно, тем контекстом, в рамках которого новые поколения военнослужащих формируют свою гражданскую, экономическую, правовую и корпоративную идентичности.

Это тот ресурс культуры военной среды, из которого осуществляется наделение «советской идентичностью» военнослужащих и целых их групп в постсоветской России. И в процессе этого наделения возникает проблема, которая, как представляется, и в теоретическом, и практическом своем измерении является ключевой для понимания специфики и трудностей современной военной политики нашего государства и для положения армии. Суть ее состоит в том, что обойтись одной, образно говоря, «наследственной» идентичностью армейская среда, как и любая развивающаяся социальная структура вообще, не может. Она постоянно вырабатывает новые способы и признаки идентичности, соответствующие быстро меняющимся общеполитическим условиям. А в современной модернизирующейся России условия эти меняются с очевидной быстротой. Действенным в отношении новаций идентичности оказывается часто и знакомство с зарубежным опытом идентичности военнослужащих, которое в последние десятилетия также идет достаточно интенсивно в ходе обмена опытом между Российской армией и, например, армиями государств, входящих в НАТО. И в условиях, когда прежние, советские принципы и механизмы идентичности российских военнослужащих существенно, часто диаметрально противоположны тем, которые предписывают военнослужащим условия либеральной модернизации и либеральный в своих основах зарубежный опыт, в системе идентичности происходит неизбежный сбой. Своего рода раздвоение коллективного «Я» военнослужащих.

Это раздвоение не имеет обязательного характера. Оно имеет свойство той возможности выбора модели поведения и мышления, которая реализуется человеком ситуативно, в режиме индивидуального выбора военнослужащего, и

потому трудно поддается научному обобщению, подведению под определенную общую схему. Военный человек имеет возможность манипулировать своей идентичностью, используя ее как инструмент для решения конкретных, тактических проблем своей повседневной жизни, и при этом не формировать какой-либо определенной стратегии идентификации. Разные модели идентичности могут у него быть ничем, кроме его личности как таковой, не связанными между собой. И даже взаимно противоречить: идентифицируя себя на службе как защитника интересов государства и общества, современный российский военный, особенно служащий в небольших воинских частях, после службы возвращаясь в круг общения с гражданскими людьми, занятыми бизнесом или работающими, скажем, в административной сфере, или в круг общения со своими безработными домочадцами, имеет все реальные возможности для выработки идентичности субъекта, являющегося жертвой этих самых государственных интересов, на страже которых он обязан стоять. «Российский офицерский корпус, – констатирует один из современных исследователей, – всегда был чуток к проблеме престижа и доверия к военной службе, то есть ориентировался на социально-репродукционный капитал. Кризис социальных институтов, социально-ценностная аномия в российском обществе вызывают сдвиг интересов и предпочтений офицерского корпуса на микросистемный уровень, и семья выступает как основание идентификации, саморегуляции и определения социальных позиций ...»¹. С этим выводом согласуется и другое социологическое наблюдение: «Наиболее острыми проблемами, по признанию министра обороны РФ, являются низкий престиж военной службы и неудовлетворительное социальное положение военнослужащих. Это связано, прежде всего, с низким уровнем денежного содержания (34% семей военнослужащих имеют доходы на одного члена семьи ниже прожиточного минимума), отсутствием жилья (90 тыс. военнослужащих не обеспечены постоянным и 45,5 тыс. – служебным жильем, в том числе 25% всех и 70% офицеров в возрасте до 30 лет), плохим материальным и медицинским обеспечением»².

И получается, таким образом, что политическая наука в своем стремлении выявить некую общую тенденцию в развитии идентичности российских военнослужащих сталкивается с проблемой выделения объекта, который постоянно имеет тенденцию приобретать «неполитические» очертания. Возможно поэтому, когда речь заходит об актуальности проблемы идентичности военнослужащих, все исследователи делают акцент на ее политическом звучании, утверждают, что идентичность требует изучения как важнейший фактор политической модернизации России. Но при этом в структуре самих исследований абсо-

лютно доминирует социологический ракурс и проблема эта рассматривается как проблема развития определенной социальной группы. Для политологического исследования это объективная проблема. Реально перед глазами исследователя существует многоуровневая конструкция, состоящая из ряда вполне самостоятельных моделей идентичности. Повернуть научный анализ в политологическое русло можно, если критически отнестись к доминирующей теоретической парадигме. Представляется, что над большинством исследователей современной военной политики в России продолжает довлеть та самая советская модель отношения к идентичности военнослужащих, о которой уже упоминалось: идентичность военнослужащего, согласно этому представлению, должна быть прямой, «как полет стрелы», и однозначной в своем смысловом основании. Как, например, военный приказ. Любые моменты «размытости» в понимании военным человеком своего местоположения в социально-политическом процессе уже воспринимаются как нежелательное отклонение, как девиации, вызванные трудностями современной российской модернизации или несовершенством механизмов работы с кадрами в Российской армии. Речь идет о традиции выявления политической идентичности военных по стандартному ряду индикаторов. Обычно в этом ряду фигурируют такие параметры идентичности, как патриотизм, государственническое мышление, устойчивость к идеологическим «диверсиям».

Следует заметить, что фактически этот ряд воспроизводит структуру той программы по формированию идентичности не только военных, но и общества в целом, которая осуществлялась в советскую эпоху. Исследователи, когда они пытаются выяснить, что в идентичности изменилось, дополняют этот ряд другими параметрами. Но, и в этом главная проблема, они ищут в этих различных позициях, высказываемых людьми, какой-то смысловой органичности, логической последовательности. Тогда как, фактически, по ходу опросов выявляются именно моменты алогичности, конфликтности различных позиций, благодаря чему, собственно, современный российский военнослужащий предстает перед сторонним наблюдателем участником политического процесса с недостаточно понятной субъектностью и недостаточно прогнозируемой перспективой такого участия. Идея перехода к профессиональной армии в России, как представляется, периодически возвращается в пространство научных и политических дискуссий не в последнюю очередь потому, что в ней видят средство придать этой неорганичной политической идентичности военных больше органичности и простоты. Эта идея подразумевает, что можно будет все традиционные для науки параметры исключить и ориентироваться только на один, ключевой параметр – материальную обеспечен-

ность. Или, в крайнем случае, ориентироваться на два ключевых параметра, если добавить к материальной обеспеченности еще и правосознание военнослужащих.

В каком-то смысле для конкретного военнослужащего «размытость» его общегражданской, повседневно-общественной идентичности на фоне устойчивой профессионально-корпоративной идентичности (также включающей элементы политической идентичности, в частности, в форме патриотических настроений и ценностей) является даже выигрышным моментом. Она создает объективную почву для концентрации внимания военнослужащего на более четких корпоративных индикаторах его социального статуса. И это, как можно предположить, обеспечивает эффективность корпоративной адаптации к российской модернизации армия в целом последовательно действовала как политический субъект строго в этих отведенных ей законодательством и традицией рамках.

И эту выигрышность сочетания ключевых определенностей и ключевых неопределенностей в определении военнослужащим своего места в жизни устойчиво констатируют социологические исследования: армейская среда оказалась более устойчивой к вызовам нынешней модернизации, нежели многие другие социальные группы. В частности, эта устойчивость обнаруживает себя в том, каким образом военная среда реагировала на нарастание этнических и социальных конфликтов в современной России в последние десятилетия. По мнению отечественного исследователя Р. Сабитова, это происходит потому, что: «В течение службы в армии человек, в силу специфики своих обязанностей и социального статуса, как бы выпадает из сферы влияния тех или иных национально-государственных идеологий. И сталкиваясь с представителями других национальностей, он едва ли может использовать аргументы и стереотипы этих идеологий – тем более что армейские коллективы – это группы скорее инструментальные, чем социальные, и скорее реальные, чем статистические. Поэтому использование каких бы то ни было общих социальных стереотипов, в том числе и этнических, здесь неэффективно. А в некоторых ситуациях могут формироваться собственные – армейские – варианты этих стереотипов»³.

Но государственная политика, которая должна ориентироваться на среднесрочные и долгосрочные прогнозы самочувствия армейской среды, оттого что многие индикаторы политический идентичности военнослужащих являются включенными в структуру их профессионально-корпоративной идентичности, тогда как их

общегражданская позиция за счет этого оказывается «размытой», со всей очевидностью от этого проигрывает. И здесь как раз проходит водораздел между оценочными позициями социологов и политологов, для которых «размытость» идентичности военнослужащего выглядит уже не вопросом социального самочувствия, а государственной политической проблемой, проблемой определения границ политической субъектности военнослужащего, политической стратегии и тактики взаимодействия с ним государственных и общественных структур, проблемой, решение которой требует выделения в составе идентичности в качестве предмета политологического исследования ряда критериев идентичности. Принцип связи этих критериев в систему, позволяющую представить идентичность в целостности, должен быть иным, отличным от устоявшегося традиционного подхода, подразумевающего прямолинейность и непротиворечивость модели идентичности военнослужащего.

Оптимальный, как представляется, способ свести все эти уровни в границы одной модели – это выявить линии пересечения этих уровней идентичности, выявить, где и как они в повседневности между собой сталкиваются, и каким образом на личностном уровне это столкновение позволяет военнослужащему одновременно ощущать себя гражданином и кем-то иным, чей общественный статус выходит за рамки представлений о гражданственности в ее среднестатистических проявлениях.

Такая корректировка теоретического ракурса имеет и чисто практический смысл. Уже лет двадцать как в информационном пространстве России существует интересная ситуация. С той же активностью, с которой одни СМИ с фактами на руках насаждают в массовом сознании понимание пользы военных реформ для государства, общества и общественно-политической идентичности военнослужащих, другие с фактами на руках (опросами военнослужащих, например⁴) доказывают пагубность этих реформ прежде всего именно для формирования гражданской политической культуры военных, для их экономических, правовых и корпоративных идентичностей. Сообразно этим фактам получается, что правы и те, и другие, что рождает эффект беспредметности спора и, естественно, создает предпосылки для того, чтобы государственные институты, ответственные за военную политику, меньше всего стремились согласовывать свои действия с общественным мнением, с какими-то аргументами тех политических аналитиков, которые заявляют о себе как о выразителях общественного мнения.

Доктор политических наук С.А. Мельков объясняет неопределенность позиции руководства России в отношении всех этих дискуссий за и против различных вариантов военных реформ особенностью той информационной картины,

которую имеет перед собой руководство: «Очевидно, что постоянное увеличение количества национальных ресурсов, выделяемых на оборону, должно приводить к росту результатов деятельности органов военного управления. По всей видимости, долгое время руководство нашего государства имело иную информацию, не позволяющую оценить действия органов военного управления как эффективные»⁵. Другой современный специалист по современным армейским проблемам, К.Л. Банников, в своем грантовом исследовании пишет: «На пути к переходу армии на профессиональную основу стоят не столько объективные социально-экономические проблемы, сколько сопротивление высших эшелонов военного командования»⁶.

Дело, однако, что тоже можно предположить, не в достоверности или недостоверности той или иной информации и не в косности военного руководства, а в том, что за этой информацией (что, в свою очередь, стимулирует и косность руководства) не стояло прежде и сегодня по-прежнему не стоит согласованной позиции сообщества аналитиков. Они стремятся представить руководству страны и армии целостную и непротиворечивую картину ситуации, дать рекомендации, реализуемые на практике, но это у них никак не получается.

Почему? Можно предложить объяснение причины такой неудачи. Самая очевидная причина, о чем уже упоминалось выше, состоит в том, что при теоретическом исследовании состояния военной среды как определенной системы социально-политических, правовых, экономических и культурных отношений обычно не учитывается разноуровневый, можно сказать – эклектический характер идентичности военных (где бок о бок сосуществуют идентичности советские, современные либеральные, корпоративные служебные и корпоративные бытовые). Все эти уровни связаны между собой. Но вопрос состоит в том, можно ли все эти связи, в силу их изначальной взаимной противоречивости, подвести под одну теоретическую модель? Это вопрос о том, насколько теоретически была эффективна стратегия выведения общей модели политической идентичности советского, российского военнослужащего, исповедовавшаяся многими отечественными исследователями в последнее время.

Перспективным видится теоретический ракурс, который был бы основан именно на признании этого конфликта ценностей, идей, стратегий поведения в политике и в быту, на работе нормой и концентрировал бы внимание исследователя именно на моментах этой конфликтности, выступающей наиболее очевидным стимулом к тому, чтобы военный человек, занятый службой и решением бытовых проблем, озабоченный необходимостью повышать свой образовательно-профессиональный

уровень и учить детей, проявил интерес к политике как первоисточнику многих этих проблем и в то же время способу их решения, то есть проявил интерес к активному политическому участию. Теоретический ракурс, который исходил бы из того, что именно благодаря внутренней противоречивости идентичности военнослужащих они как политические субъекты в течение всего периода современной российской модернизации сохранили устойчивость своей гражданской, патриотической и профессиональной позиции.

Такое изменение принципа организации теоретического ракурса исследования идентичностей военнослужащих способно решить еще одну проблему, связанную с необходимостью для политической науки понять идентичность не как статичную реальность, а как динамичный процесс, включенный в общий процесс эволюции политической культуры определенной общественной группы, военнослужащих в данном случае.

В определенной степени в пользу эффективности такого теоретического подхода свидетельствуют результаты современных проблем политической социализации российской молодежи в условиях модернизации. В частности, в докторской диссертации саратовского исследователя Э.В. Чекмарева на основе обобщения значительного социологического материала делается вывод: «Как субъект модернизационных преобразований современная молодежь быстрее, чем старшее поколение, адаптируется в меняющемся мире, не находится в антагонизме ни со старшим поколением, ни с властью. Основными ее характеристиками являются: свобода, инициативность, высокий уровень образования, амбициозность, устремленность в будущее, разумный консерватизм, желание видеть Россию великой мировой державой с демократическим устройством»⁷. Следует заметить, что в один ряд автором поставлены характеристики молодежной среды, которые можно считать если не взаимоисключающими, то вполне автономными, неорганичными друг другу. Эта неорганичность базовых характеристик политической культуры молодежной среды еще более заметна в другом суждении упомянутого исследователя: «В целом состояние духовно-нравственного потенциала признается автором как модернизационно-консервативное. В пользу модернизма свидетельствуют тяготение молодых людей к активистской политической культуре, свободе самовыражения, равенству граждан перед законом. Вместе с тем в духовном облике молодежи представлены такие консервативные идеи, как: уважение государства и порядка, образа великой России, ценности семьи, нации, традиций, религии»⁸.

В структуре сообщества людей, причастных к воинской службе, существенную долю составляют люди молодые, проходящие школу

первичной социализации. Можно предположить, таким образом, что внутренняя противоречивость общегражданских и профессионально-корпоративных основ политической идентичности военнослужащих в определенной мере воспроизводит общую ситуацию с политической идентичностью молодежи, в частности, тенденцию к стабилизации этих идентичностей за счет того, что противоречащие друг другу ценностные установки как бы уравнивают друг друга в ходе жизнедеятельности человека, побуждают его не делать однозначного выбора в пользу какой-либо однозначной жизненной стратегии, а проявлять свою идентичность в соответствии с требованиями конкретной политической, экономической, бытовой ситуации.

С другой стороны, есть справедливость в известной установке массового сознания, что «армия любого сделает человеком». Установка эта отражает тот достаточно заметный факт, что «размытость» идентичности военной среды гораздо менее выражена, чем это имеет место в молодежной среде в целом. Это позволяет поставить вопрос о существовании определенного механизма выравнивания дисбаланса разного рода идентичностей в военной среде, механизма, который можно представить себе в виде устойчивой системы морально-психологических, социально-политических и культурно-экономических конфликтов, которые в совокупности уравнивают друг друга настолько, что вся система идентичности, в принципе, выглядит более-менее устойчивой. Главное, что устойчивость такого пространства конфликтов создает для военнослужащего возможность адаптироваться к ним и использовать для такой адаптации правовые, культурные и экономические корпоративные технологии своей социальной и профессиональной среды. Возможно поэтому, что как раз вхождение молодого человека в военную среду и представляет собой самостоятельный процесс приведения прежних разрозненных и мало связанных между собой идентичностей в некую систему конфликтов. Образно говоря, два стиля повседневной жизни – военный и гражданский – настолько противоречат друг другу, что молодой человек в принципе не может сохранять аморфности своей идентичности, он вынужден внимательнее относиться к проблеме самоопределения в окружающем пространстве и в своей повседневности четче воспроизводить конфликты между идеями, нормами и принципами, традициями и убеждениями, которые он привнес из гражданской жизни и которыми живет военная среда. Инструментом не устранения этих противоречий, а именно приведения их в устойчивое состояние, при котором, например, несоответствие двух моральных норм воспринимается как вполне естественное, как то, что и определяет отличие человека военного от человека гражданского, инструментом выступает

организованное насилие в различных узаконенных и не узаконенных его формах.

Исследователь К.Л. Банников, чье авторитетное мнение по проблемам современной Российской армии уже было цитировано, вводит для определения свойств процесса перехода человека от гражданской идентичности к идентичности военнослужащего (то есть идентичности, по сути основанной на не противоречии норм и ценностей, обычно противоречащих друг другу) понятие «человеческий концентрат».

Необходимо отметить, что, если принять во внимание общий контекст авторских употреблений этого понятия, оно, это понятие, изначально лишено негативно-оценочного смысла, не направлено на умаление моральных и интеллектуальных способностей военнослужащих. Оно с позиций социальной антропологии обозначает структурные особенности и вытекающее из них то качество организации социальной среды, при котором ее внутренние связи претерпевают существенные изменения. А именно приходят в такое состояние, что вещи, прежде несовместимые в сознании индивида, начинают сосуществовать в виде элементов специфической системы.

«“Человеческий концентрат”, – пишет К.Л. Банников, – среда высокого внутреннего давления. Здесь межличностные отношения отличаются повышенной агрессивностью, а насилие утверждается в качестве института социальной коммуникации. Это оказывает существенное влияние на психику каждого из участников коммуникации и приводит к трансформации сознания. В современной Российской армии насилие представлено в двух уровнях одной системы социального контроля: 1) “механический” фактор консолидации (насильственный призыв); 2) “генетически” сформировавшаяся в условиях “механической” консолидации система статусных отношений (“дедовщина”). Обе направлены на подавление свободы личности, поэтому бытовое насилие и агрессия актуализируются как способ конкуренции и не столько за ресурсы жизнеобеспечения (необходимый минимум которых здесь положен каждому), но за средства самовыражения, в числе которых – право на переоформление всех единообразных элементов уставного жизнеобеспечения в разнообразных знаках и символах социальной иерархии. В результате в группах “механической” консолидации естественным образом складывается упорядоченная система доминантных отношений. В ходе этого процесса происходит идеологическое переосмысление бытового насилия. Осмысленное в социальной парадигме насилие составляет каркас системы ценностей в армии и, по закону апологии образа жизни социума, превращается в его идеологию, чем, наконец, формирует идентичность его членов»⁹. В категорию «механический фактор» правомерно, на наш взгляд, было бы включить и

насильственно предписываемую человеку, даже если это не солдат срочной службы, а контрактник или кадровый офицер, иерархию отношений начальствования и подчинения, своего рода «механику корпоративного существования», а также насильственно предписываемую логику приказно-исполнительских отношений. В целом можно сказать, что непротиворечивость вещей, которые должны были бы по своему внутреннему свойству противоречить друг другу, достигается внедрением насильственной механизации всей структуры корпоративных отношений в среде военнослужащих, и эта механистичность, вероятно, является одной из возможных позиций, с которых можно пытаться объяснить общие свойства идентичности военнослужащих вообще и их политической идентичности, в частности.

Можно предположить, что именно это вторжение насилия, совершенно организованного на уровне механики существования корпорации, интегрированной в российскую социально-политическую структуру, стремящуюся жить по диаметрально противоположным законам либеральной демократии, делает проблему самоидентификации военных столь актуальной для современной политической науки.

Примечания

- ¹ *Тараник С.А.* Социально-мобильный потенциал семьи офицера Вооруженных сил Российской Федерации (На примере семей офицеров новочеркасского гарнизона): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 3.
- ² *Куцёв Н.П.* Отношение офицеров Вооружённых сил России к перспективам военной службы // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210255650.pdf (дата обращения: 24 мая 2010 г.).
- ³ *Сабитов Р.* Этнические стереотипы во взаимоотношениях военнослужащих. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar-history.ru/voeniy.htm>. (дата обращения: 7 июня 2010 г.).
- ⁴ Как утверждает автор одного из недавних социологических исследований, «... военнослужащие считают, что “современное реформирование не способно качественно улучшить положение армии, поднять ее престиж”, поскольку требуется более комплексный подход. На данный момент осуществляется решение частных вопросов в материально-бытовой области, однако у большей части подрастающего поколения отсутствует понимание воинской чести, долга перед страной, патриотизма»/ (См.: *Якушина Н.В.* Социальный престиж современной российской армии // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (дата обращения: 24 мая 2010 г.).
- ⁵ *Мельков С.А.* В чем суть современного политического заказа к вооруженным силам России? // Материалы

III Всероссийского социологического конгресса (дата обращения: 24 мая 2010 г.).

- 6 Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002, [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.html> (дата обращения: 1 мая 2010 г.).

shtml (дата обращения: 1 мая 2010 г.).

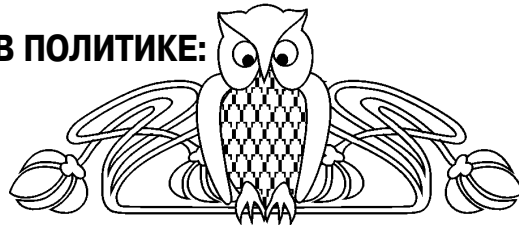
- 7 Чекмарев Э.В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 20.
- 8 Там же. С. 31.
- 9 Банников К.Л. Указ. соч.

УДК 321.015

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

На основе анализа существующих теоретических подходов к изучению трансформации политических институтов дается авторское видение адекватности используемых понятий. Автор указывает на ряд особенностей современных подходов к использованию зарубежного опыта строительства демократических политических институтов в незападных государствах.

Ключевые слова: политические институты, государственная власть, трансплантация институтов, заимствование институтов, современные политические процессы России.

Institutional Borrowing in Politics: Current Approaches

I.I. Kuznetsov

Based on analysis of existing theoretical approaches to the study of transformation of political institutions is given the author's vision of the adequacy of the concepts. The author points to several features of contemporary approaches to the use of foreign experience in the construction of the democratic political institutions, in non-Western states.

Key words: political institutions, political power, the transplantation of institutions, the borrowing institution, the modern political processes in Russia.

Среди терминов, используемых для обозначения процесса институциональной трансформации (и в некоторых случаях ее результата), широко применяются в политологической науке «импорт» и «трансплантация», в правовой – «рецепция». Экономические корни понятия «импорт» вполне очевидны. Хотя применимость данной категории в политологическом анализе вызывает вопросы. В экономическом словаре «импорт» раскрывается как «ввоз товаров, услуг, ценных бумаг и др. из-за границы для реализации на внутреннем рынке ввозящей страны»¹. При этом всегда указывается, что государство может как содействовать, так и препятствовать этому процессу различными способами (от таможенной и налоговой политики до реализации конкретных программ ограничения рынка и протекционизма) в зависимости от выбранной экономической стратегии. В таком

ракурсе импорт политических и правовых институтов представляется как целенаправленная деятельность государственной власти по насыщению политической и социальной системы такими установлениями, которые будут напрямую конкурировать с имеющимися традициями и нормами. Сторонники такой позиции (в основном экономисты, но не только они) полагают, что такая конкуренция желательна и необходима в силу потребностей интеграции отечественной экономики в мировую, формирования открытой политической системы: «само понятие “удачной реформы”, или модернизации, подразумевает, пусть и в неявном виде, удачный опыт копирования “западных” институтов - институтов рыночной экономики и правового государства, обеспечивающих выход на траекторию долговременного экономического роста за счет сочетания высокой устойчивости к политическим и экономическим шокам с высокой гибкостью, приспособляемостью к новым условиям хозяйствования»².

Термин «трансплантация», очевидно, имеет происхождение из медицинского дискурса, где означает: «(на средневековой латыни *trasplatio* — пересаживание) пересадка органов и тканей человека и животных. Как хирургический метод известна с глубокой древности. Используется трансплантация кожи, мышц, нервов, роговицы глаза...»³. В правовой литературе часто используется и ряд других терминов, которые наряду с предыдущим отражают сущность этого процесса: «донор», «реципиент», «трансплантант» и т.д. Здесь, на наш взгляд, имеет место скорее эксплуатация внешнего образа, поскольку такое метафоричное описание сложного процесса дает возможность представить основные его этапы и возможные последствия. Такое мнение поддерживает и российский исследователь П.В. Панов: «эта образная аналогия представляется весьма удачной, так как схватывает некоторое действительно имеющее место сходство между обществом и живым организмом»⁴. Российские либеральные

III Всероссийского социологического конгресса (дата обращения: 24 мая 2010 г.).

- 6 Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002, [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.html> (дата обращения: 1 мая 2010 г.).

7 Чекмарев Э.В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 20.

- 8 Там же. С. 31.

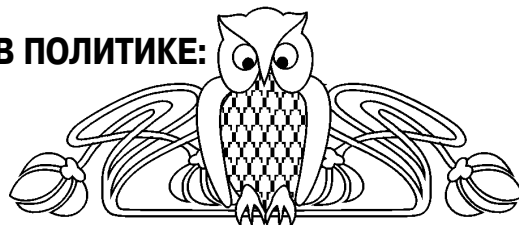
- 9 Банников К.Л. Указ. соч.

УДК 321.015

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

На основе анализа существующих теоретических подходов к изучению трансформации политических институтов дается авторское видение адекватности используемых понятий. Автор указывает на ряд особенностей современных подходов к использованию зарубежного опыта строительства демократических политических институтов в незападных государствах.

Ключевые слова: политические институты, государственная власть, трансплантация институтов, заимствование институтов, современные политические процессы России.

Institutional Borrowing in Politics: Current Approaches

I.I. Kuznetsov

Based on analysis of existing theoretical approaches to the study of transformation of political institutions is given the author's vision of the adequacy of the concepts. The author points to several features of contemporary approaches to the use of foreign experience in the construction of the democratic political institutions, in non-Western states.

Key words: political institutions, political power, the transplantation of institutions, the borrowing institution, the modern political processes in Russia.

Среди терминов, используемых для обозначения процесса институциональной трансформации (и в некоторых случаях ее результата), широко применяются в политологической науке «импорт» и «трансплантация», в правовой – «рецепция». Экономические корни понятия «импорт» вполне очевидны. Хотя применимость данной категории в политологическом анализе вызывает вопросы. В экономическом словаре «импорт» раскрывается как «ввоз товаров, услуг, ценных бумаг и др. из-за границы для реализации на внутреннем рынке ввозящей страны»¹. При этом всегда указывается, что государство может как содействовать, так и препятствовать этому процессу различными способами (от таможенной и налоговой политики до реализации конкретных программ ограничения рынка и протекционизма) в зависимости от выбранной экономической стратегии. В таком

ракурсе импорт политических и правовых институтов представляется как целенаправленная деятельность государственной власти по насыщению политической и социальной системы такими установлениями, которые будут напрямую конкурировать с имеющимися традициями и нормами. Сторонники такой позиции (в основном экономисты, но не только они) полагают, что такая конкуренция желательна и необходима в силу потребностей интеграции отечественной экономики в мировую, формирования открытой политической системы: «само понятие “удачной реформы”, или модернизации, подразумевает, пусть и в неявном виде, удачный опыт копирования “западных” институтов - институтов рыночной экономики и правового государства, обеспечивающих выход на траекторию долговременного экономического роста за счет сочетания высокой устойчивости к политическим и экономическим шокам с высокой гибкостью, приспособляемостью к новым условиям хозяйствования»².

Термин «трансплантация», очевидно, имеет происхождение из медицинского дискурса, где означает: «(на средневековой латыни *trasplatio* — пересаживание) пересадка органов и тканей человека и животных. Как хирургический метод известна с глубокой древности. Используется трансплантация кожи, мышц, нервов, роговицы глаза...»³. В правовой литературе часто используется и ряд других терминов, которые наряду с предыдущим отражают сущность этого процесса: «донор», «реципиент», «трансплантант» и т.д. Здесь, на наш взгляд, имеет место скорее эксплуатация внешнего образа, поскольку такое метафоричное описание сложного процесса дает возможность представить основные его этапы и возможные последствия. Такое мнение поддерживает и российский исследователь П.В. Панов: «эта образная аналогия представляется весьма удачной, так как схватывает некоторое действительно имеющее место сходство между обществом и живым организмом»⁴. Российские либеральные

экономисты в течение последнего десятилетия пережили определенную теоретическую эволюцию: от констатации пределов импорта институтов до выработки подходов к «выращиванию» своих собственных⁵. На этой основе предлагаются соответствующие направления исследований: «теория межсистемного переноса («трансплантации») институтов и теория внутрисистемных институциональных инноваций («выращивания» институтов)». Это, по мнению автора, защитившего докторскую диссертацию по проблемам институциональной экономики, позволит выявить «преимущества и недостатки импорта, имитации, трансфера, интервенции, реставрации, санации, модернизации, модификации, рекомбинации и других способов управляемого институтогенеза»⁶.

Все это в целом свидетельствует, на наш взгляд, о некотором смещении исследовательских позиций с анализа работы самих институтов, их истории, становления и развития на вопросы «конструирования» тех или иных институтов и их «оптимальных» конфигураций. Ярким примером в данной связи является работа А.Ю. Сунгурова, посвященная развитию института омбудсмена в России⁷. В зарубежной политической науке проблемы достижения «оптимальной конфигурации» институтов с использованием опыта развитых государств также активно изучаются. Так, например, в своем докладе о возможностях выработки оптимальной системы принятия решений для ЕС в контексте разработки Конституции Евросоюза Мадлен О. Хосли выдвигает понятие «гибкого конституционного дизайна»⁸. В основе подхода – использование теории «общественного выбора» Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, современных исследований в области принятия решений и опыта государств ЕС для выстраивания механизмов достижения «общей воли» в сложной ситуации равновесного состава «общей Европы» («старые» и «новые» члены ЕС). Наличие существенных трудностей на пути выстраивания оптимальной модели «единой Европы» очевидно как для европейских политологов, так и для самих граждан государств-членов ЕС, что продемонстрировали результаты референдумов по Конституции ЕС во Франции и Нидерландах в 2005 г. Эти проблемы связаны с тем, что ЕС является конгломератом отдельных государств и одновременно использует элементы федерализма, возводя единую политическую структуру и формируя европейскую идентичность. Такие сложные задачи диктуют постоянный институциональный поиск оптимальных форм согласования интересов «старой» и «новой» Европы, экономических гигантов и карликов⁹.

Европейская традиция изучения политических институтов все более тяготеет к интеграции с экономическими исследованиями. Известный российский исследователь-международник П.А. Цыганков отмечает, что на XVI ежегодном конгрессе Европейской экономической ассоциа-

ции, состоявшемся в августе-сентябре 2001 г. в Лозанне, секция «Политическая экономия» рассматривала такие темы: как влияют конституции развитых демократических государств Европы на процесс формирования правительств и их стабильность в процессе европейской интеграции или как закрепленные в конституциях ведущих стран Запады избирательные процедуры влияют на размеры правительств и эффективность их деятельности. Автор констатирует, что российские исследователи серьезно отстали в данном направлении, хотя сами эти темы, безусловно, важны для понимания современной ситуации и перспектив развития России и возможностей ее органов исполнительной власти эффективно осуществлять свои полномочия¹⁰.

Представляет особый интерес отдельное направление в западной политической науке, которое рассматривает не только возможности использования, но и конкретные формы воплощения западных политических и правовых институтов в тех странах, которые сравнительно недавно пережили гражданскую войну или встали на путь «переучреждения» государственности. Так, например, в работе Кристи Самуэльса «Строительство государства и конституционный дизайн после конфликта» на примере нескольких государств, послуживших объектами исследования в рамках всего научного проекта «State-building Program», выполненного International Peace Academy (IPA), – Босния и Герцеговина, Фиджи, Ливан, Северная Ирландия, ЮАР и Уганда¹¹. В данном случае рассматриваются конкретные формы разделения властей и модели сдержек и противовесов, закрепление которых в конституции могло бы, по мнению автора, стабилизировать политический процесс. Кроме того, анализируются возможности реализации оптимальных моделей избирательного процесса. Проекция этого опыта на «постконфликтные» Ирак и Афганистан заявляется как один из возможных практических ракурсов дальнейшего исследования проблемы¹². Аналогичный подход реализован в большой программной статье в «Гарвардском правовом обозрении». Здесь рассматривается сложный процесс взаимодействия контртеррористических (военных и специальных полицейских) операций и действий по формированию новой администрации, нового политического режима в целом¹³. Вообще в американской политологии есть устойчивое научное мнение о необходимости изучения роли США в становлении наций-государств, использовании институтов поддержки демократии, формировании современных конституционных и политических систем¹⁴. В обширной монографии, выпущенной под эгидой корпорации РЭНД, предметно рассматриваются основные этапы и особенности государственного строительства в условиях после силового «демонтажа» предыдущего режима¹⁵. Особое внимание уделяется конструированию современных политических институтов и «демократизации» как

единственному средству «оставить общество в мире с самим собой и своими соседями»¹⁶. Общий смысл этого «руководства по строительству наций» сводится к последовательности действий и поддержке местных инициатив по развитию демократии и самоуправления в рамках современного понимания эффективности политических институтов.

Весьма интересный подход к конструированию институтов демонстрирует известный политолог Эндрю Рейнолдс. В своей статье о «конституционной медицине» (что по смыслу в более четком переводе может звучать как «лечение посредством конституции») он исследует так называемую конституционную инженерию в постконфликтных ситуациях (в Афганистане, Ираке и Судане)¹⁷. Его подход к изучению возможностей демократического дизайна для урегулирования конфликтов в хрупких и разделенных обществах базируется на возможности использования медицинской практики диагностики и лечения сложных заболеваний. Рейнолдс утверждает, что разработка конституции для стабилизации государства очень похожа на лечение больного и имеет, по сути, схожие этапы (весь медицинский цикл от сортировки больных по соответствующим отделениям и оказания экстренной медицинской помощи до планомерного лечения и долгосрочного поддержания здоровья). В этом контексте «трансплантация институтов» выглядит как реальная возможность замены функциональных механизмов общественно-политического управления в случае «неизлечимости» имеющихся или их стойкой дисфункции. В этой связи автор указывает на необходимость учитывать различные этапы демократического развития государства и общества с тем, чтобы адаптировать политические институты к насущным потребностям. Весьма интересен тезис о том, что в конституции все институты должны быть соответствующим образом совмещены, чтобы не вызывать «отторжения» и дать «пациенту» стабилизироваться, «выздороветь», развивая демократию. На наш взгляд, такой подход очень красноречиво отражает стремление некоторых западных государств активно участвовать в формировании лояльных и подконтрольных политических режимов в большей степени, чем заботиться о становлении действительно эффективного национального государства в том или ином регионе политической нестабильности.

По-видимому, понимая всю остроту проблемы «продвижения демократии» в мире и ответственности США за этот процесс, известный американский политолог Томас Карозерс выпустил работу с подведением итогов разрушительной политики Дж. Буша-младшего¹⁸. По мнению этого автора, для новой администрации являются актуальными вопросы восстановления доверия к демократии вообще и к США как «промоутеру» (в данном контексте это понятие можно перевести по аналогии с использованием его в шоу-бизнесе как

«продвигающий» или «раскручивающий») этого процесса¹⁹. Однако, как отмечает Т. Карозерс, данный призыв не должен быть идеалистичным, поскольку, оставаясь верными самой демократии как глобальной идее, американцы должны понимать, что ее распространение в рамках т.н. «третьей волны» — лишь эпизод истории. Это состояние характеризовалось следующими признаками:

- демократизация являлась естественным процессом, этот импульс распространялся по всему миру в силу основных структурных факторов (экономический рост и распространение политической свободы);

- не было существенных конкурентов западной либеральной демократии, никакой другой политической идеологии или типа политической системы, претендующих на мировое влияние;

- рыночные реформы стимулировали динамику мировой экономики, содействовали глобальной демократизации;

- сама глобализация воспринималась и являлась по сути скорее вестернизацией, что также способствовало распространению демократии;

- Соединенные Штаты являются естественным лидером или, по крайней мере, играют преобладающую роль в продвижении демократии²⁰.

В настоящее время эти постулаты уже не работают, заметны иные тенденции, которые необходимо учитывать:

- количественный рост демократий замедлился (по данным изучения так называемых «электоральных демократий», то есть всех, где проходят выборы, пусть даже и номинальные);

- остро стоит вопрос консолидации демократии в нестабильных режимах и нет уверенности в том, что количество случаев демократических завоеваний перевесит число авторитарных трансформаций;

- экономическое развитие Китая и России, где существуют недемократические режимы, может проецироваться на другие регионы мира (Центральную Азию, Ближний Восток), формировать соответствующие ориентиры у национальных элит и ожидания граждан;

- высокие цены на нефть и газ в совокупности с разочарованием населения многих государств от либеральных экономических реформ препятствуют дальнейшей демократизации;

- процесс глобализации уже не связывается только с распространением западных социальных и политических ценностей, а авторитарные режимы с успехом научились имитировать западные усилия по распространению демократии.

Последний тезис обращает внимание на то, что американское лидерство в процессе «продвижения демократии» оспаривается как раз теми государствами, которые в обозримой перспективе будут считаться (исходя из реалистического подхода) наиболее вероятными соперниками США – Китай и Россия. Все это заставляет американцев искать более гибкие и менее разрушительные

средства для восстановления роли своей державы в мире, придания позитивного образа политике США. Именно в этом контексте звучат призывы Т. Карозерса обратить внимание на состояние демократии внутри США, прислушаться к предложениям ряда правозащитных организаций («Хьюман райтс уотч» и Американского Союза гражданских свобод). Среди необходимых мер могут быть: запрет пыток в законодательстве и практике, закрытие секретных тюрем ЦРУ (конкретно – тюрьмы Гуантанамо), запрет чрезвычайной выдачи, ужесточение определения «вражеского комбатанта» и др.²¹. В конечном итоге такой подход, по мнению автора, сможет изменить сложившийся силовой стиль американской политики и негативный имидж страны-агрессора.

Вопрос о влиянии именно американской версии дизайна политических институтов на развитие «новых демократий» ставился в науке неоднократно. Но в основном он рассматривался сквозь призму особенностей реализации президентской республики как формы правления. Как правило, исследователи отмечают ограниченные возможности использования американского конституционного и политического опыта, особенно в части реализации принципа разделения властей и «сдержек и противовесов»²². Обычно указывают на то, что в США помимо уникального исторического опыта функционирования демократии существуют и так называемые «паконституционные основания», выражающиеся в опоре на ценности либеральной демократии и поддержании духа свободы как главной идеологии мира. Отечественные авторы видят корни стабильности американской политической системы в особом положении законодательной власти: «Не исключено, что стабильность президентской системы США обусловлена уникальной законодательной структурой, составляющей сердцевину этой системы. Некоторые специфические качества Конгресса позволяют американской политической системе избегать нестабильности, которая присуща другим президентским системам. Более того, Конгресс может содействовать укреплению политической стабильности посредством сдерживания сил, требующих изменений, путем поощрения политической «отзывчивости» и расширения подотчетности исполнительной ветви власти, да и сам Конгресс может проявлять «отзывчивость» хотя бы чисто символически. Устойчивая стабильность президентской системы США вопреки частым тупиковым ситуациям является продуктом политической среды, характеризующейся, как и во времена после ратификации Конституции, слабым политическим участием и умеренными политическими требованиями»²³.

Заимствование политических и правовых институтов США стало достаточно типичным вследствие процессов глобализации, как пишет известный российский правовед В.И. Лафитский.

Он отмечает, что, как правило, не инкорпорация норм международного права является главным инструментом воздействия глобализации на конституционный строй, а, скорее, «заимствование или рецепция конституционных моделей других государств»²⁴. При этом заимствуются не только базовые принципы конституционного строя: верховенство права, разделение властей, федерализм, но и частные решения по организации власти и регулированию экономических отношений. Именно то, что касается экономики, представляет особый интерес, поскольку здесь, в сфере регулирования экономического развития, решения глобальных задач по распространению влияния американских корпораций, открытия новых товарных, сырьевых и финансовых рынков лежат основные интересы по «продвижению» и «содействию демократии»²⁵.

В работе известного американского политолога, специалиста по транзитам, профессора Стэнфордского университета и сотрудника Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy) Лари Даймонда делается особый упор на то, что продвижение «демократии» в постконфликтных государствах (для примера в статье отмечаются, помимо Ирака, Босния и Герцеговина, Ангола) не является изначально ущербным делом. Наоборот, автор уверен, что внимательный учет местных социокультурных особенностей, этнического и религиозного факторов и координация усилий с международными организациями (главным образом ООН) способны в длительной исторической перспективе принести важные результаты. Особое внимание уделяется деятельности по подготовке и проведению свободных общенациональных выборов, формированию коалиций поддержки демократических реформ на базе некоммерческих гражданских организаций и т.д.²⁶ Опыт такого «урегулирования» в Ираке сделал анализ более осторожным, но не снял самой парадигмы «содействия демократии» с повестки дня²⁷. Все это в целом отражает типичный подход для американской политической доктрины «продвижения демократии», но и достаточно определенный научный ракурс. Последний выражается в том, что «промоутеры» демократии исходят из собственного представления о дальнейшей политической и социально-экономической перспективе развития той или иной страны, тем самым фактически серьезно упрощая сложную ситуацию после гражданской войны или оккупации.

Внимательно относиться к институциональным заимствованиям призывал известный американский политолог Питер Ордешук. Указывая на опыт принятия российской Конституции 1993 г., он обозначил существование проблемы ее эффективности в связи с ограничением возможностей учета мнения большинства политических акторов и появления на политической арене фактора силы и прямого давления²⁸.

Европейские авторы, обращавшиеся к проблеме институционального переноса, отмечают: «институциональная трансплантация включает в себя сознательное стремление изменить существующие институты и заменить или дополнить их новыми институтами, заимствованными из других стран или из другого контекста»²⁹. В данном определении присутствует фиксация рационального подхода к новациям в сфере институтов, что позволяет оперировать в изучении специфики этого процесса понятиями интересов и стратегий политических акторов, производить расчеты возможных выгод и издержек конкретных институциональных решений. В работе Джона Элстера, Клауса Оффе и Ульриха Пройса рассматривается проблема институционального дизайна в контексте посткоммунистических трансформаций в Восточной Европе³⁰. Авторы указывают на особую сложность процесса трансформации политических институтов в связи с тем, что перед этими государствами стояла тройная задача «перехода» (от авторитаризма к демократии, от плановой социалистической экономики к либеральному рынку и от авторитарного социально-экономического существования к интеграции в мировую экономику). Именно поэтому построение нового государства и общества, по меткому выражению Клауса Оффе, выглядит как «перестройка корабля в открытом море».

Масштаб и неоднозначность институциональных изменений в постсоциалистических государствах связаны с тем, что решение указанных задач «перехода» происходит одновременно и порождает значительные противоречия. Формирование рыночной экономики и демократической политической системы сопряжено с учреждением новой социальной группы – предпринимателей, бизнесменов. По мнению К. Оффе, рынок способствует развитию демократии, а не демократия – созданию рынка. Кроме того, как известно, в целом ряде государств развитые рыночные отношения не привели до сих пор к становлению полноценного демократического общества (Китай, Тайвань, Сингапур, Южная Корея). В этих странах оформились различные разновидности авторитарных режимов, которые относительно стабильны³¹. Таким образом, развитое рыночное общество лишь до определенной степени формирует условия для того, чтобы демократия стала оптимальным способом согласования интересов и достижения консенсуса.

Клаус Оффе данную дилемму формулирует так: «правовая и представительная политическая система станет адекватной и воспроизводящей легитимность только тогда, когда уже достигнута определенная ступень автономного экономического развития»³². Так, экономическая система, которая возникает в постсоциалистических странах, получает у К. Оффе наименование «политический капитализм». Этот вариант капитализма насаждается реформаторской элитой, в отличие от аутентичного западного образца, движущим мотивом которого становится заинтересованность

всего общества в эффективном экономическом механизме. Многочисленные проблемы, связанные с социальными издержками монетаристских технологий экономических реформ, создают серьезные трудности для поддержки и легитимации преобразований. Таким образом, в случае, если ни демократия, ни рынок не будут желаемыми для большинства населения, то, по выражению К. Оффе, «мы имеем дело с “ящиком Пандоры”, полным парадоксов, перед которыми капитулирует любая “теория” перехода»³³. Необратимость демократического развития будет гарантирована при условии, что вынужденные приспособляться к новому социально-экономическому положению граждане имеют достаточный запас терпения и оптимизма, для того чтобы наконец дожидаться позитивных итогов преобразований. При этом их уверенность в правильности избранного политическим классом вектора будет в какой-то мере зависеть и от того, как подается в общественное сознание импорт институтов, «трансплантация» или заимствования.

Таким образом, в отношении заимствований, «трансплантаций» и даже «выращивания» политических институтов следует проявлять особую осторожность. Использование медицинских и экономических подходов к объяснению сложного и неоднозначного по используемым инструментам и достигаемому результату процесса вполне приемлемо лишь как теоретический ракурс. Однако необходимо учитывать, что в политической деятельности наряду с рациональным аспектом, четкой фиксацией интересов и стратегий постоянно присутствует субъективное измерение. Оно связано с политическим сознанием, политико-психологической мотивацией, ожиданиями, установками и стереотипами как лиц, принимающих решения, так и массового социального субъекта. Все это в конечном итоге может серьезно «поправить» стратегию и расчеты «хирурга-трансплантолога», нарушить его внутреннюю уверенность, равновесие, профессионализм и привести к нежелательным последствиям (в медицине – до летального результата). Это ставит на первый план в изучении процесса институциональных нововведений те особенности политического организма «реципиента», исторического, культурного опыта существования политической системы, которые могут решающим образом повлиять как на саму операцию «вживления» или «имплантирования», так и на дальнейшее политическое развитие. Причем, как показывает опыт нынешнего институционального строительства демократии США в Ираке и Афганистане, влияние это обоюдное. Страна-«донор» подвергается политическому риску нести бремя ответственности за неудачи и их последствия, обеспечивать определенные гарантии тем, кто реализовывал полномасштабные программы помощи становлению «демократии» (как среди

американских граждан, так и тех, кто живет непосредственно в этих государствах).

Примечания

- ¹ Экономический толковый словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econom.freecopy.ru/search.php> (дата обращения: 25.11.2008). Аналогичное определение содержит Большая Советская энциклопедия: «Импорт (англ. import, от лат. import-to – ввожу), ввоз товаров из-за границы для реализации их на внутр. рынке ввозящей страны; противоположен вывозу товаров – экспорту». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bse.freecopy.ru/print.php?id=33803> (дата обращения: 25.11.2008).
- ² Мау В.А., Яновский К.Э., Наставишев Д. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. М., 2003. С. 6.
- ³ Современная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic/10068> (дата обращения: 15.11.2009).
- ⁴ Панов П.В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М., 2006. С. 66.
- ⁵ См. напр.: Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М., 2005.
- ⁶ Фролов Д.П. Основные направления развития институциональной экономики в современной России: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Волгоград, 2009. С. 46.
- ⁷ Сунгуров А.Ю. Как перейти от импорта и трансплантации к выращиванию новых для России институтов? (Из опыта появления и развития институтов Уполномоченного по правам человека и Конституционного (Уставного) суда в субъектах РФ) // Текст докл. на IV Всерос. конгр. политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке». Москва. 20–22 октября 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strategy-spb.ru> (дата обращения: 15.12.2007).
- ⁸ Hosli M.O. The Flexibility of Constitutional Design. Enlargement and the Council of the European Union // *Reihe Politikwissenschaft / Political Science Series 97*. Institute for Advanced Studies. Vienna, 2004. P. 5–12.
- ⁹ См.: Сумленный С. Государство без войны. Интервью с немецким политологом Дирком Берг-Шлоссером // Эксперт. 2008. 17 ноября. № 45 (634).
- ¹⁰ См.: Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005. С. 336.
- ¹¹ См.: Samuels K. State-building and Constitutional Design after Conflict // IPA REPORT. 2006. June. 23 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odi.org.uk/events/states_06/18thmay/presentations/20samuels.pdf (дата обращения: 15.12.2007); *Idem*. Post-Conflict Peace-Building and Constitution-Making // *Chicago J. of Intern. Law*. 2006. Winter. Vol. 6, № 2. P. 1–19.
- ¹² *Ibid.* P. 3.
- ¹³ См.: Counterinsurgency and constitutional design // *Harvard Law Review*. 2008. Vol. 121. P. 1622–1643.
- ¹⁴ См.: *Dobbins J. et al.* America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq. Santa Monica, RAND. 2003.
- ¹⁵ См.: *Dobbins J., Jones S.G., Crane K., Degrasse B.C.* The beginner's guide to nation-building. Santa Monica, RAND, National Security Research Division, 2007.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 23.
- ¹⁷ См.: *Reynolds A.* Constitutional Medicine // *J. of Democracy*. 2005. Jan. Vol. 16, № 1. P. 54–68.
- ¹⁸ См.: *Carothers Th.* U.S. Democracy Promotion During and After Bush / Carnegie Endowment for International Peace. Washington, 2007.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 19–20.
- ²⁰ *Ibid.* P. 22.
- ²¹ *Ibid.* P. 23.
- ²² См.: *Arato A.* The New Democracies and American Constitutional Design // *Constellations*. 2000. Sept. Vol. 7. P. 316–340.
- ²³ Общая и прикладная политология: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М., 1997. С. 530.
- ²⁴ Лафутский В.И. Механизмы воздействия процессов глобализации на конституционный строй // Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя (состояние и перспективы российского конституционализма на общемировом фоне): Междунар. исследование. Конституционный вестник. 2008. № 1(19). С. 311.
- ²⁵ К этому комплексу условий обычно добавляют старый тезис о том, что демократии «не воюют друг с другом», что, по-видимому, должно являться обоснованием соответствующих стратегий в сфере глобальной и региональной безопасности. См. напр.: Кулагин В.М. Международная безопасность. М., 2006; *Он же*. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный *Pax Democratica*? Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития // *Полис*. 2000. № 1; *Вельцель К., Ингелхарт П.* Как развитие ведет к демократии // *Россия в глобальной политике*. 2009. Май – июнь. № 3. Критики этой теории см.: *Сингер Д. Дж.* Нормы здорового общества – вот необходимые стандарты // *Русский журнал – Тема недели*. 2009. Сент. № 21. С. 17–19; *Колеров М.* Комикс о «невоюющих демократиях» // Там же. С. 17.
- ²⁶ См.: *Diamond L.* Promoting Democracy in Post-Conflict and Failed States: Lessons and Challenges // *Taiwan J. of Democracy*. 2006. Vol. 2, № 2. 93–116.
- ²⁷ См.: *Diamond L.* Building Democracy After Conflict: Lessons from Iraq // *J. of Democracy*. 2005. January Vol. 16. P. 9–23.
- ²⁸ См.: *Ordeshook P.* Constitutions for new democracies: Reflections of turmoil or agents of stability? // *Public Choice*. 1997. № 90. P. 55–72.
- ²⁹ *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions / Ed. by M. de Jong, K. Laleni and V. Mammadouh.* Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 283.

- ³⁰ См.: Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea / Ed. by R.E. Goodin, Theories of Institutional Design. Cambridge. Cambridge University Press, 1998.
- ³¹ Ворожейкина Т.Е. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Тез. выступ. на конф. «Российские альтернативы». (Пятое Ходорковские чтения). 8 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2009/12/12/>

vorozheykina.htm (дата обращения: 25.12.2009).

- ³² Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб.; М.; Берлин, 2003. С. 11.

³³ Там же. С. 15.

УДК 321:342.4

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

С.Г. Сергеев

Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина
E-mail: vestnik@pags.ru

Предметом рассмотрения является прозрачность внеконституционных политических институтов. Автором представлены правовые положения и дана аналитическая характеристика политическим особенностям их применения в проекции на проблему прозрачности указанных институтов.

Ключевые слова: внеконституционные политические институты, государственное управление, правовое регулирование, прозрачность.

Transparency of Extraconstitutional Political Institutions: Peculiarities of Legal Regulation and Implementation

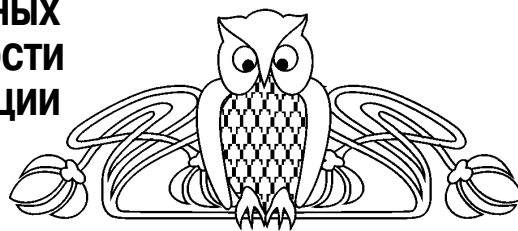
S.G. Sergeev

Transparency of extraconstitutional political institutions is considered. Legal provisions are represented and analytical description of the political peculiarities of their application in projection on the issue of transparency of these institutions is given.

Key words: extraconstitutional political institutions, public management, legal regulation, transparency.

Одним из основополагающих качеств современных демократических систем является прозрачность их структур и институтов, а также основных процедур, имеющих не только публичное значение, но даже и частно-гражданское содержание.

Главное функциональное предназначение прозрачности исследователям, экспертам и чиновникам видится в нормативном и процедурном препятствовании коррупции. Именно в таком контексте она разрабатывается и внедряется в деятельность органов управления и должностных лиц, в первую очередь – связанных с государством. В мировой и отечественной практике имеются широко известные позитивные примеры непосредственной реализации идей прозрачности, например национальные программы «электронно-

го правительства». Но за таким «утилитарным» воплощением прозрачности зачастую забывается ее высокое предназначение – служить гарантом подотчетности государства обществу.

Проблематика прозрачности государственных органов активно разрабатывается в рамках политической, юридической, управленческой наук, в каждой из них раскрываясь своими специфическими сторонами. Прозрачность чаще всего понимается как «прозрачность» или «открытость» органов, институтов, процедур. Однако, на наш взгляд, в политологическом измерении прозрачность включает в себя две определяющие и неразрывно между собой связанные составные части: *доступность для общественного контроля* в обязательной совокупности с *последующей возможностью общества легально влиять на органы, институты или процедуры, связанные с принятием властных решений*. В таком случае можно говорить о демократическом характере общества и государства в той трактовке, которая считается классической¹.

В современной российской политической системе в последнее десятилетие наметилась неоднозначная, но очевидная тенденция реформирования институционального дизайна. Одной из ее сторон выступает создание на различных уровнях государственного управления (понимаемого как управление делами общества со стороны государства) *внеконституционных политических институтов*². Они несут в себе и черты сходства с конституционными институтами, и черты, качества, сущностные характеристики, принципиально отличающие их от институтов, предусмотренных Основным Законом России. В связи с этим представляется важным рассмотреть, предъявляются ли требования прозрачности к

- ³⁰ См.: Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea / Ed. by R.E. Goodin, Theories of Institutional Design. Cambridge. Cambridge University Press, 1998.
- ³¹ Ворожейкина Т.Е. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Тез. выступ. на конф. «Российские альтернативы». (Пятое Ходорковские чтения). 8 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2009/12/12/>

vorozheykina.htm (дата обращения: 25.12.2009).

- ³² Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории: Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб.; М.; Берлин, 2003. С. 11.

³³ Там же. С. 15.

УДК 321:342.4

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

С.Г. Сергеев

Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина
E-mail: vestnik@pags.ru

Предметом рассмотрения является прозрачность внеконституционных политических институтов. Автором представлены правовые положения и дана аналитическая характеристика политическим особенностям их применения в проекции на проблему прозрачности указанных институтов.

Ключевые слова: внеконституционные политические институты, государственное управление, правовое регулирование, прозрачность.

Transparency of Extraconstitutional Political Institutions: Peculiarities of Legal Regulation and Implementation

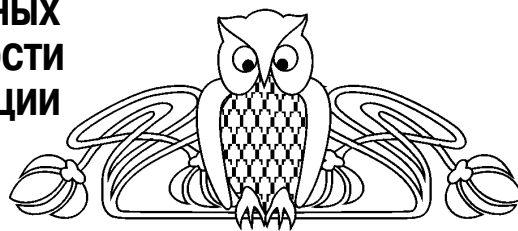
S.G. Sergeev

Transparency of extraconstitutional political institutions is considered. Legal provisions are represented and analytical description of the political peculiarities of their application in projection on the issue of transparency of these institutions is given.

Key words: extraconstitutional political institutions, public management, legal regulation, transparency.

Одним из основополагающих качеств современных демократических систем является прозрачность их структур и институтов, а также основных процедур, имеющих не только публичное значение, но даже и частно-гражданское содержание.

Главное функциональное предназначение прозрачности исследователям, экспертам и чиновникам видится в нормативном и процедурном препятствовании коррупции. Именно в таком контексте она разрабатывается и внедряется в деятельность органов управления и должностных лиц, в первую очередь – связанных с государством. В мировой и отечественной практике имеются широко известные позитивные примеры непосредственной реализации идей прозрачности, например национальные программы «электронно-

го правительства». Но за таким «утилитарным» воплощением прозрачности зачастую забывается ее высокое предназначение – служить гарантом подотчетности государства обществу.

Проблематика прозрачности государственных органов активно разрабатывается в рамках политической, юридической, управленческой наук, в каждой из них раскрываясь своими специфическими сторонами. Прозрачность чаще всего понимается как «прозрачность» или «открытость» органов, институтов, процедур. Однако, на наш взгляд, в политологическом измерении прозрачность включает в себя две определяющие и неразрывно между собой связанные составные части: *доступность для общественного контроля* в обязательной совокупности с *последующей возможностью общества легально влиять на органы, институты или процедуры, связанные с принятием властных решений*. В таком случае можно говорить о демократическом характере общества и государства в той трактовке, которая считается классической¹.

В современной российской политической системе в последнее десятилетие наметилась неоднозначная, но очевидная тенденция реформирования институционального дизайна. Одной из ее сторон выступает создание на различных уровнях государственного управления (понимаемого как управление делами общества со стороны государства) *внеконституционных политических институтов*². Они несут в себе и черты сходства с конституционными институтами, и черты, качества, сущностные характеристики, принципиально отличающие их от институтов, предусмотренных Основным Законом России. В связи с этим представляется важным рассмотреть, предъявляются ли требования прозрачности к

внеконституционным политическим структурам, обладают ли последние признаками транспарентности и каковы формы и специфика реализации транспарентности внеконституционных политических институтов.

Полученные данные позволят уточнить политическое предназначение и особенности функционирования внеконституционных образований в политической системе Российской Федерации. При этом методологическое значение в проекции на раскрываемую нами тематику имеет утверждение М. Паренти, согласно которому «значение системы государственного управления заключается в конечном итоге не в ее структуре как таковой, а в том, что она делает и как ее политика оказывает влияние на людей внутри страны и за рубежом»³.

К важнейшим внеконституционным политическим образованиям, созданным на федеральном уровне властного управления, относятся: федеральные округа, Государственный совет Российской Федерации, Совет законодателей, Общественная палата Российской Федерации. Их деятельность регулируется различными по своей юридической природе и силе нормативно-правовыми актами, анализ которых дает возможность сделать выводы о юридической предусмотренности транспарентности указанных структур. В сочетании с осмыслением политической практики функционирования внеконституционных институтов это позволит определить степень корреляции правового регулирования и политических реалий в оценке деятельности рассматриваемых структур.

В первую очередь необходимо отметить, что конституционные институты, учредившие внеконституционные структуры, сделали первый необходимый шаг к обеспечению транспарентности последних: нормативно-правовые акты, определяющие деятельность внеконституционных образований, находятся в свободном доступе. Однако в содержательном и, следовательно, качественном отношении регулирующие транспарентность внеконституционных политических институтов правовые нормы в достаточной степени разнятся. Поэтому представляется оправданным рассматривать отдельные примеры внеконституционных образований, выделяя их общие и специфические черты, отраженные в соответствующих нормативно-правовых актах и характеризующие транспарентность анализируемых институтов.

Федеральные округа, учрежденные в мае 2000 г.⁴, – весьма специфический пример внеконституционного образования. Собственно, отдельно взятый федеральный округ являет собой внеконституционный вид вновь учрежденной административно-территориальной единицы и, соответственно, промежуточный (суб- или макрорегиональный) уровень государственного управления.

Исследовать транспарентность территориального образования невозможно по определе-

нию. Однако в данном случае мы имеем дело с политико-управленческим феноменом, включающим в себя два неразрывных элемента – территориальное образование (федеральный округ) и должностное лицо (полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе). Именно в отношении полномочного представителя Президента в федеральном округе возможен формально-юридический и политологический анализ транспарентности.

Текстуально указ Президента Российской Федерации не содержит каких-либо норм, непосредственно говорящих о желательности, приемлемости или обязательности начал общественного контроля в отношении полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе. Этот федеральный государственный служащий целиком и полностью подконтролен главе государства и частично – руководителю президентской Администрации.

Вместе с тем в указе имеется ряд положений, которые в процессе своей реализации способствуют образованию и развитию опыта транспарентности. В частности, к функциям полномочного представителя отнесено то, что в пределах соответствующего федерального округа он:

- разрабатывает *совместно* с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации программы социально-экономического развития территорий;
- *принимает участие* в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления;
- организует по поручению Президента Российской Федерации проведение *согласительных процедур* для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- *согласовывает* кандидатуры атаманов войсковых казачьих обществ, избранных высшими представительными органами управления этих казачьих обществ.

Осуществление указанных функций *вынуждает* полномочного представителя главы государства к некоторой публичности, открытости, взаимодействию с иными акторами, стоящими во властной иерархии на более низких ступенях. Кроме того, указом Президента РФ предусмотрено право полномочного представителя «направлять на рассмотрение федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, руководителей организаций, находящихся в пределах федерального округа, и должностных лиц жалобы и обращения граждан», а также «образовывать совещательные и консультативные органы». Косвенным образом все это способствует развитию политических

практик транспарентности изначально нетранспарентного института.

Государственный совет Российской Федерации был создан указом главы государства в сентябре 2000 г.⁵ Казалось бы, по самой своей природе данный *совещательный* орган, в котором призваны согласовываться федеральные и региональные интересы, «обречен» на транспарентность. Подтверждением тому служит и многократно апробированная политическая практика: изначально деятельность Государственного совета широко освещалась в средствах массовой информации, а его члены охотно делились с общественностью своими впечатлениями от работы органа. Тем более поразительным может показаться тот факт, что Положение о Государственном совете не предусматривает *даже косвенных* требований или признаков транспарентности регламентированного института.

Таким образом, имеющиеся (хотя, на наш взгляд, достаточно заметные и значимые) *элементы* транспарентности Государственного совета существуют «де факто», а не «де юре». Это говорит в пользу того, что очевидная ограниченная транспарентность данного органа не гарантирована ни правовым (через юридическую регламентацию деятельности), ни политическим (через задействованные политические механизмы и процедуры формирования и функционирования) образом, а является следствием «доброй воли учредителя».

Образованный постановлением Совета Федерации в 2002 г. Совет законодателей⁶ стал своеобразным политически симметричным ответом законодательной ветви власти на учреждение Государственного совета. Однако, в отличие от Положения о Государственном совете, Положение о Совете законодателей несет в себе хотя и не прямые указания, но, тем не менее, нормативно закреплённые позиции, способствующие определенной степени транспарентности регулируемого института. К ним, в частности, можно отнести:

- закрепление задачи *содействия распространению* опыта законотворческой деятельности, а также правоприменительной практики в Российской Федерации;

- предусмотрение возможности *приглашать на заседания представителей научных учреждений и организаций*;

- допустимость оформления решений органа в форме не только рекомендаций или предложений, но также *заявлений и обращений*;

- отнесение к ведению президиума *организации консультаций, семинаров, конференций*, а также осуществления *контактов с региональными парламентскими ассоциациями и сотрудничества с международными организациями* по вопросам законодательного процесса и взаимодействия законодательных органов.

Нельзя не отметить, что, как и в случае с полномочным представителем Президента РФ

в федеральном округе, никаких императивных норм, предусматривающих отчетность органа перед обществом или процедур общественного воздействия на Совет законодателей, в регламентирующем документе не содержится. Следовательно, любые формы транспарентности в данном случае являются не обязательными, а пределы транспарентности института им же самим и определяются. Таким образом, подотчетность Совета законодателей обществу, если таковая возникает, носит не целеположенный и запрограммированный, а *случайный* и (или) *избирательный* характер.

В отличие от всех представленных выше внеконституционных политических образований, Общественная палата Российской Федерации по своей сути изначально была предназначена стать органом, *функционально и институционально обеспечивающим транспарентность государственных структур*. Более того, только этот не предусмотренный Конституцией РФ политически значимый институт был «удостоен» регулирования федеральным законом⁷, а инициатива его создания исходила от главы государства и была озвучена в 2004 году. Юридически же формирование Общественной палаты состоялось в 2005 году.

К важнейшим положениям упомянутого федерального закона уже традиционно относится обеспечение Палатой:

- «взаимодействия граждан Российской Федерации, общественных объединений с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления...» (п. 1 ст. 1 ФЗ);

- «согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации...» (ст. 2 ФЗ).

Эти основополагающие, нормативные по своему характеру установления призваны обеспечить роль Общественной палаты как институции общественного контроля по отношению к иным, преимущественно властным, институтам. Но в то же время федеральный закон определяет

требования транспарентности и самого этого органа, прежде всего – через публичную (хотя и сомнительную с точки зрения демократичности) процедуру ее формирования, определение форм работы, закрепление обязательности информационного освещения деятельности Палаты.

И действительно, в отличие от рассмотренных выше внеконституционных институтов, Общественная палата является гораздо более открытой, публичной структурой, деятельность которой кажется прозрачной и подотчетной. Предусмотренное законом проведение Общественной палатой гражданских форумов, слушаний и иных мероприятий по общественно важным проблемам (ст. 21 ФЗ) объективно создает условия большей доступности самого органа для общественного контроля.

Тем не менее ряд политически значимых фактов свидетельствует о том, что говорить о полноценной транспарентности даже в этом случае некорректно. Так, критику вызывает порядок формирования Палаты (ст. 8 ФЗ). Уже в самом начале пути этого органа эксперты отмечали, что реальный отбор кандидатов в члены Общественной палаты ведется Администрацией Президента РФ⁸. Ничего не изменилось и в последующем. Персональный состав Палаты определяется не обществом, а Властью, что создает институционального характера препятствия для транспарентности. Другим важным показателем выступает то, что законом не предусмотрена и политической практикой не поддерживается процедура сколь-нибудь регулярного отчета о деятельности Общественной палаты. Статья 22 указанного федерального закона предусматривает ежегодный доклад Общественной палаты, но он посвящен оценке состояния гражданского общества в Российской Федерации. Таким образом, можно констатировать, что Общественная палата Российской Федерации является **умеренно транспарентным** внеконституционным институтом, слабо подотчетным обществу.

Подводя общий итог, необходимо сделать некоторые обобщения.

В деятельности каждого внеконституционного образования обнаруживаются признаки, элементы транспарентности, трактуемой как открытость, прозрачность политического института. Рассмотренные нами внеконституционные политические образования обладают различной степенью публичности. Однако она прямо не

связана со степенью транспарентности, понимаемой как подотчетность того или иного института обществу.

На сегодняшний день внеконституционные политические структуры не отвечают демократическим требованиям доступности для общественного контроля в обязательной совокупности с последующей возможностью общества легально влиять на них, что роднит рассмотренные нами внеконституционные образования с конституционными структурами. Это свидетельствует об институциональной схожести, казалось бы, различающихся по своей юридической природе двух групп институтов, задействованных в отечественной системе публичного управления. Транспарентность, очевидно, не является политической ценностью и качеством современной российской политической системы.

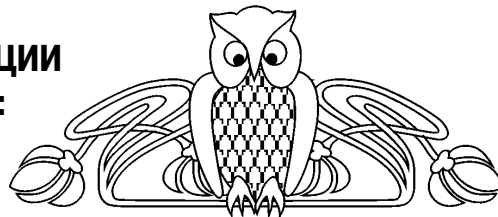
Примечания

- 1 См.: Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. L., 1976; *Леїнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
- 2 См.: *Сергеев С.Г.* Внеконституционные политические институты: правовой феномен и политическая реальность // Вестн. Поволж. академии гос. службы. 2009. № 4 (21). С. 57–65.
- 3 *Паренти М.* Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. М., 2006. С. 11.
- 4 См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СЗРФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
- 5 См.: Указ Президента РФ от 01 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // СЗРФ. 2000. № 36. Ст. 3633.
- 6 См.: Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ от 21 мая 2002 г. «О Совете по взаимодействию Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (Совете законодателей)». URL: www.council.gov.ru/lmc/thesis/index.
- 7 См.: Федеральный закон от 04 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
- 8 См.: *Самарина А., Корня А., Латухина К.* «Ума палата» для Кремля // Независимая газета. 2005. 18 февр.

УДК 321.7 (470+571)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Горбачев

Саратовская государственная академия права
E-mail: ussr-86@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы выбора эффективных методологических моделей изучения современной российской демократии. Обозначаются достоинства и недостатки различных объяснительных схем современного российского способа организации политической жизни. Особое внимание обращается на макроподходы, интерпретации современной российской демократии.

Ключевые слова: методологические модели, современная российская демократия, идентификация, научная эффективность.

The Methodological Levels of Modern Russian Democracy Interpretation: Civilization Unique and the Problem of Search of the Effective Model of Identification Research

M.V. Gorbachov

This article deals with problems of the search of the exploration effective methods in modern russian democracy. In the context of the article considered both merit and shortage of different models of modern russian democracy interpretation. The main attention paid to macro models of study russian democracy.

Key words: methodological models, modern Russian democracy, identification, scientific effectiveness.

Демократия, как способ организации политической жизни, является востребованной многими современными государствами. По данным крупнейших центров изучения общественного мнения, это относится и к современной России. Так, в необходимости демократического развития России убеждено подавляющее большинство (66%) граждан страны. В то же время почти половина россиян уверена, что народовластие в нашей стране должно быть «совершенно особым»¹. Специалисты полагают, что демократия неоднозначно воспринимается российским обществом вследствие цивилизационной уникальности России². В связи с этим возникает необходимость изучения данной модели организации политической жизни применительно к российской общественно-политической действительности.

Исследователи, которые занимаются анализом обозначенной проблемы, приходят к двойственным результатам. С одной стороны,

ряд политологов достигли серьезных успехов в изучении отдельных аспектов демократической жизни современной России. С другой стороны, большинство из них столкнулось с проблемой выбора методологии анализа российской демократии. В связи с этим поиск идентификационной модели изучения отечественной демократии продолжается в рамках многих научных направлений и на разных уровнях интерпретации политической действительности. Этот процесс нашел свое отражение на страницах отечественной и зарубежной научной литературы.

Одной из методологических моделей, в рамках которых современная российская демократия исследовалась долго и подробно, является транзитологический подход. Изучая специфику российской политической жизни, представители отечественной и зарубежной транзитологии отталкиваются от следующего положения. Оно заключается в том, что после разрушения коммунистической системы российское общество осуществляет переход к демократической модели. Она основана на таких понятиях, как свобода, рыночная экономика, конкуренция, права личности и т.д.³. В контексте работ по данной тематике обсуждаются следующие проблемы: на какой стадии перехода к демократии находится Россия; к какому типу демократического общества она осуществляет переход; выделяются перспективы российского демократического развития; проводится сравнение российского общества с другими политическими образованиями, также осуществляющими демократический транзит.

Необходимо подчеркнуть, что у «транзитологии», как методологического направления идентификации современной российской демократии, имеется значительное количество «конкурирующих» подходов. В контексте большинства из них ставится вопрос о самой возможности перехода от тоталитарно-авторитарных обществ к демократическим обществам. В то же время саму идею транзита, как способа перехода от советской политической системы к другому типу политической системы, разделяет значительное число ученых, изучающих особенности политической организации современной России. Указанная специфика присутствует в исследованиях политологов, которые анализируют российскую демократию в контексте концепции «новых демократий».

Ученые, представляющие эту группу работ по изучению российской демократии, отмечают, что модели демократического устройства каждой страны своеобразны, так как демократия не сводится к какому-то единственно возможному, унифицированному набору институтов и правил. Они являются сторонниками подхода, согласно которому можно вести речь только о каждой конкретной форме демократии в конкретной отдельно взятой стране. Она, в свою очередь, зависит от социально-экономических условий, от традиционного устройства государства, от политической культуры, от сложившегося в обществе восприятия власти⁴.

Методологический подход, объясняющий специфику российской демократии сквозь призму теории «новых демократий», имеет и ряд недостатков. Главный из которых заключается в отсутствии четкого представления о возможных вариациях существования модели политического устройства России, которая получила название «новая демократия». На конкретизацию данного параметра направлена еще одна методологическая схема идентификации российской демократии. Она выражается посредством формулы «третий путь общественного устройства». Он представляет собой «современную форму организации общества», которая находит отражение в концепции «интегральной технодемократии». Она расширяет существующую политическую демократию (народное представительство и соучастие), экономическую (кооперативная собственность и самоуправление), культурную (культурная автономия вместе с универсальным доступом к культуре и образованию на протяжении всей жизни). Средство для ее достижения указывается следующее. Это информационное правление народа во всех сферах – в экономической, культурной и политической. Применение модели электронной демократии к идентификации российской политической действительности осуществляется как отечественными, так и западными политологами⁵. Они намечают способы перехода российской демократии к электронному механизму управления, выделяют преимущества указанной технологической модели демократии и связывают будущее эффективное развитие нашей страны именно с ее активным внедрением.

Серьезные критические аргументы в адрес данной методологии исследования современной российской демократии поступают по двум основным направлениям. Во-первых, указывается на то, что данная методологическая схема носит прогностический характер и направлена на поиск будущих вариантов политического развития России. Во-вторых, отмечается, что она носит преимущественно идеал-типический характер, т.е. ее практическое применение видится затруднительным. Поэтому в качестве прикладной методологической схемы идентификации современной российской демократии

многими исследователями предлагается методологическая модель экспертной демократии. Суть методологической модели экспертной демократии состоит в том, что любой государственный пост должны занимать специалисты, которые являются признанными экспертами в той или иной сфере политического управления. Ученые, занимающиеся этой проблемой, отмечают необходимость создания механизма отбора кадров для государственного и муниципального управления, который будет предоставлять политической системе возможность выбора наиболее квалифицированных и эффективных специалистов. Необходимо отметить, что отечественные работы по этому направлению идентификации современной российской демократии появились сравнительно недавно. Большинство же из них основывается на уже имеющихся разработках западных политологов.

В рамках критики идеал-типических и абстрактных подходов идентификации современной российской демократии серьезную теоретическую разработку и практическое применение получил процедурный подход. Согласно данному подходу демократию, как в России, так и в любой другой стране, отличает определенная процедура функционирования, которая состоит из сложной, определенным образом структурированной и упорядоченной системы коммуникации внутри власти и общества, а также между ними. Главными вопросами такого взаимодействия являются проблемы постановки, реализации и изменения целей общественного развития, а также характер использования общественных ресурсов. Исследователи, идентифицирующие современную российскую демократию с помощью процедурного подхода, подчеркивают, что она далеко не воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, а только делает определенные шаги к ним.

В процессе применения процедурного подхода к идентификации современной российской демократии стала активно проявляться его неспособность к изучению конфликтных ситуаций, возникающих внутри демократической политической среды. Данную «проблемную нишу» процедурного подхода заняла конфликтологическая парадигма. В трудах представителей данного методологического направления прослеживается идея, согласно которой наличие социального конфликта в обществе является основой для политического диалога и выявления общих интересов.

Применительно к России авторы определяют период наиболее остро выражения социальных конфликтов временными рамками начала 90-х годов. В этот период времени, по мнению ученых, соединение общих для всех культурных ценностей и различных социальных конфликтов заложило основание для появления и развития российской демократии в той форме, в какой она существует на сегодняшний день⁶. Исследовате-

ли, придерживающиеся таких методологических позиций идентификации российской демократии, с одной стороны, отмечают существование основ демократии в нашей стране, с другой – подчеркивают, что эта демократия по многим параметрам отличается как от западных, так и от восточных моделей демократических организаций политической жизни.

Дальнейшее развитие и поиск новых методологических подходов идентификации современной российской демократии происходили в рамках совершенствования прикладных методик ее изучения. Например, в рамках теории измерения социально-политических явлений и процессов российскими и зарубежными исследователями разрабатываются методики измерения уровня демократизации с помощью индекса партийной фрагментации, индекса эффективного числа политических партий, показателей пропорциональности избирательных систем, индекса демократического развития Джэкмана, демократического действия Нэйбауэра, демократизации Ванханена, политического развития Катрайта, трансформации Бертельсмана, индексов либеральных институтов центра изучения демократического управления и т.д.⁷

Указанные индексы основаны на количественном, т.е. числовом выражении качественных признаков демократии. С их помощью ученые анализируют проблемы становления институтов демократии, исследуют причины слабой эффективности функционирования демократических институтов, разрабатывают сценарии демократической динамики, прогнозируют будущее моделей демократического устройства, перспективы совершенствования демократических институтов и механизмов в России. С критикой прикладных методик идентификации демократической модели организации политической жизни в России выступили сторонники макроподхода к изучению данного феномена. Они придерживаются позиций, согласно которым необходимо не только исследовать конкретную специфику российской демократии, но и осуществить выявление и обобщение глобальных тенденций ее развития. В связи с этим они обращают внимание на необходимость изучения современной российской демократии в контексте теории глобализации.

Исследователи, которые предлагают идентифицировать современную российскую демократию на макроуровне, делают главный акцент на определении гибкости и эффективности демократических институтов, на их соответствии меняющимся условиям глобальной политической конъюнктуры. Авторами подчеркивается, что российская демократия тесно взаимосвязана с общемировыми цивилизационными процессами, которые не всегда способствуют эффективному развитию демократических институтов. Тем не менее, согласно указанному подходу, современ-

ные глобализационные процессы активно влияют на политическую жизнь, отражая реальные или создавая новые тенденции в экономической, социальной, культурной сферах российской цивилизации⁸.

Наряду с теорией глобализации одним из масштабных подходов идентификации современной российской демократии является формационная методология. Необходимо отметить, что исследований российской демократии с помощью данной методологической модели значительно меньше, чем транзитологических, прикладных, процедурных и др. вариаций ее изучения. Это объясняется тем, что после распада СССР данная методология подверглась критике и долгое время находилась на вторых и даже третьих планах в политической науке. Вместе с тем формационный анализ русского общества обладает значительным потенциалом. В настоящее время происходит его «второе открытие»⁹. Учеными на примере России и других стран бывшего СССР прослеживается эволюция различных форм демократий в информационную демократию, представляющую принципиально новую модель социально-экономических отношений. Необходимо отметить, что формационная методология применяется исследователями как в целом, так фрагментарно, в зависимости от того, какие аспекты современной российской демократии необходимо исследовать. Ее эффективность применительно к идентификации русского способа организации политической жизни в настоящий момент только еще начинает оцениваться научным миром.

Помимо формационной методологии, масштабный уровень идентификации современной российской демократии предлагается в рамках цивилизационной методологии. Причем серьезные традиции данное методологическое направление получило как в отечественной, так и в зарубежной политической науке¹⁰. Учеными, работающими в контексте цивилизационного подхода, анализируются как общие проблемы цивилизационной методологии интерпретации политики, возможности и перспективы макрокультурного изучения российской политической действительности, так и частные вопросы отечественной политической жизни, такие как: изменение культурных кодов России, нарушение цивилизационной идентичности, разрыв с историческим прошлым, макрокультурное моделирование будущего и т.д.¹¹.

Степень эффективности цивилизационной методологии интерпретации политики может быть оценена двояко. С одной стороны, как и другие макроподходы, она предполагает масштабное видение политических процессов и явлений, высокий уровень теоретизирования, абстрагирования и обобщения, проведение аналогий в политическом развитии стран, принадлежащих к разным цивилизациям и т.д., то есть позволяет задействовать, обобщить и систематизировать в процессе исследова-

дования значительный объем информации. В то же время ни один исследователь, предполагающий столь масштабное видение мира, не располагает какими-либо вескими основаниями, способными стать критериями истинности полученного им цивилизационного знания о демократической действительности. Другими словами, верификация наработанных результатов и выводов является нелегкой задачей, к тому же пролонгированной во времени.

Следует отметить многообразие методологических подходов, которые могут быть применены в процессе идентификации современной российской демократии. Начиная от прикладных методов ее интерпретации и заканчивая макромоделями исследования. Смена методологических подходов, направлений и уровней идентификации современной российской демократии происходит в результате действия двух факторов. Во-первых, в рамках той или иной методологической модели идентификации российской демократии происходит накопление определенного объема внутренних «методологических противоречий». Во-вторых, современная российская демократия является высокодинамичным элементом политической жизни. Как следствие, она постоянно генерирует новые «вызовы» идентификационным моделям, которые нацелены на ее объяснение. Таким образом, современная российская демократия выступает в качестве «верифицирующего случая», доказывая или опровергая эффективность того или иного идентификационного методологического инструментария, с помощью которого она анализируется. Постоянный поиск «идентификационной» методологии исследования современной российской демократии не означает, что ряд методологических направлений являются неприменимыми к исследованию современной российской политики. В данном контексте главная проблема состоит в правильной оценке степени эффективности различных идентификационных моделей.

Примечание

- ¹ См.: Исследования специфики восприятия демократии российским обществом (Левада-Центр). [Электронный ресурс]. URL: www.levada.ru/press/2007021501.html.
- ² См.: *Купин В.Н.* Современная Россия в глобальном мире // Человек и общество: культурная интеграция. Саратов, 2008. С. 47.
- ³ См.: Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 2. С. 9.
- ⁴ См.: *Даль Р.* О демократии. М., 2000. С. 87.
- ⁵ См.: *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. С. 211.
- ⁶ См.: *Оффе К.* Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 193.
- ⁷ См.: *Мельвиль А.Ю.* «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Полис. 2006. № 5; *McQuail D.* Media Performance: Mass Communication and the Public Interest. N. Delhi: ND University Print, 1993.
- ⁸ См.: *Пантин В.* Глобализация и проблемы развития демократических институтов в России. М., 2002. С. 94.
- ⁹ См.: *Ерасов Б.С.* Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 247.
- ¹⁰ См.: *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. М., 1999. С. 113; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2007. С. 241.
- ¹¹ См.: *Козин Н.Г.* Есть ли будущее у России? М., 2008. С. 63; *Митрохина Т.Н.* Методология политической компаративистики. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2008. С. 117.

Слово молодым политологам

УДК 321.64 (1–925.2/3)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ АВТОКРАТИЙ

И.В. Нестерова

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

В статье рассматривается внешнеполитическая деятельность соседних государств как внешний фактор, влияющий на характер и степень признания патерналистских автократий региона на мировом уровне, а также дипломатической поддержки политических лидеров республик. Россия выступает в качестве доминирующей силы в Центральной Азии, но ее статус как региональной державы все больше оспаривается США, Китаем, Турцией, Ираном, радикально-исламистскими силами.

Ключевые слова: геополитический фактор, политические риски.

Geopolitical Factors and the Political Risks of the Central Asian Autocracies

I.V. Nesterova

The article discusses foreign policy of neighboring states as an external factor influencing the nature and degree of recognition paternalistic autocracies of the region on a global level, as well as diplomatic support for the political leaders of the republics. Russia acts as a dominant force in Central Asia, but its status as a regional power increasingly challenged by the United States, China, Turkey, Iran, the radical Islamist forces.

Key words: geopolitical factors, political risks.

Юго-восточная окраина бывшего СССР, по утверждению многих исследователей, должна была стать центром большой геополитической игры, в которую будут втянуты не только крупные мировые державы (США, Китай, Россия), но и мусульманские государства (Турция, Иран, Пакистан) с идеей интеграции этих республик в широкое сообщество «Большого Востока»¹. Занимая особое положение между западной и восточной частями Евразии, обладая богатейшими запасами минеральных ресурсов, Центральная Азия действительно стала местом столкновения интересов многих государств. Используя терминологию З. Бжезинского, государства Центральной Азии стали одним из геополитических центров, т.е. «государствами, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц»². Все республики Центральной Азии были включены З. Бжезинским в так называемую зону глобальной нестабильности³. Богатейшие запасы природных ресурсов государств

Центрально-Азиатского региона в сочетании с их внутренней нестабильностью, по мнению автора, «возбуждают национальные амбиции, мотивируют корпоративные интересы, вновь разжигают исторические претензии, возрождают имперские чаяния и подогревают международное соперничество»⁴.

И все же, несмотря на особое значение Центрально-Азиатского региона, не следует переоценивать ту роль, которую он играет в системе международных отношений. Учитывая особенности его географического положения: глубинную континентальность, обделенность водными путями и, как следствие, труднодоступность минеральных природных ресурсов для потенциальных потребителей, интерес к данному региону (как экономический, так и политический) во многом зависит от мировой политической конъюнктуры и отличается непостоянством.

Происходящие на практике в течение уже почти двух десятилетий внешнеполитические процессы обеспечивают взаимовыгодное сотрудничество между странами Центральной Азии и другими государствами, при котором достаточно редко затрагиваются проблемы авторитарной природы политических режимов и соблюдения демократических практик. Американские эксперты, в частности, профессор политологии, старший научный сотрудник Фонда Карнеги М. Олкотт, фактически перекладывают ответственность за произошедшие в регионе перемены на потворствующее автократорам российское руководство: «пусть коррумпированные лидеры манипулируют выборами, как им заблагорассудится, а экономические реформы по-прежнему идут медленно и вяло к выгоде местных чиновников»⁵. Однако с возможностью разместить военные базы НАТО в Узбекистане и Кыргызстане (а также в Таджикистане) пафос антикоррупционных и антиавторитарных высказываний в отношении политических режимов региона был смикширован.

Основой же внешнеполитической стратегии центрально-азиатских республик всегда был принцип многовекторности. Усиление тех или иных внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов зависело от многочисленных факторов внутривнутриполитического развития республик, но определяющую роль всегда играли внеш-

неполитические предпочтения и личные интересы центрально-азиатских лидеров, которые, по Э. и Х. Тоффлерам, напоминали «сборище коррумпированных феодальных баронов, действующих с помощью тесных личных, семейных и земляческих отношений» и ждавших «от Москвы защиты и дармовщины».

Маятниковый характер внешнеполитической стратегии был в целом характерен для всех республик этого региона. После распада Советского государства все без исключения республики Центральной Азии стали активно сотрудничать прежде всего с исламскими государствами – Турцией, Ираном, Пакистаном, Афганистаном, Саудовской Аравией.

Но уже к середине 1990-х гг. руководство центрально-азиатских республик осознало, что Турция, как и Иран, слишком слабы, чтобы оказывать серьезное благотворное влияние на экономическое развитие независимых государств. В итоге лидерами всех без исключения республик были решительно отвергнуты попытки реализации Турецкой Республикой идей пантюркизма, идей Великой Турции, которая должна была сплотить весь тюркский мир от Байкала до Средиземного моря и Дуная.

В таком же русле развивались отношения между республиками Центральной Азии, европейскими странами и США. Надежды на экономические инвестиции, поддержку экономик молодых государств развитыми западными странами, льготные кредиты делали второстепенными даже проблемы сотрудничества в сфере безопасности. Каждая из республик, чувствуя интерес со стороны западных государств, демонстрировала свою отдаленность не только от России, но и от своих ближайших соседей. Такой поворот во внешней политике центрально-азиатских республик многие расценивали как полную утрату Россией своих позиций на территории бывшего СССР и противодействие СНГ, уже и без того слабого политического образования⁶.

Реальный же интерес США и европейских стран основывался прежде всего на возможности расширить свое присутствие в значимом стратегическом регионе и установить контроль над крупнейшими месторождениями стратегически важных ресурсов.

В частности, для США Казахстан представлял интерес с точки зрения богатейших природных ресурсов. В связи с этим между двумя странами подписывались контракты о долгосрочном сотрудничестве в сфере разведки, добычи и транспортировки нефти, газа, а также редких и благородных металлов и т.д. Активную роль США продолжают играть и в вопросе урегулирования статуса Каспия, где расположены основные запасы углеводородов Казахстана⁷. Политика так называемых «двойных стандартов», которой руководствуются США в своей внешнеполитической деятельности, более или менее отчетливо

проявляется именно в отношении к региону Центральной Азии.

Политический режим И. Каримова в Узбекистане уже в начале 1990-х гг. подвергался критике со стороны США за медленное проведение рыночных реформ, усиление роли государства в экономике и т.д. Но уже к середине 1990-х гг. этой республике была отведена роль «регионального гегемона»⁸.

В качестве показательного шага Узбекистан в мае 1999 г. выходит из договора о коллективной безопасности (ДКБ) и вступает в ГУАМ (ставший ГУУАМ), блок, считавшийся «демократической альтернативой СНГ». Однако этот явно проамериканский шаг Ташкента не помешал США выступить с критикой режима И. Каримова и очередных парламентских выборов в Узбекистане, названных «несвободными и нечестными»⁹.

В результате событий 11 сентября 2001 г. США были вынуждены изменить свою позицию в отношении И. Каримова, так как Узбекистан должен был стать ключевой базой для борьбы против терроризма на территории Афганистана. В 2002 г. в республике появляются две военные базы, и руководство Узбекистана рассчитывает на активную финансовую помощь. Но именно этот период исследователи считают началом больших разногласий между двумя странами¹⁰. Так и не дождавшись больших финансовых влияний, льготных кредитов, руководство республики все чаще стало говорить о неоправданных ожиданиях, связанных с сотрудничеством с США. В свою очередь, американское руководство стало усиливать критику, теперь касаясь не только личности президента и его нежелания развивать демократию и гражданское общество, но и проводимой экономической политики, несоблюдения прав человека, преследования оппозиции и т.д.¹¹.

События в Андижане в 2005 г. еще более обострили противоречия между США и Узбекистаном, хотя реакция США на происходящее в стране была более сдержанной, чем ожидалось. Изменился и внешнеполитический курс узбекского государства. Уже весной 2005 г. Узбекистан выходит из организации ГУУАМ и возвращается в ОДКБ, а также вводит ограничения на использование США базы Ханабат.

Отношения США и двух других республик Центральной Азии – Киргизии и Туркменистана – носили менее противоречивый характер. Первоначально Киргизия не рассматривалась США в качестве активного участника внешнеполитического взаимодействия в силу как геополитического положения, так и внутреннего потенциала, но именно на Киргизию США возлагали большую надежду в плане скорого установления демократических принципов, а А. Акаев считался самым главным «проводником демократии» в регионе. Но по показателям так называемой неправительственной независимой правозащитной организации

Freedom House (финансируемой Государственным департаментом США) из «частично свободной» в 1999 г. Киргизия в 2004 г. стала уже определяться как «несвободная»¹². Тем не менее недовольство США «недемократичностью» режима А. Акаева никак не отразилось на их намерении сотрудничать с киргизским руководством, особенно с началом контртеррористической операции в Афганистане и предоставлением ВВС США в 2001 г. авиабазы Манас.

Что касается внешнеполитического сотрудничества между США и Туркменией, то оно на протяжении всей новой истории туркменской республики развивалось прагматично, осторожно и довольно вяло. С самого начала своей внешнеполитической деятельности туркменский лидер С. Ниязов был нацелен в первую очередь на активное сотрудничество с Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном. Западные страны во главе с США, так же как и ближайшие соседи по СНГ, никогда не относились к приоритетам внешней политики туркменского руководства.

Закрытость туркменского государства, обеспеченная статусом нейтралитета в 1995 г., наличие огромных запасов нефти и газа позволили туркменскому руководству, с одной стороны, умело дистанцироваться от жесткой критики со стороны США нарушений прав человека в республике, с другой – с выгодой для себя заключать договоры и недолгосрочные контракты. Озабоченность США сложившимся политическим режимом личной власти С. Ниязова в туркменской республике периодически сменялась повышенным интересом к тем или иным «газовым» проектам. Так, например, активизация сотрудничества была связана с проектом строительства стратегического газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Меморандум о взаимопонимании по вопросам создания консорциума для строительства газопровода был подписан в 1996 г. Туркменией, Россией, США и Саудовской Аравией, но именно американской нефтяной компании Unocal были предоставлены эксклюзивные полномочия на формирование консорциума. Но этот трансафганский проект не был реализован в силу сложной нестабильной внутривосточной ситуации в Афганистане.

Следующая волна интереса к Туркмении со стороны США была связана с проектом строительства уже транскаспийского газопровода между Туркменистаном и Турцией, в котором были задействованы страны-члены ГУУАМ: Грузия, Азербайджан, Украина. Учитывая положительные отзывы со стороны европейских стран и США теперь уже о новом туркменском лидере и его «демократически ориентированных» реформах, становится понятным, что интерес к газовым проектам и к туркменской республике в ближайшее время будет только возрастать.

Особым образом развивались отношения между бывшими советскими республиками

Центральной Азии и Россией. Даже в моменты наибольшего взаимного охлаждения отношений Россия оставалась одним из главных участников внешнеполитического сотрудничества для этих республик, потому что была единственной страной, которая сознательно брала на себя ответственность за поддержание безопасности в регионе. В коллективной монографии «Владимир Путин. Рано подводить итоги» постулируется «феномен постимперской легитимности»: бывшие советские республики, получившие формально-правовой статус, тем не менее на достаточно протяженном отрезке времени фактически продолжают существовать как экономические и политические придатки бывшей метрополии¹³. Однако следует признать, вплоть до принятия в 2000 г. Концепции внешней политики Российской Федерации Центральную Азию трудно было отнести к ее приоритетному направлению. И только в начале 2000-х гг., когда отношения между США и республиками ЦА пошли на спад, отметился значительный перелом во внешнеполитических стратегиях России и государств Центрально-Азиатского региона¹⁴. Примечательно, что, в отличие от США и Европы, Россия и Китай никогда не настаивали на необходимости построения демократии в регионе, отдавая приоритет прежде всего внутренней стабильности режимов. С каждой из республик система отношений выстраивалась с учетом как общемировой политической конъюнктуры, так и особенностей внутривосточного развития и интересов центрально-азиатских государств, поиска выгодного обеим сторонам внешнеполитического взаимодействия. При этом укрепление отношений именно в данном направлении наиболее прогнозируемо при условии пролонгации власти в республиках Центральной Азии представителей «советской эпохи», с которыми у В.В. Путина и Д.А. Медведева сложились взаимопонимание и деловые отношения. В случае прихода к власти политических лидеров нового поколения, впитавших в себя ценности национальной независимости и, уже возможно, с исламской окраской, вероятность сотрудничества с Россией как с главным союзником может резко понизиться. Это и осознавало российское руководство, когда, в отличие от стран Запада и США, незамедлительно поддержало силовые действия И. Каримова во время андижанских событий.

Лояльное отношение Россия демонстрировала и к более жесткому режиму в туркменской республике. С одной стороны, российскому руководству было очевидно, что в туркменской республике установлен жесткий, если не жестокий авторитарный режим, который по степени концентрации личной власти не может быть сравним ни с одной из бывших советских республик. С другой стороны, важность Туркмении как ключевого партнера в газовой сфере заставляла российское руковод-

ство фактически игнорировать происходящие в республике внутривластные процессы. И подобная позиция Кремля также становилась фактором институционализации авторитаризма Туркменбаши. Отношения между странами являлись результатом несговорчивости и оригинальности туркменского лидера С. Ниязова, от личных настроений которого полностью зависела внешнеполитическая стратегия туркменской республики. Туркменский президент четко дистанцировался от всех проектов, даже формально обозначающих курс на интеграцию бывших советских республик. Достаточно отметить, что Туркмения не входит ни в ОДКБ, ни в ЕврАзЭС и крайне редко принимает участие в саммитах стран-участниц СНГ. Статус нейтралитета позволял туркменскому лидеру более чем прагматично выбирать выгодных партнеров для внешнеполитического взаимодействия.

В силу совокупности причин (богатство республики энергетическими природными ресурсами, важность стабильной внутривластной обстановки и др.), в отличие от иракского диктатора, силовое свержение режимов туркменских «баши» С. Ниязова, а теперь и Г. Бердымухамедова невыгодно ни Западу, ни США, ни России. Так или иначе, но статус нейтралитета, действительно, обеспечивает особую роль Туркменистана в Центрально-Азиатском регионе и дает туркменскому руководству широкие возможности выбирать стратегически выгодных партнеров.

Существующая объективная взаимозависимость между Россией и Туркменистаном в вопросах газового сотрудничества отодвигает на второй план вопросы, касающиеся особенностей режима личной власти туркменских президентов, нарушения прав человека в республике и т.д.

Дальнейший вариант развития внешнеполитических отношений во многом носит субъективный характер, так как зависит от настроений туркменского президента Г. Бердымухамедова. Повышенный интерес к природным ресурсам этой республики со стороны ведущих мировых держав объективно облегчает повторение сценария институционализации авторитарного режима в республике.

Особое геополитическое положение республик Центральной Азии и наличие на их территории большого количества природных минеральных и энергетических ресурсов во многом позволяют местным политическим элитам при выстраивании внешнеполитической стратегии (соответственно с «восточной мудростью») обеспечивать сохранение и упрочение своей политической власти, опираясь на поддержку либо России, либо западных стран, в зависимости от мировой политической конъюнктуры. Вместе с тем мировым державам, в силу определенных геостратегических и экономических причин, также не выгодна дестабилизация и дальнейшая

исламизация Центрально-Азиатского региона. Надежно сдерживать эти процессы возможно только в условиях жесткой политической системы, осознание чего и объясняет лояльное отношение к тем режимам, которые сложились на территории бывших советских республик. При этом потенциальная политическая оппозиция в республиках также делает ставку на фактор внешней поддержки.

И здесь России необходимо сделать взвешенные и рассчитанные на долговременную перспективу внешнеполитические шаги, чтобы отстаивать свои геостратегические интересы в регионе, который активно осваивают не только США, но и КНР.

При подготовке новой российской внешнеполитической стратегии в Центрально-Азиатском регионе придется учесть и фактор институционализированной патерналистской автократии, феномен которой, по всей видимости, будет еще длительное время определять характер и перспективы политических процессов в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане.

Примечания

- 1 См., например: Форум: новая геополитическая ситуация в Центральной Азии и её импликация для России // Восток. 1993. № 6. С. 63–131; *Файзуллаев Д.* Россия и геополитическая перегруппировка сил в Центральной Азии // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 3. С. 10–15; *Серебрянников В.В.* Вторжение США в Центральную Азию // *Соц.-гум. знания*. 2002. № 5. С. 305–315; *Лузянин С.Г.* Восточная политика В. Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). С. 194.
- 2 *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 55.
- 3 Там же. С. 150.
- 4 Там же. С. 151.
- 5 *Олкотт М.* Размышления о политике США в Центральной Азии // *Pro et contra*. 2000. Т. 5, № 3. С. 163.
- 6 Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования // *МЭ и МО*. 1994. № 8–9. С. 62, 64.
- 7 *Магомедов А.К.* Каспийская нефть и российские регионы: меняющаяся природа локальных интересов вдоль нефтепровода Тенгиз–Новороссийск (сравнительный анализ). *Asta Slavica Iaponica*. Sapporo, Japan, 2002. Tomus XIX. С. 22.
- 8 Цит. по: *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 10.
- 9 Там же. С. 11.
- 10 См., например: *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 211; *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 11.
- 11 См.: *Олкотт М.* Указ. соч. С. 168.
- 12 *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 261.
- 13 *В. Путин.* Рано подводить итоги. М., 2007. С. 385.
- 14 См., например: *Серебрянников В.В.* Указ. соч. С. 310; *Файзуллаев Д.* Указ. соч. С. 13; *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 197–203.

УДК 327.2.5

КАТЕГОРИЯ «ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

С.А. Мальченков

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
E-mail: stamal@yandex.ru

Статья содержит теоретическое осмысление распространенного в современной науке термина «геостратегический приоритет» на основе его сопоставления с понятием «национальные интересы государства».

Ключевые слова: геостратегический приоритет, национальный интерес, геополитика, геостратегия, внутренняя и внешняя политика государства.

Category «Geostrategical Priority» in the Modern Political Science

S.A. Malchenkov

Article includes a theoretical interpretation of the category "geostrategical priority" in the modern political science. In the article it is compared with the term "national interests of a country".

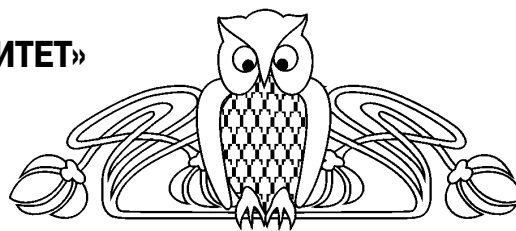
Key words: geostrategical priority, national interest, geopolitics, geostrategy, domestic and foreign policy of a country.

Термин «геостратегический приоритет» является относительно новым в геополитической науке, поэтому мы считаем принципиально важным в первую очередь определить его место в ряду других родственных понятий, а также провести их сравнительный анализ. Основная задача в данном случае будет заключаться в том, чтобы попытаться выделить в них те составляющие, которые можно включить в понятие «геостратегический приоритет».

В числе терминов, представляющих для нас интерес в силу своей изученности и проработанности, – понятие «национальный интерес». Оно вошло в научный оборот сравнительно недавно. Лишь в 1935 г. оно было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук. Приоритет в ее разработке принадлежит известным американским ученым – теологу Р. Нибуру и историку Ч. Бирду.

Национальные интересы России сформулированы в официальном государственном документе страны – Стратегии национальной безопасности. Под ними понимается «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах»¹.

В целом отметим, что при упоминании термина «национальный интерес» речь идет о неких базовых потребностях личности, общества и государства, однако их формулировка также имеет в определенной мере субъективный характер.

Другими словами, следует, очевидно, исходить не из объективной, а из объективно-субъективной природы национальных интересов: с одной стороны, они обусловлены объективно, с другой – осознаны и выражены субъективно. Таким образом, можно сказать, что национальные интересы – это субъективно осознанные и выраженные на государственном уровне потребности личности, общества и государства.

Здесь необходимо поговорить о сходстве и различии терминов «национальный интерес» и «геостратегический приоритет».

На наш взгляд, оттенки понимания этих двух краеугольных терминов можно очень хорошо проследить, проанализировав следующую фразу из Концепции национальной безопасности РФ: «Национальные интересы носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства»².

Это предложение, с одной стороны, позволяет говорить о близости двух понятий. Сходство заключается прежде всего в том, что оба термина:

- исходят из необходимости сочетания аспектов личности, общества и государства;
- рассматривают некое желательное состояние, которого необходимо достичь;
- объединяют в себе вопросы внутренней и внешней политики;
- уделяют большое внимание проблемам безопасности во всех сферах.

С другой стороны, приведенная выше фраза таит в себе и основное отличие национального интереса. Подчеркивается его «долгосрочный характер», а также то, что он «определяет основные цели и задачи». Другими словами, соотношение интереса и приоритета можно передать как разницу между неким итоговым, желаемым состоянием и теми действиями, мероприятиями, которые необходимы для достижения этого желаемого состояния. Еще одно отличие заключается в том, что геостратегический приоритет оперирует категориями будущего, а не вечными ценностями.

Также разница кроется в самом значении слова «геостратегический», подразумевающим повышенное внимание к пространственным, территориальным аспектам национального интереса (несмотря на расширение толкования терминов «геополитика» и «геостратегия»).

Таким образом, общее заключение: понятие «национальный интерес», безусловно, очень важно для понимания термина «геостратегический приоритет». На это понятие мы будем опираться, в том числе и в силу значительной разработанности его содержания.

В самом общем виде определение геостратегического приоритета должно строиться с учетом содержательного значения терминов «приоритет», «стратегия» и «геостратегия».

Для начала уточним значение второй части нашего термина – слова «приоритет». Изучив несколько толкований этого понятия в различных источниках, мы можем в самом общем виде свести их к четырем основным значениям:

- 1) приоритет как первенствующее, преобладающее значение какого-либо нормативного акта;
- 2) приоритет как первенство в открытии, изобретении, формулировке какой-либо научной идеи;
- 3) приоритет как первенствующее, преобладающее положение;
- 4) приоритет как нечто, представляющееся наиболее важным, требующее к себе первоочередного внимания.

Совершенно очевидно, что для нашего случая интерес представляют четвертое и частично третье значения слова «приоритет» из этого списка. Именно на понимание приоритетов как наиболее важных, значительных, перспективных направлений в развитии чего-либо мы и будем опираться в дальнейшем.

Определившись с пониманием существительного «приоритет», мы переходим к выявлению содержания прилагательного «геостратегический».

Если отвлечься от уже имеющихся определений и попытаться произвести лингвистический анализ слова «геостратегия», логично будет выделить в нём элементы «гео» и «стратегия». При этом понятно, что «гео» в данном случае означает не только и не столько принадлежность к «земле» (буквальный перевод), сколько указание на принадлежность к геополитике, на статус одной из ее составных частей.

Намного сложнее обстоит дело со второй частью термина. Проанализировав различные толковые словари, мы пришли к выводу, что слово «стратегия» (греч. *stratēgia*), в общих чертах, может трактоваться в трех основных значениях:

- 1) «искусство ведения войны» или «наука о ведении войны»;
- 2) «искусство руководить действиями какого-либо коллектива для достижения общих, главных целей в его борьбе с противником»;
- 3) «наиболее общий план действия».

Очевидно, что в определении содержания термина «геостратегия» следует опираться на вторую и, в особенности, на третью трактовки. Вот почему можно прийти к выводу, что понятие «стратегия» прежде всего отражает долговре-

менную линию поведения в достижении перспективной цели, умение эффективного выбора и использования средств.

Переходя непосредственно к пониманию термина «геостратегия», следует отметить, что понятие давно и широко используется в зарубежной геополитической науке. Не в последнюю очередь подобная популярность объясняется упоминанием его в заглавии известнейшего труда Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)».

Здесь, правда, надо сказать о том, что, активно используя понятие «геостратегия» («*geostrategy*»), Бжезинский во всех случаях дает ему одно и то же краткое определение, которое явно не раскрывает целиком его сущность: «стратегическое управление геополитическими интересами»³. Однако и из этого можно сделать некоторые выводы. Американский геополитик в термине «геостратегия» видит родство с национальными интересами, но не подразумевает их в некоем окончательном, завершённом виде, а рассматривает через перспективу будущего. При этом, несомненно, имеются в виду возможность и необходимость активно влиять на это будущее для достижения необходимых результатов.

В отечественной литературе в настоящее время доминирует понимание геостратегии как прикладной составляющей геополитики. Согласно К.Э. Сорокину, существует «два раздела в этой науке – геополитика “фундаментальная”, изучающая развитие геополитического пространства планеты со своей, разумеется, точки обзора, и “прикладная”, вырабатывающая принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государства или группы государств на мировой сцене. Прикладная геополитика может именоваться иначе – геостратегией»⁴.

В. Цымбурский понимает под геостратегией «умение преобразовывать фундаментальные геополитические картины мира в цели и задачи конкретного игрока, обеспеченные ресурсами и сценариями»⁵.

К этому же направлению принадлежат и некоторые другие определения геостратегии. Так, известно и хорошо аргументированно в экономической литературе представление о геостратегии (как геополитики контроля над пространствами) в качестве антипода геοэкономики (как геополитики ресурсных потоков).

Интересной представляется идея Р. Лебекова о «геополитике интегрированного пространства» и как ее прикладной части – «геостратегии интегрированного пространства». По его мнению, «если с “правильным” выбором политического и экономического пространства в числе других помогут традиционные геополитика и геοэкономика, то “внутри” выбранной структуры это сделать будет призвана именно геополитика интегрированного пространства. Реализацией же всего

этого займется геостратегия интегрированного пространства»⁶.

Наиболее же удачным нам представляется следующее определение, которое одновременно и обобщает приведенные выше трактовки, и делает акцент на наиболее важной сфере развития государства, на наиболее значимом национальном интересе. Итак, геостратегия – это прикладная область геополитики, ориентированная на выработку практических рекомендаций в области обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов.

Таким образом, после того как мы определились с пониманием ключевого термина «геостратегия», нашей следующей задачей является формулирование понятия геостратегического приоритета.

Этот термин очень активно применяется многими исследователями – как отечественными, так и зарубежными. Тем более удивительным является тот факт, что практически мало кто из них предпринимал попытки разобраться с самим содержанием этого понятия, очертить его границы. Между тем нам это представляется весьма важным прежде всего потому, что термин «геостратегический приоритет» существенно отличается от родственных понятий. Например, прогностическая составляющая термина имеет огромное значение в любом политологическом исследовании наших дней, а в геополитике и вовсе зачастую является самой важной.

Итак, при окончательном определении содержания геостратегического приоритета как термина мы учитываем две отличительные особенности. С одной стороны, наш термин, очевидно, должен объединять в себе характеристики других близких понятий («национальные интересы», «геополитические интересы», «цели государства», «средства реализации политики»). Однако при этом нельзя забывать и о такой детали: само слово «геостратегический» предусматривает более узкое значение термина по сравнению с общегосударственными понятиями, такими как «национальный интерес». Эта особенность подразумевает самое пристальное внимание к тем составляющим будущего развития, которые имеют отношение к территории и пространству.

Прежде чем попытаться дать авторское определение, отметим на основе ранее сказанного, что термин «геостратегический приоритет» должен опираться на следующие основания:

- связь с национальными интересами;
- прикладной характер геостратегии, ее внимание к конкретным, актуальным проблемам;
- сочетание аспектов личности, общества и государства;
- взаимосвязь вопросов внутренней и внешней политики;
- прогностический аспект, подразумевающий преобладание категорий будущего времени над извечными проблемами;
- понимание приоритетов как первоочередных направлений в развитии страны.

Таким образом, с нашей точки зрения, геостратегические приоритеты государства следует понимать как наиболее важные и перспективные направления его геостратегии, как конкретные практические задачи, направленные на достижение желаемого состояния во внутренней и внешней сферах, осознанные на государственном уровне и учитывающие интересы общества и личности.

Обобщая содержание этого определения, можно приравнять геостратегические приоритеты к наиболее важным задачам в реализации национальных интересов.

В результате следует говорить о том, что геостратегические приоритеты являются комплексным понятием, включающим в себя не только задачи в области геополитики и геостратегии, но и приоритеты экономического, социального и культурного развития.

Примечания

- 1 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Рос. газ. 2009. 19 мая. С. 4.
- 2 Концепция внешней политики Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 12 июля 2008 г. № 1440) // Рос. газ. 2008. 12 июля. С. 6.
- 3 Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С.18.
- 4 Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и геостратегия России. М., 1996. С.16.
- 5 См.: Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. №5. С.9.
- 6 См.: Лебеков Р. Геополитика интегрированного пространства // Континент. 2002. №3(65), 6–19 февраля. С. 8.

УДК 32.1

К ПОНИМАНИЮ ТРАДИЦИИ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

А.В. Богданов

Саратовский государственный университет
E-mail: selectedman@yandex.ru

В статье рассматривается содержательный аспект интерпретации традиции и традиционализма в западной философской мысли и в современной российской отечественной мысли. Автором выделяются ключевые моменты в понимании традиции и традиционализма, как в западной, так и в отечественной политической и философской мысли.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, новация, синергия.

To Understanding of Tradition and Traditionalism in Western and Domestic Politiko-philosophical Thought

A.V. Bogdanov

In article the substantial aspect of interpretation of tradition and traditionalism in the western philosophical thought and in modern Russian domestic thought is considered. The author allocates the key moments in understanding of tradition and traditionalism, both in western, and in domestic political and philosophical thought.

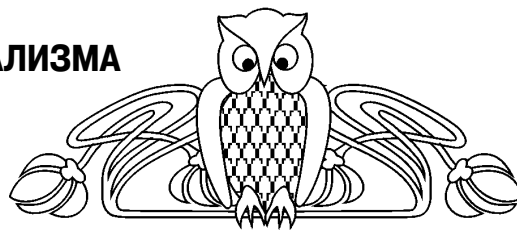
Key words: tradition, traditionalism, innovation, synergy.

Очередной всплеск интереса к процессам модернизации и традиционализации в современной России, обусловленный как исторической ситуацией, так и выбранным главой государства политическим курсом страны на всеобщую модернизацию, ставит вопрос об исследовании таких понятий, как традиционализм и модернизация.

В нашей работе мы хотели бы подробно остановиться на содержательном аспекте интерпретации традиции и традиционализма в западной философской и в современной российской отечественной мысли.

Проблеме традиции как одному из способов социальной преемственности посвящено немало исследований в самых различных областях социально-гуманитарного знания. Эти работы восходят своими корнями к философской классике – трудам Бэкона, Гоббса, Дидро, Гельвеция, Гердера, Гегеля, Маркса, более поздним изысканиям в области теории и социологии культуры Т. Куна, Р.К. Мертон, П. Сорокина, С. Тулмина и др.¹

На теоретическом уровне традиционалистское учение в России развивали Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич, И.А. Ильин и такие церковные деятели, как святитель Филарет (Дроздов) и святитель Серафим (Соболев), современный русский философ и геополитик А. Дугин, фило-

соф Е. Головин, С.С. Аверинцев, А.Н. Антонов, Э.А. Баллер, И.А. Барсебян, В.Б. Власова, В.Е. Давидович, О.И. Джигоев, Б.С. Ерасов, Э.С. Маркарян и др.². Они заложили основы целого направления, связанного с исследованием традиций, – традициеведения.

Обширные исследования традиционных форм жизнедеятельности, проведенные в отечественной науке в постсоветский период, неизбежно поставили вопрос о новых теоретических обобщениях в традициеведении. Одной из концепций, интегрирующей результаты теоретического осмысления феномена традиции, роли традиции в досовременном и современном мире, является концепция традиционализма.

Можно выделить несколько этапов осмысления понятия традиционализма в западной политико-философской мысли.

В историческую эпоху Средневековья отличительными особенностями традиционалистских доктрин Востока и Запада являются прежде всего моноцентризм и авторитаризм³.

Следующим этапом развития концепции традиционализма в западной политико-философской мысли является XVIII век. На данном этапе рефлексивный традиционализм характеризуется в первую очередь преобладанием идеологии антиреволюционаризма и консерватизма, и поэтому его можно назвать идеологическим традиционализмом⁴.

Далее всплеск специфического интереса к проблеме традиции связан с реакцией романтизма на соответствующую ему современность.

Романтики, несмотря на декларирование безусловной ценности традиции, объективно способствовали её десакрализации. В этом смысле рефлексивный традиционализм романтиков – характернейший продукт разрушения традиционной культуры⁵.

Указанное обстоятельство не осталось незамеченным наследниками романтиков – традиционалистами XX в. (Р. Геноном, Ю. Эволой, М. Элиаде и др.), вдохновив их на поиски фундаментальных основ некоей подлинной, единой для всего человечества Традиции, обеспечивающей непрерывность определенного состояния культуры. Противопоставление прошлого настоящему они основывали на радикальном неприятии самой идеологии историзма, чему способствовали и социально-исторические условия⁶.

В XX в. традиционализм Запада складывается в стройную доктринальную систему.

Отличием этого этапа политического традиционализма являются оригинальные методологические подходы. Идея возможности установления внеисторического социального порядка в современном обществе трансформировалась в идею необходимости возврата к архаике, а это создало ту историческую точку, через которую проходит граница, разделяющая философский консерватизм XIX в. и интегральный традиционализм⁷.

Анализ показал, что можно выделить два наиболее распространенных подхода к пониманию традиции и традиционализма в западной политико-философской мысли. В первом случае традиционализм понимается как официальная идеология традиционных обществ, состоящая в идеализации и абсолютизации традиции. Во втором – как социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего специально сконструированного образца, который выдается за идеальную модель⁸.

Как показывает опыт российского исторического процесса, осмысление традиции как проблемы происходит в периоды глубочайшего кризиса, когда под угрозой оказываются национально-государственная целостность, культура, духовный уклад. В XX в. социальная и политическая мысль в России (и в СССР) сделала большой шаг в исследовании и решении проблем социокультурного наследования.

Рассмотрим подробнее советский период исследования традиции и традиционализма (60–90-е гг.). 60-е гг. XX в. в советской социофилософской мысли характеризуются всплеском интереса к традиции и феномену традиционности, что свидетельствует о потребности проанализировать прошлый опыт страны и найти утраченные или не вполне сохраненные факторы, типформирующие для нашей исторической общности. По словам В.В. Аверьянова: «...Эпоха социально-политического “застоя” была в этом смысле эпохой глубокой обеспокоенности своими истоками»⁹.

Разработка темы традиции во времена зрелого социализма (70–80-е гг.) шла по трем основным направлениям:

1) нормативистский (М.Н. Кулажников, Н.С. Сарсенбаев), предлагавший наиболее узкую трактовку традиции, сведение ее к наследуемым нормам и принципам поведения людей;

2) социально-феноменологический (А.К. Уледов, И.В. Суханов), рассматривающий традицию как устойчивые формы общественного сознания, формы идейной преемственности общества;

3) структурно-функциональный подход и близкие ему авторы (Э.С. Маркарян, Н.С. Сарингулян, К.В. Чистов) говорили о традиции в наиболее ее широком понимании, как всего организованного социального опыта, находящегося в процессе непрерывного становления¹⁰.

В 60-80-е гг. было разработано несколько фундаментальных концепций традиции, достаточно полно раскрывающих содержание этой социально-философской проблемы. Весь этот обширный опыт в 90-е гг. был подвергнут новому осмыслению. В последнее десятилетие проблема традиции и традиционализма решалась различными способами в связи с конкретными религиозными и культурными ценностями и идеалами, с которыми в той или иной мере отождествляли себя исследователи. Общественные изменения в 90-е гг. позволили авторам уточнить свою культурную идентификацию, преодолеть противоречие между материалом и абстрактной его интерпретацией.

Таким образом, 80-е гг. XX в. отечественной философской мысли прошли под знаком встречи с плюральными традициями и всем разнообразием человеческой истории, под знаком открытости для разнообразного традиционного опыта. В 90-е гг. намечается начало своего рода религиозно-философского возрождения, постепенно восстанавливаются утраченные исторические связи с русской философией первых десятилетий XX века. Вместе с тем в наше время русская религиозная философия и философия культуры обзаводится качественно новыми чертами, среди них – обостренный интерес к проблемам традиции, традиционности, традиционализма¹¹.

В отечественной философской мысли можно выделить два понимания традиции. В одном понимании грань между традициями и новациями является условностью: они выглядят как две диалектические стороны (уходящего и приходящего) бесконечно эволюционирующего, модернизирующегося порядка вещей. Связь традиции и новации осуществляется в процессе отбора, селекции, постепенной трансформации, в результате которой оболочка и ядро прежней традиции разлучаются друг с другом. В старую форму внедряется новое содержательное ядро, вследствие чего вся традиция меняется.

Во втором понимании традиции – это сложная структура, в которой динамический элемент внутренне связан с изначальным ядром. Такая традиция существует в своих вариантах, не исчезает и по существу не меняется при переходе от одного варианта к другому. При таком понимании возможен синтез традиции и новации, традиционализма и модернизма, где ядром является традиция, а новация развивается с опорой на традицию. Синтез традиции и новации осуществляется на синергической основе, раскрывая в полной мере потенциалы традиционализма и модернизма¹².

В заключение можно сделать вывод, что, с одной стороны, как и русская, так и западная мысль высвечивает сакральную трактовку традиции, а с другой – модернистскую трактовку традиции как секулярного механизма исторической преемственности, который может не наполняться

священными смыслами и ассоциациями, а являться служебным, инструментальным по отношению к задачам своего времени.

Примечания

- ¹ См.: Полонская И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2006. 269 с.
- ² См.: Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа: Дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. 397 с.
- ³ См.: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341–359.
- ⁴ См.: Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 6. С. 275–283.
- ⁵ См.: Дугин А. Философия традиции. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с.

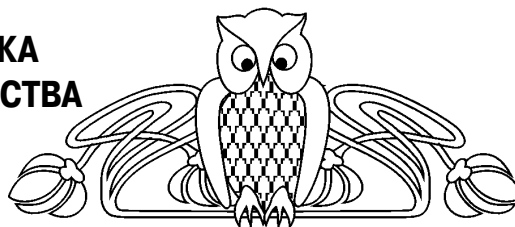
- ⁶ См.: Макаров А.И. Указ. соч. С. 275–283.
- ⁷ См.: Полонская И. Н. Указ. соч.
- ⁸ См.: Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. С. 56–61.
- ⁹ См.: Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 68–77.
- ¹⁰ См.: Аверьянов В.В. Два понимания традиции (к сопоставительному анализу интерпретаций проблемы культурного наследования в современной отечественной мысли) // Вопросы культурологии. 2009. № 3. С. 12–16.
- ¹¹ См.: Сугрей Л.А. Указ. соч.
- ¹² См.: Багдасарян В.Э. Традиционализм и модернизм: проблема синергийного моделирования. // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России: Материалы науч. семинара. М.: Науч. эксперт. 2008. Вып. № 5 (14). С. 8–150.

УДК 329(470)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Пугачев

Кемеровский государственный университет
E-mail: alexbio@yandex.ru

Цель данной работы – показать необходимость региональной экологической политики. В работе определен следующий круг задач: дать анализ определения понятия «региональная экологическая политика»; обозначить основные проблемы региональной экологической политики; рассмотреть позицию гражданского общества в отношении необходимости региональной экологической политики.

Ключевые слова: политика, экологическая политика, региональная политика.

Regional Ecological Policy in Russia: the Sight of the Civil Society

A.V. Pugachev

The purpose of the article – to show necessity of a regional ecological policy. In work the following circle of problems is defined: to give the analysis of definition of concept the regional ecological policy; to observe the basic problems of a regional ecological policy; to consider a position of a civil society concerning necessity of a regional ecological policy.

Key words: policy, ecological policy, regional policy.

Реализация экологической функции государства выражается экологической политикой, которая понимается, с одной стороны, как стратегия по управлению системой «природа–общество», а с другой – как стратегия по урегулированию экоконкурентной борьбы и обеспечению экологической безопасности, частью которой является здоровье населения.

Экологическую политику можно представить как взаимодействие различных экономических, политических и социальных структур, направленных на реализацию стратегии в сфере охраны природы и окружающей среды, а также как деятельность государства, общественных, политических организаций регулируется отношение общества к природе с целью её защиты и развития¹.

Защита окружающей среды – проблема общегосударственная, но практические конкретные меры по ее решению ложатся главным образом на регионы, потому что они непосредственно страдают от загрязнения, к тому же обладают необходимой информацией для принятия мер².

Региональная экологическая политика – это процесс, в который включены органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные и иные некоммерческие объединения, бизнес-структуры, юридические и физические лица, деятельность которых направлена на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. При этом особен-

священными смыслами и ассоциациями, а являться служебным, инструментальным по отношению к задачам своего времени.

Примечания

- ¹ См.: Полонская И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2006. 269 с.
- ² См.: Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : Дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. 397 с.
- ³ См.: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341–359.
- ⁴ См.: Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 6. С. 275–283.
- ⁵ См.: Дугин А. Философия традиции. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с.

- ⁶ См.: Макаров А.И. Указ. соч. С. 275–283.
- ⁷ См.: Полонская И. Н. Указ. соч.
- ⁸ См.: Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. С. 56–61.
- ⁹ См.: Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 68–77.
- ¹⁰ См.: Аверьянов В.В. Два понимания традиции (к сопоставительному анализу интерпретаций проблемы культурного наследования в современной отечественной мысли) // Вопросы культурологии. 2009. № 3. С. 12–16.
- ¹¹ См.: Сугрей Л.А. Указ. соч.
- ¹² См.: Багдасарян В.Э. Традиционализм и модернизм: проблема синергийного моделирования. // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России: Материалы науч. семинара. М.: Науч. эксперт. 2008. Вып. № 5 (14). С. 8–150.

УДК 329(470)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Пугачев

Кемеровский государственный университет
E-mail: alexbio@yandex.ru

Цель данной работы – показать необходимость региональной экологической политики. В работе определен следующий круг задач: дать анализ определения понятия «региональная экологическая политика»; обозначить основные проблемы региональной экологической политики; рассмотреть позицию гражданского общества в отношении необходимости региональной экологической политики.

Ключевые слова: политика, экологическая политика, региональная политика.

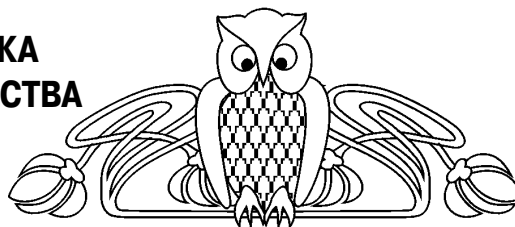
Regional Ecological Policy in Russia: the Sight of the Civil Society

A.V. Pugachev

The purpose of the article – to show necessity of a regional ecological policy. In work the following circle of problems is defined: to give the analysis of definition of concept the regional ecological policy; to observe the basic problems of a regional ecological policy; to consider a position of a civil society concerning necessity of a regional ecological policy.

Key words: policy, ecological policy, regional policy.

Реализация экологической функции государства выражается экологической политикой, которая понимается, с одной стороны, как стратегия по управлению системой «природа–общество», а с другой – как стратегия по урегулированию эконоконкурентной борьбы и обеспечению эколо-

гической безопасности, частью которой является здоровье населения.

Экологическую политику можно представить как взаимодействие различных экономических, политических и социальных структур, направленных на реализацию стратегии в сфере охраны природы и окружающей среды, а также как деятельность государства, общественные, политических организаций регулируется отношение общества к природе с целью её защиты и развития¹.

Защита окружающей среды – проблема общегосударственная, но практические конкретные меры по ее решению ложатся главным образом на регионы, потому что они непосредственно страдают от загрязнения, к тому же обладают необходимой информацией для принятия мер².

Региональная экологическая политика – это процесс, в который включены органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные и иные некоммерческие объединения, бизнес-структуры, юридические и физические лица, деятельность которых направлена на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. При этом особен-

ности региона (природно-ресурсный потенциал, характер промышленности, здоровье и культура населения и др.) являются факторами формирования приоритетных направлений политики.

Иначе говоря, это совокупность действий органов власти по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности населения региона³.

Ф.О. Майер и Е.В. Перфильева выделяют общие цели экологической политики всех уровней, применимые для региона. Экологическая политика – это действия для достижения поставленных экологической стратегией целей, рассчитанных на возможности и сроки достижений в области охраны окружающей среды, сохранения здоровья населения и рациональной эксплуатации природных ресурсов, а также использования экологических отношений для решения политических, социальных и экономических задач⁴.

Широко рассматривает явление региональной экологической политики О.Н. Яницкий, предлагая разные трактовки: принятие и исполнение решений, порученных сверху, их утверждения региональной администрацией; соблюдение экологической законности; способ разрешения конфликтов разного уровня – между интересами государства и региона, между региональными группами интересов, между регионом и органами местного самоуправления и др.

Автор интерпретирует экологическую политику как диалог основных социальных сил под контролем общественности и региональной администрации. Основным субъектом здесь выступают региональные власти, группы интересов, неправительственные организации и местное население. При этом он отмечает, что общественные организации и СМИ часто находятся под контролем региональных администраций и стоящих за ними групп интересов⁵. Таким образом, исходя из данного определения общественные экологические организации являются неотъемлемым участником принятия и реализации экологических решений. А также определяется необходимость взаимодействия органов власти с общественностью.

Говоря об экологической политике, необходимо понимать, что во главе этой проблемы находятся прежде всего ресурсы – недра, территории страны, которые, в свою очередь, рознятся своими характеристиками, следовательно, и экологические проблемы и их политическое решение приобретают свою региональную специфику.

В этой связи представляют интерес результаты исследования ВЦИОМ. В них говорится о том, что в последнее время снижается доля россиян, оценивающих экологическую обстановку в месте своего проживания как благополучную: с 44% в 2005 г. до 39% в текущем году. Как и ранее, преобладают негативные оценки (58 %): 49% опрошенных состояние окружающей среды кажется скорее неблагоприятным, 9% – катастрофическим. Положительные оценки экологической

обстановки чаще дают южане (47%), жители Центрального и Приволжского округов (45 и 44% соответственно), а также селяне (55%). Напротив, сибиряки и жители крупных городов в большинстве своем заявляют о неблагоприятном или катастрофическом состоянии окружающей среды в местах своего проживания (79 и 72% соответственно). По сравнению с 2005 г. возросла доля россиян, констатирующих ухудшение экологической обстановки в своем населенном пункте за последние пять лет (с 33 до 41%). Как правило, это сибиряки (54%), жители Дальневосточного и Северо-Западного округов (53 и 51% соответственно), жители крупных городов (56%)⁶. Приведенные данные подтверждают тревожность обстановки в этих регионах и несостоятельность проводимой экологической политики и позволяют определить регионы с наиболее выраженным беспокойством населения. Это в основном те агломерации, в которых сосредоточены основные промышленные производства страны. Для таких регионов особенно важно, чтобы региональная экологическая политика проводилась властями в сотрудничестве с населением.

Необходимо отметить, что Россия унаследовала ресурсную экономику с перекосом в сторону тяжелой инфраструктуры, которая обернулась серьезным антропогенным влиянием на природу. За годы перестройки и реформ худшие черты экологического облика России только усугубились. В ряде районов страны сформировалась очень острая и даже критическая экологическая ситуация, влияющая на ухудшение качества жизни населения, а именно на увеличение заболеваемости и смертности. Остроту этих тенденций и неэффективность государственной охраны окружающей среды подтверждает общественное мнение. Экологические проблемы стоят перед жителями большинства регионов, поэтому необходим системный подход государства к этим вопросам.

Становится очевидно, что надо повсеместно менять методы природопользования. Государство должно ставить интересы общества очень высоко и защищать конституционные права на благоприятную окружающую среду. Определенно необходимо всеобщее ужесточение требований со стороны государственных и региональных властей в отношении производств, природопользователей с целью уменьшить их неблагоприятное влияние на экологическую обстановку и здоровье людей. Однако при этом проявляется тенденция отказа государства от контролирования бизнеса, государство уходит из экономики природопользования, предоставляя возможности частному сектору.

Президент России Д.А. Медведев считает, что проблема экологии сегодня стоит весьма остро в современной России. В регионах с неблагоприятной окружающей средой проживают 40 миллионов россиян, из них один миллион живет в условиях опасного уровня загрязнения⁷.

По данным ВЦИОМ (август 2009 г.), ответственность за состояние экологии в своем населенном пункте россияне, как и прежде, чаще всего возлагают на местную власть, причем в последнее время таких респондентов стало больше (34 против 28% в 2005 г.). По 16% считают, что за состояние окружающей среды должны отвечать федеральные власти и сами люди, 14% указывают на региональные власти, 13% – на специальные правительственные службы, реже всего – на предприятия (3%) и общественные организации (2%). Жители различных населенных пунктов расходятся во мнениях по поводу того, кто должен отвечать за состояние экологии. Так, сельские жители наиболее склонны считать, что это местные власти (40%), а москвичи и петербуржцы, как правило, указывают на федеральные власти (29%) и специальные правительственные службы (23%). Жители средних городов чаще всего возлагают ответственность на самих людей (21%)⁸.

Со стороны гражданского общества ответственность за экологическое благополучие разделяется следующим образом:

- местные власти;
- федеральные власти;
- региональные власти.

Определенно можно сказать о том, что российское общество подошло в своем развитии к адекватному восприятию экологических проблем, а также о том, что общество желает, чтобы экологические вопросы решались путем принятия политических решений на местном уровне, причем с системой контроля на федеральном уровне. Роль такого контролирующего органа могло бы выполнять отдельное экологическое ведомство, при этом население определенно выделяет местные (муниципальные). Возможно, это связано с тем, что местные власти должны быть заинтересованы в грамотной экологической политике, поскольку находятся в той же экологической ситуации, что и общество.

Нужно отметить, что государственная и региональная экологическая политика является вершиной экологической функции государства⁹. Особенно важное значение в современных условиях имеет формирование экологической политики регионов. Региональная экологическая политика должна учитывать разные факторы: накопленное за предыдущий период загрязнение, масштабы которого в регионах различны; приоритеты государственной экологической политики; состояние экономики в регионе; состояние здоровья населения¹⁰. На протяжении десятилетий государственная политика формировалась без учета экологических интересов регионов. И некоторые промышленно развитые регионы оказались заложниками ведомственных интересов. Это повлияло

на уровень загрязнений в регионах и состояние здоровья населения. Таким образом, ответственность и принятие решений в области экологической политики логично возлагать на региональные власти. Однако сегодня существует проблема дублирования полномочий в области проведения государственного экологического контроля между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Для грамотной региональной экологической политики необходимо взаимодействие местных властей и населения, а также контроль со стороны федеральных органов власти.

Примечания

- 1 См.: Пугачев А.В. Экологическая политика на современном этапе: содержание, цели и задачи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 81.
- 2 См.: Ижко Ю.А., Колесник Ю.А. Современное состояние биосферы и экологическая политика. СПб., 2007. С. 166.
- 3 См.: Мекуш Г.Е. Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы. М., 2007. С. 81.
- 4 См.: Майер Ф.О., Перфильева Е.В. Рекомендации по разработке концепции региональной экологической политики на примере реализации проекта «Разработка Концепции экологической политики Кемеровской области. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности». Новокузнецк, 2002. С. 7.
- 5 См.: Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002. С. 130–131, 146, 183.
- 6 См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения. Экологическая обстановка в России: напряжение нарастает [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskiiarkhiv/item/single/11956.html?no_cache=1&cHash=302e0bb44a&print=1 (дата обращения: 25.08.2009); Экологическая обстановка не устраивает более половины россиян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barentsobserver.com/cppage.269810-16180.html> (дата обращения: 25.08.2009).
- 7 См.: Президент Медведев взялся за экологию [Электронный ресурс]. URL: <http://ecopages.ru/news.html?id=19731> (дата обращения: 25.08.2009).
- 8 См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения. Экология и власть: кто ответит за состояние окружающей среды? [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskiiarkhiv/item/single/12305.html?no_cache=1&cHash=ad3ef268e7&print=1 (дата обращения: 25.08.2009).
- 9 См.: Высторобец Е.А., Дунак В.Я. Государственная и региональная экологическая политика. М., 2005. С. 6.
- 10 См.: Пугачев А.В. Указ. соч. С. 84.

УДК 316.342.5

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.С. Бигази́ева

Саратовский государственный университет
E-mail: swetsb78@mail.ru

В статье рассматривается оппозиция как неотъемлемая часть политической системы, анализируется парламентская оппозиция как институт политической системы современной России.

Ключевые слова: политическая система, парламентская оппозиция, оппозиционные партии.

Parliamentary Opposition as an Institute Political System of Modern Russia

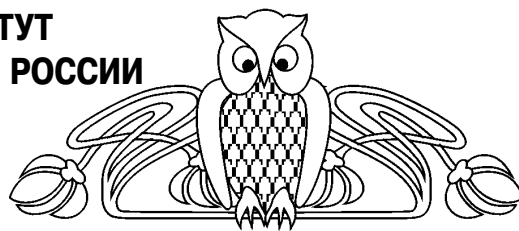
S.S. Bigazieva

The article deals with the opposition as part and parcel of the political system, analyzes the parliamentary opposition as an institution of the political system of modern Russia.

Key words: political system, parliamentary opposition, opposition parties.

В современном мире наиболее широко развита представительная демократия. Это многоуровневая система участия граждан в управлении делами государства, в которую традиционно включаются общественные отношения между гражданами и выборными должностными лицами. Одним из ее уровней и является деятельность парламентской оппозиции.

В рамках политической системы оппозицию составляют политические силы (партии), которые не согласны с официальным политическим курсом. Политическая оппозиция, по мнению Д.П. Зеркина, «это организованная группа активных индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти»¹. Оппозицией становится общественно-политическое объединение людей, которое, во-первых, осознанно противопоставляет себя господствующей в конфликте общественной силе по программным вопросам политики, по базовым ценностям, главным идеям и целям; во-вторых, представляет собой организацию политических единомышленников – партию, фракцию, движение и пр.; в-третьих, способна вести борьбу и ведет ее за доминирующее положение во властных отношениях; в-четвертых, оппозиция состоит при наличии политического лидера, воспитываемого ею по своему образцу и подобию и объединяемая им². По сути, оппозиционные партии – это партии, потерпевшие поражение на выборах или не получившие большинство мест в парламенте и сосредоточившие свою деятель-

ность на разработке программ, позиций, альтернативных правящей партии.

Парламентскую оппозицию составляют группы депутатов (фракции), образуемые из членов оппозиционных партий, которые посредством конструктивной критики ограничивают стремящуюся к расширению власть, контролируют ее действия на предмет их соответствия общему благу и, принимая участие в законотворческом процессе, предлагают альтернативные решения, корректируют политику власти в целом и готовы сами сменить ее. Существование парламентской оппозиции является одной из важнейших характеристик политического режима, степенью его демократичности и одним из факторов динамизации политической жизни. Без нее политический режим утрачивает возможности к саморазвитию и, напротив, стремится к «окаменению» власти. При демократических режимах наличие оппозиции является важнейшим атрибутом власти, ведь оппозиция вообще является одним из действенных и демократичных институтов современного парламентаризма. В ряде стран она имеет официальный статус, права и возможности влияния на власть. Например, в Великобритании «Оппозиция Ее Величества Королева» – это один из основополагающих политических институтов. Правовое закрепление оппозиции в парламенте Великобритании отразилось и на принятии аналогичных норм в законодательстве большинства стран Содружества (Австралия, Индия, Малайзия, Канада и т.д.). Можно отметить, что сегодня формируется особый правовой статус оппозиционных политических партий, находящихся в парламенте.

Большинство западных исследователей рассматривают политическую оппозицию как неотъемлемый элемент политической системы, с которым связывается надежда на ускорение темпов социального и экономического прогресса; как институт, призванный обеспечить контроль над неукоснительным соблюдением всеми ветвями власти принципов, лежащих в основе демократической политической системы. Российские авторы, соглашаясь в целом с позитивной оценкой ее как одного из условий развития политической системы, подчеркивают то обстоятельство, что оппозиция способна стать фактором дестабилизации общественной обстановки. Вместе с тем наблюдается эволюция оценки роли и значения оппозиции в политической жизни общества в сторону при-

знания ее в качестве неотъемлемого участника современного политического дискурса³.

В России предпринималось несколько попыток принятия закона «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации». Первая попытка была в 1996 г., когда группа депутатов от партии КПРФ внесла на рассмотрение Государственной думы РФ данный законопроект. Он был принят в трех чтениях в нижней палате парламента, однако первый Президент РФ Б.Н. Ельцин, используя право вето, отклонил закон, объяснив, что данный законопроект противоречит ст.10 Конституции РФ. Вторую попытку предприняли в 2005 г. депутаты Государственной думы от фракции «Родина», однако он был снят с рассмотрения в Госдуме из-за отсутствия заключения Правительства РФ о финансировании из федерального бюджета расходов. В 2007 г. третья попытка внесения законопроекта «О правовых гарантиях оппозиционной деятельности в Российской Федерации» в Госдуму была предпринята коммунистами, но и он не был принят.

Роль политической оппозиции в России существенно изменилась в период 2004–2009 гг. Посредством грамотных политических технологий, реформирования законодательства и силового давления на крупный бизнес власть в период 2000–2005 гг. добилась нейтрализации основных оппозиционных партий, ликвидации парламентской оппозиции и минимизации роли региональной и бизнес-элиты как оппозиционных центров политического влияния⁴. Ключевую роль в сокращении количества оппозиционных партий сыграли внесенные в законодательство поправки: «пропорционализация» выборов, увеличение градительного барьера, отмена голосования «против всех» и т.д. Слабость и бессилие парламентской оппозиции стало еще более характерным в условиях доминирующей партии власти в России. В партийном пространстве сформировалась система «ограниченного плюрализма», и резко усилилась роль бюрократии в политической жизни страны⁵. В итоге в Государственной думе пятого созыва представлены следующие политические партии: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР. Из них только КПРФ можно отнести к оппозиции: ЛДПР и «Справедливая Россия» вполне лояльны по отношению к Кремлю. В лучшем случае они могут претендовать на роль участников дискуссий при обсуждении важных вопросов жизнедеятельности государства. Вместе с тем, по мнению А. Макаркина, установление контроля Кремля над партийной политикой в стране может повлечь за собой полное исчезновение оппозиционных партий в стране в долгосрочной перспективе⁶.

При этом надо отметить, что парламентская оппозиция сможет подтвердить свою позитивную роль в политической системе только в том случае, если вслед за обозначением недостатков в действиях правительства или неверных реше-

ний будут предложены альтернативные меры по изменению ситуации, в реализации которых она сможет принять самое активное участие. События последних лет на Украине продемонстрировали, что сильная оппозиция способна прийти к власти демократическим путем, брать на себя политическую ответственность и менять политический курс страны в целом.

Предоставление оппозиции возможности выражать свою, отличную от официальной, точку зрения и конкурировать с правящей партией в политическом процессе (за голоса избирателей, в законодательных органах власти, в средствах массовой информации), как свидетельствует опыт развитых демократий, оказывает стабилизирующее воздействие на всю политическую структуру общества, служит «противоядием» от нарастания острых социальных конфликтов и кризисов. Ущемление прав оппозиции и ограничение сферы ее деятельности воспринимается как нарушение элементарных демократических свобод населения. Вместе с тем отсутствие дееспособной оппозиции в условиях демократии ведет к росту социальной нестабильности или же вызывает политическую апатию масс. В то же время оппозиция, как уже отмечалось, выступает и в роли фактора, дестабилизирующего общественные порядки. Поэтому неучет и игнорирование мнения оппозиции может привести к обострению ее протестного потенциала и неконвенциональному участию оппозиции в политической жизни: бунты, восстания, революции и т.д. Это отчасти продемонстрировали действия оппозиции на постсоветском пространстве в Грузии, Киргизии, Узбекистане.

Роль политической оппозиции состоит в том, что она способствует разрядке политической напряженности, позволяя приобретать социальному недовольству легальные формы выражения. Гарантируя оппозиции право на инакомыслие и легальную политическую деятельность, общество тем самым предохраняет себя от стагнации и застоя, неадекватного реагирования на вызовы времени, на изменившиеся обстоятельства и условия внешней среды. Наиболее важным показателем того, что политическая оппозиция эффективно выполняет общественно необходимые функции, являются стабильность и преемственность политической системы. Способность последней к постоянной обновляемости и политической преемственности – фактор обеспечения политической стабильности, социального, политического и идеологического баланса.

Политическая культура России такова, что восприятие общественных событий и оценка оппозиции происходят в народе по большей части через личность лидеров⁷. Иметь авторитарного руководителя оппозиции, высоко оцениваемого или просто широко известного в стране – главное условие существования и даже просто политического выживания для оппозиции или политиче-

ской партии в стране. Так, опрос, проведенный ВЦИОМ в 2008 г., показал: более половины россиян (57%) считают, что в России есть только одна сильная партия – «Единая Россия», а остальные заметной роли не играют⁸. Данное обстоятельство обусловлено еще и созданием властными структурами подконтрольных, «псевдоопозиционных партий», что ведет к увеличению степени недоверия населения к политическим партиям. Это во многом подтверждает тот факт, что в нынешних условиях парламентская оппозиция вряд ли сможет прийти к власти. Похожей точки зрения придерживается М. Леонтьев: «У нас вся политика оппозиции либо маргинальна, либо фиктивна. Никакого разговора о победе этих партий в предвыборной гонке нет. И дело не в отсутствии финансирования, а в отношениях этих партий к режиму власти»⁹.

Учет со стороны властных структур интересов оппозиции позволяет переводить их объективные требования в русло практической политики для достижения общественно значимых целей. Только такой путь – путь повышения жизненного уровня широких слоев населения, активной борьбы с преступностью, коррупцией в государственных структурах, недопущения военных конфликтов на российской территории, постоянного учета общественного мнения – формирует условия для стабилизации общества, что, в свою очередь, будет способствовать повышению легитимности власти, снижению активности и массовости оппозиции¹⁰. Противодействуя политике и взглядам господствующего субъекта, оппозиция выступает основным организованным критиком властных институтов и одним из главных инструментов политической демократии¹¹.

В своем первом Послании Федеральному собранию Президент России Д.А. Медведев предложил «10 шагов по демократизации политической системы»: снижение минимальной численности партий, отмена избирательного залога, необходимого для регистрации на выборах; гарантирование думским партиям доступа к государственным СМИ; партиям, получившим от 5 до 7% голосов, гарантированы 1–2 депутатских мандата и др. Как объяснил президент, данные «меры будут способствовать повышению качества народного представительства, более полному учету интересов людей»¹². Это определение нового подхода к диалогу с оппозицией России.

На наш взгляд, признавая парламентскую оппозицию необходимым атрибутом демокра-

тического общества, ее незаменимую роль при коммуникации общества с властью, при корректировке политического курса власти, исходя из социальных запросов общества, представляется целесообразным повысить степень независимости оппозиции от власти, а также уровень ее правовых возможностей и институциональных гарантий их реализации. При этом обязанностью оппозиции является нормальный конструктивный подход к своей деятельности, законодательными мерами отстаивать свое право на выработку альтернативных проектов и решений. Это позволило бы парламентской оппозиции осуществлять свои функции, оказывать стабилизирующее воздействие на работу политической системы в целом.

Примечания

- ¹ Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. №5. С. 96.
- ² Там же.
- ³ См.: Курбанов А.Р. Некоторые аспекты разработки понятия оппозиции в политической науке: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2008. №3. С. 77.
- ⁴ См.: Мусина Л.М. Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности становления: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2005. 22 с.
- ⁵ См.: Степанченко В. Вектор трансформации политической системы России: феномен малопартийности // Власть. 2009. №9. С.22.
- ⁶ См.: Макаркин А. Партийная система современной России и начало кризиса // Неприкосновенный запас. 2009. №1. С. 126.
- ⁷ См.: Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис: политические исследования. 2008. №5. С. 149.
- ⁸ См.: Сколько партий нужно России? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2008. №1056.
- ⁹ Оппозиция в России начала XXI века в высказываниях современников. / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2006/12/05/opposition/> (дата обращения: 15.09.2010).
- ¹⁰ Васильев В.А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. 1996. №5. С.52.
- ¹¹ Зеркин Д.П. Указ. соч. С. 100.
- ¹² Послание Федеральному собранию Российской Федерации / [Электронный ресурс]. URL: http://tours.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 15.09.2010).

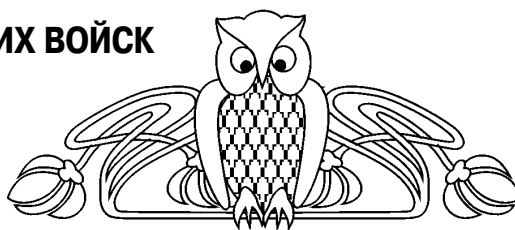

УДК [355+323] (470+571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСУРСНОСТЬ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: petrovdimas33622@mail.ru

В статье исследуется политическая ресурсность внутренних войск в современной России. Автор последовательно анализирует специфику функционирования, конкретные политико-ресурсные характеристики внутренних войск и делает вывод об их значимости в политических процессах в стране.

Ключевые слова: политическая ресурсность, внутренние войска, силовые структуры.

Political Resources Internal Forces in Modern Russia

D.E. Petrov

This article explores the political resources of internal forces in modern Russia. The author successively examines the specifics of the functioning, the resource characteristics of internal forces and make conclusions about their significance in the political process in the country.

Key words: political resources, internal forces, power structures.

Политическая история России и зарубежных стран свидетельствует, что силовые структуры обладают значительной политической ресурсностью инструментального и субъектного характера. Особенно это справедливо для формирований, специально созданных для решения внутривнутриполитических задач. К их числу относятся и внутренние войска (ВВ)¹, представляющие собой специальные воинские формирования, предназначенные для силового разрешения внутривнутригосударственных конфликтов, охраны общественного порядка, обеспечения безопасности личности, общества и государства, прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств².

Присутствие внутренних войск в системе государственной власти обусловлено наличием в мировой политико-административной практике ещё с глубокой древности определённых стандартов силового взаимодействия государства и общества, в том числе: недопущение армии к решению внутривнутриполитических проблем, борьбе с внутренними врагами государства и подавлению гражданских волнений, а также нелетальный характер большинства методов борьбы с внутренними врагами и гражданскими волнениями, в отличие от того инструментального набора, который имеется в распоряжении армии для противодействия агрессорам. Относительно роли внутренних войск в современных условиях в деле борьбы с внутренними врагами, которые могут быть весьма разнообразны и многочисленны,

заметим, что в этом измерении эти войска не уникальны – в различных плоскостях противодействовать внутренним врагам уполномочены все силовые структуры, и методы их могут носить самый разнообразный характер, в том числе и иметь летальные последствия.

Специфичность внутренних войск как воинских формирований особого рода проявляется именно в отношении гражданских волнений. Здесь использование армейских частей, не имеющих достаточной политической и специальной подготовки для действий в таких ситуациях, может повлечь за собой определённые осложнения. Во-первых, сам факт обращения штыков армии против своего народа наносит значительный удар по легитимности правящего режима. Во-вторых, военнослужащие армейских частей и подразделений при подавлении массовых беспорядков, особенно если они вызваны реальными несправедливостями государственной политики, могут начать колебаться и даже переходить на сторону участников гражданских волнений. В-третьих, отсутствие у бойцов армейских подразделений специальной подготовки и спецсредств для действия в условиях гражданских волнений не только снижает эффективность мероприятий по подавлению массовых беспорядков, но и подчас приводит к неоправданно большим жертвам среди населения.

Понимание необходимости специальных формирований для борьбы с внутренними волнениями имело место ещё в глубокой древности. В частности, древнекитайский стратег У-Цзы, живший в V–IV вв. до н.э., так обосновывал предназначение вооружённых формирований: «Обычно поднимают войско на войну из-за пяти причин: первое – из-за славы; второе – из-за выгоды; третье – из-за накопившихся обид; четвертое – из-за внутренних беспорядков; пятое – из-за голода. Эти причины, в свою очередь, обуславливают пять видов войск: первое – справедливые войска; второе – насильственные войска; третье – неистовые войска; четвертое – жестокие войска; пятое – мятежные войска». Следовательно, ещё в Древнем Китае один из видов войск, «жестокие войска», предназначался для борьбы с «внутренними беспорядками»³.

В современном мире военизированные формирования внутренней направленности существуют практически в каждом государстве, но далеко

не везде они называются внутренними войсками и могут подчиняться не министру внутренних дел, а министру обороны, или президенту, или находиться под совместным контролем нескольких ведомств. В частности, во Франции аналогом внутренних войск является Национальная жандармерия, в Испании – Гражданская гвардия, в США и большинстве латиноамериканских стран – Национальная гвардия, в Италии – Корпус карабинеров, карабинерами называют силы внутренней безопасности и в Молдове. Название «внутренние войска» распространено на постсоветском пространстве: в бывших республиках СССР и некоторых странах соцлагеря (Польша, Монголия). Национальная гвардия популярна в латиноамериканских странах, развивавшихся под значительным политическим влиянием Соединённых Штатов. Жандармерией принято называть воинские формирования внутренней безопасности не только во Франции, но и в бывших её колониях, а также в странах, где государственное строительство осуществлялось с опорой, в числе прочего, и на французский опыт. Есть и другие наименования внутренних сил безопасности – мобильные части полиции постоянной готовности (ФРГ), различные батальоны и полки полиции оперативного назначения и т.д. При этом для облегчения восприятия материала и с учётом особого внимания, которое мы уделяем развитию этого института именно в России, в данной статье для обозначения военизированных формирований внутреннего предназначения используется единый термин «внутренние войска».

В современной России внутренние войска входят в систему МВД и являются «другими войсками» (согласно ФЗ «Об обороне»)⁴, предназначенными для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств⁵. Законом на них возложены традиционные для такого рода формирований функции: участие совместно с органами внутренних дел в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения; участие в борьбе с терроризмом и обеспечении правового режима контртеррористической операции и др.⁶

Выполняемые внутренними войсками функции условно можно разделить на три группы: полицейские (содействие милиции и пограничникам, охрана грузов и объектов и др.), военные (территориальная оборона, борьба с терроризмом и др.) и политические (подавление гражданских волнений и др.). Последняя группа функций прямо в Федеральном законе по понятным причинам не прописана, но от этого не менее важна и является институтообразующей применительно к внутренним войскам. Сугубо военные задачи в связи с напряжённой обстановкой на Северном Кавказе внутренним войскам в последнее время вместе с армией приходилось решать довольно часто, за

что их неофициально стали называть «воюющими войсками»⁷. Столь активное использование государством именно военного потенциала внутренних войск имело место, наверное, только в послевоенный период истории СССР, когда части ВВ активно привлекались к боевым действиям против НВФ украинских националистов⁸.

Общая численность частей и подразделений внутренних войск в нашей стране составляет около 170 тыс. чел.⁹, в то время как в начале 1990-х гг. их численность была вполне сопоставима с Сухопутными войсками Вооружённых сил России и составляла 304 тыс. чел. Для сравнения, на Украине численность ВВ составляет 33,5 тыс. чел., в Белоруссии – около 11 тыс. чел., в Казахстане – до 25 тыс. чел. Есть внутренние войска в Армении, Азербайджане, Кыргызстане и Туркменистане. Организационно во всех названных странах ВВ входят в структуру МВД. Наряду с внутренними войсками в ряде постсоветских государств создавались национальные (на Украине, в Кыргызстане и Узбекистане) или республиканские гвардии (Казахстан)¹⁰.

Обозначенное выше сокращение численности можно объяснить сужением функциональной сферы деятельности ВВ в России, с которых в 1998 г. были сняты функциональные обязанности по конвоированию заключённых и охране мест лишения свободы. Также в середине 2000-х гг. большая часть тяжёлого вооружения, в том числе танков, внутренних войск была передана министерству обороны, что объяснили необходимостью оптимизации вооружения этих формирований в соответствии с возложенными на них задачами в изменившихся политико-экономических условиях. Вместе с тем существенно выросла численность специализированных моторизованных воинских частей – подразделений внутренних войск, созданных для содействия милиции в охране общественного порядка в крупных населённых пунктах, что свидетельствует об усилении полицейского компонента в функциональности ВВ.

О политической значимости института внутренних войск в современной России свидетельствует стабильно благополучное их положение в качественном и количественном измерении в сравнении с другими силовыми структурами, а также то гипертрофированное внимание, которое уделяют любым учениям и перемещениям частей и подразделений внутренних войск некоторые представители оппозиции, прогнозируя массовые народные волнения, связанные с последствиями финансового кризиса. Примечательно в этом плане решение о приостановке принятого в 2006 г. Советом безопасности решения о сокращении внутренних войск МВД РФ, в то время как в армии собираются увольнять 205 тыс. офицеров и 140 тыс. прапорщиков и мичманов. Тогда было решено сократить ВВ с примерно 200 000 чел. до 140 000 к 2011 г., и сейчас эти подчинённые МВД войска, состоящие из отрядов спецназа, частей

оперативного назначения и частей по охране особо важных объектов, насчитывают, как отмечалось выше, около 170 000 чел. Объясняется это решение необходимостью усиленных мер безопасности во время Олимпиады-2014 в Сочи (зачем сокращать, чтобы потом снова восстанавливать). Это официальная версия, а вот представители оппозиционных партий и ряд аналитиков считают, что таким образом власть готовится к грядущим народным волнениям, которые, по их мнению, будут происходить в контексте финансового кризиса¹¹.

Вместе с тем сравнительный анализ соотношения численности военизированных формирований внутренней безопасности и Вооружённых сил в России и различных зарубежных странах не даёт нам оснований говорить о гипертрофированном развитии этого института в нашей стране. В частности, численность дореформенной Российской армии составляла 1 млн 120 тыс. чел.¹², численность внутренних войск – 170 тыс. чел., таким образом, соотношение воинских формирований внутреннего и внешнего применения в Российской Федерации составляет 0,15. В то время как расчёт аналогичных соотношений (ВВ/ВС) в зарубежных странах, по справочным данным на 2006 г.¹³, дал следующие значения: Иран – 0,1; Италия – 0,58; Йемен – 0,71; Марокко – 0,1; Монголия – 0,14; Пакистан – 0,3; Польша – 0,05; Португалия – 0,58; Перу – 0,96; Республика Конго – 0,2; Румыния – 0,59; США – 0,31; Турция – 0,29; Франция – 0,41. Политический смысл данного коэффициента понятен: чем больше его значение, тем больше относительная величина военизированных формирований, подготовленных в конкретном государстве для силового решения внутривнутриполитических проблем, в том числе и борьбы с гражданскими волнениями. Цифры показывают, что Россия в деле развития сил внутренней безопасности далеко не лидер. Более благополучные в социальном плане и с точки зрения межнациональной напряжённости значительно меньшие по территории и, что не менее важно, демократичные в глазах мировой общественности Франция и Италия ушли значительно вперёд в организации военизированных формирований для подавления гражданских волнений, что вместе с тем не мешает им считаться эталонами демократии в современном мире.

Значимость института внутренних войск в политических процессах ряда государств ближнего зарубежья можно оценить не только на основе анализа численности, финансирования и полномочий, но и изучая их роль в периоды политических кризисов, в частности, во время т.н. «цветных» революций. На Украине, в Киргизии, в

Грузии исход революционных событий во многом зависел от позиции «силовиков», а военнослужащие внутренних войск (или аналогичных формирований) подолгу не покидали площади и улицы революционных городов¹⁴.

В целом сегодня внутренние войска характеризуются развитой политической ресурсностью инструментального плана и являются органично встроенным в политическую систему современной России инструментом поддержания общественного порядка и политической стабильности.

Примечания

- 1 В данной статье мы при необходимости будем использовать также и общепринятое сокращённое название внутренних войск – ВВ.
- 2 См.: Попов И.М., Роголев А.П. Внутренние войска (структуры им подобные) в системе обеспечения внутренней безопасности зарубежных государств (1945–1997 гг.). М., 1998; Тарасов М.М. Служебно-боевой опыт войск правопорядка // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2006. № 11.
- 3 Сунь-Цзы (*У-Цзы*). Трактаты о военном искусстве. М., 2002. С. 46.
- 4 Федеральный закон от 06.02.1997 № 27-ФЗ (ред. от 30.10.2007) «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Рос. газ. 2007. 7 нояб.
- 5 Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 26.06.2007) «Об обороне» // Рос. газ. 1996. 6 июня.
- 6 Там же.
- 7 См.: Война и мир воюющих войск // Братишка. 2006. № 3.
- 8 См.: Климов А.А. Деятельность внутренних войск МВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории Западной Украины в 1944–1953 гг. // Сборник научных статей адъюнктов Военного университета. М., 2005. № 8.
- 9 См.: Никольский А. Солдат с дубинкой ещё пригодится // Ведомости. 2008. № 239.
- 10 См.: Что такое Национальная гвардия // Коммерсантъ Украина. 2007. № 92; Яценко Д. Гвардия президента // Профиль. 2007. № 13 и др.
- 11 См.: Никольский А. Указ. соч.
- 12 См.: Гольц А. Секретная реформа // Pro et Contra. 2009. № 1(44).
- 13 См.: Вооруженные силы зарубежных стран (справочные данные) // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 2.
- 14 См.: Зыгарь М. Война и миф. М., 2007; Полтораков А. «Силовые» структуры Украины в контексте «помаранчевой революции» // Wspolczesna Ukraine. Lodz, 2007 и др.